Л. Давыдычев

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ САМОЙЛОВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДЕТСТВО

РОМАН ДЛЯ ДЕТЕЙ

Неимоверно юмористический, чуть-чуть-чуть сатирический, в меру детективный, некоторым образом фантастический, но в основном дидактический

Л. Давыдычев

генерал-лейтенант САМОЙЛОВ возвращается в детство

Роман для детей

Немножечко юмористический, чуть-чуть-чуть сатирический, в меру детективный, некоторым образом фантастический, но в основном дидактический.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО. 1985

Р2
Д13

Художник **В. Аверкиев**

Д $\frac{48030102—52}{М152(03)—85}$ 53—85

© Пермское книжное издательство, 1985.

Наше повествование, уважаемые читатели, открывается

ПРОЛОГом,

в котором генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов рассказывает, как у него возникло непреодолимое желание вернуться в детство, снова стать мальчиком по прозвищу Лапа

— Беда нас, взрослых, и особенно пожилых, в том, что́ мы или забыли детство, или помним его плохо, в общих чертах. И нам, увы, не понять до конца детей, особенно мальчишек! В головах у них, оказывается, такой ералаш, что они сами в себе разобраться начисто лишены способности! Они совершенно не в состоянии определить, что они вытворяют и чего им еще захочется вытворить! В головенках у них все пере-пере-перепуталось! Полезное и вредное! Благородное и подлое! Доброе и злое! Почему легче поднять в смертельную атаку взвод, роту, полк, чем заставить спокойно просидеть урок второй, третий, а то и — стыдно сказать! — первый класс?!?!

Конечно, солдаты — во-первых, солдаты, во-вторых, они просто взрослые люди, но это не объяснение и тем более не оправдание мальчишечьей не-со-зна-тель-но-сти! Вернее, далеко не достаточное объяснение. Ведь определенной, математически точно выверенной границы между

ребенком и взрослым не существует. Притом их, детишек-то, посылают не в смертельную атаку! Их просят, практически умоляют всего-то-навсего спокойно просидеть урок... И вместе с тем, повторяю, мы в чем-то перед детьми и не правы. Мы их плохо понимаем в иных случаях. А они нас вообще даже и не пытаются понять. Представьте, не испытывают в этом необходимости!

А ведь что-то надо делать!

Надо немедленно что-то предпринимать!

Иначе будет поздно!

По данным иностранных разведок, дисциплина в наших школах ежегодно падает примерно на ноль целых пять-шесть сотых процента. В детских яслях — на две сотых процента! А в детских садиках цифра падения самая высокая — ноль целых восемь сотых процента! Эти показатели имеют почти прямое отношение к тому, каким явится молодой человек в армию... Вот так-то... И я много думал о вышесказанном, еще и не подозревая, к каким конкретным и крайне решительным действиям приведут меня подобные размышления. Мое, как потом оказалось, непреодолимое желание вернуться в детство не было случайным. Оно долго зрело во мне, пока не оформилось окончательно.

Здесь к месту заметить, что иногда самые значительнейшие события в жизни человека начинаются вроде бы с абсолютного пустяка. Именно так случилось и со мной.

Однажды я вдруг вспомнил, что в детстве у меня было прозвище Лапа. А вот почему меня так прозвали, запамятовал! Не могу вспомнить — и всё тут! Раздражаюсь, злюсь на самого себя, в голове стучит: Ла-па! Ла-па! Ла-па!.. Почему — Лапа? И мне стало ясно, что, пока я не вспомню, почему меня звали Лапой, ни о чем другом я думать уже не смогу. Так оно и было. Только

раздражение и злость исчезли. Ко мне как бы вернулось детство, я вспоминал и вспоминал его, удивляясь, как много я помню!.. Но почему — Лапа?

И вдруг однажды вечером я обнаружил, что заболел, да так здорово заболел, что к ночи подумал: «А вдруг я сейчас умру? Рррррраз — и, как говорится, нету? Тю-тю!»

И стало мне, старому воину, оч-чень страшно, до того жутко мне стало, что пальцы ног мгновенно похолодели, окоченели прямо, а на лбу выступил холодный пот, будто меня дождем обкапало. Сердце не билось, а бу-ха-ло! Вот-вот, думаю, возьмет оно да и лопнет! Разорвется или из груди выскочит!.. Понимаете, вот-вот могу умереть...

«Что же это такое происходит, люди добрые, — думаю. — Неслыханное дело: генерал и — трусит!»

Но страх не проходил, сколько я ни внушал себе, что мне должно быть за это стыдно. Мне и было стыдно, обидно мне было, а страх не отпускал. Сколько сражений я прошел, в каких только переделках не бывал, восемь тяжелых ранений, а легким и средним счета нет, а тут, видите ли... Да не имею я права умирать ни с того ни с сего!

Дел у меня, между прочим, уйма. Пусть тот умирает, кому делать нечего! В конце концов, просто несправедливо и глупо, возмутительно просто — вдруг умереть!

Никогда я ничего не боялся, а тут... Дома у меня никого нет, живу я один, даже если и «Караул, умираю!» крикну, никто и не услышит, никто и на помощь не придет.

И обратите внимание на любопытнейшую деталь: я совершенно забыл, ну из головы выскочило, что можно попытаться добраться до телефона и вызвать «Скорую»! Вместо этого я продолжал лежать, продолжал трусить —

да, да, именно трусить! — и гадать, что же такое со мной творится.

Вдруг — совершенно внезапно, заметьте! — вспомнил я, почему в детстве меня прозвали Лапой. Ну, знаете ли, чушь какая-то получается, бе-ли-бер-да! Чуть ли не умирать вроде бы собрался, а тут лежу действительно еле живой и прямо-таки с блаженством ощущаю себя маленьким! Ла-пой!

Была у меня в детстве, вспомнилось, следующая привычка. Встретив любое животное или птицу, я почему-то обращался к ним с искренним предложением: «Давай лапу!» Естественно, что просьбы мои исполняли только собаки и кошки, а коровы, например, или курицы игнорировали мои дружелюбные предложения. И все равно даже к воробьям я обращался по привычке: «Давай лапу!»

Животных я оч-чень любил, но на змей до сих пор не могу смотреть без содрогания, а в детстве меня трясло с головы до ног при одном виде безобидных ужей. Однажды на рыбалке, заметив поблизости ужа, я и затрясся с головы до ног от страха, но сделал шаг в его сторону и, закрыв глаза, тонким голоском крикнул: «Давай лапу!»

Уж исчез, мальчишки вдоволь добродушно похохотали, а прозвище Лапа пристало ко мне надолго.

Вспомнив все это, я вновь ощутил себя маленьким и с этакой легонькой грустью размечтался: а ведь как бы замечательно было вернуться в детство... Я и не заметил в мечтаниях, как постепенно снова почувствовал себя предельно больным, и зло подумал: «Какое еще там возвращение в детство, когда тебе грозит... Эх, поговорить бы мне со Смертью перед смертью! Я бы ей сказал! Она бы у меня вздрогнула, старушенция безгла-

зая! На фронтах меня доконать не смогла, а сейчас, видите ли, задумала такую пакость!»

— Ты звал меня, генерал-лейтенант? — раздался негромкий, хрипловатый, на редкость противный голос, щелкнул выключатель, зажглась люстра, и я увидел... Вы только представьте себе такую... слова не подберу... картину, что ли... Стояла передо мной, — а я лежал в кровати, — особа в огромных черных очках, длинноволосая — этакая седая пакля до острейших плеч, — в белой короткой юбке, черном свитере и красных сапожках. — Ты звал меня, я здесь! — И она мерзко, с присвистываниями хихихикнула.

— Кто... ты... такая? — с трудом выговорил я, хотя сразу догадался, что же это за особа передо мной. — Кто ты? — постарался я спросить как можно грознее, чтобы придать себе храбрости.

— Я Смерть! И ты сразу узнал меня! — прохрипела она, села, закинув ногу на ногу (то есть кость на кость), и продолжала, давясь свистящим смехом: — Времени у нас с тобой не так уж много, но я тебя выслушаю и даже с некоторым интересом. Только заранее учти, что все разговоры со мной бесполезны! Решения мои окончательны и обжалованию не подлежат! — Она на некоторое время просто подавилась своим наиотвратительнейшим хихиканьем. — Жаловаться на меня некому! И некуда! — И хихиканье ее переросло в этакий хрипло-свистящий хохотище. — Ну-у-у-у-у!!!! — столь страшным голосом прикрикнула она, что меня всего передернуло, чуть ли не затрясло.

Надо отметить, кстати, что как только эта особа назвала себя, я сразу вроде бы успокоился. Если явилась Смерть, рассудил я, значит, дела мои оч-чень плохи. Да что там — плохи! Хуже некуда. Тем более, что я знал: она должна быть зла на меня. Ведь сколько раз я ухо-

дил от нее! Можно сказать, убегал, уползал, увертывался!

Знал я и то, что она коварна, немилосердна, жестока, несправедлива и, по моему глубокому убеждению, совершенно глупа. Но еще больше подла, конечно.

И, чтобы выиграть время, собраться с мыслями, сделать отчаянную, пусть даже и бесполезную попытку еще раз уйти, убежать, улизнуть, ускользнуть, от-ползт-ти живым от мерзкой и абсолютно незваной гостьи, я спросил:

— Почему ты так странно выглядишь? Я представлял тебя по рисункам из старинных книг старухой в балахоне и с косой в руках, а ты модница какая-то! Чего ты вырядилась?

— У меня выходной день! — гордо, самодовольно и хвастливо проскрипела Смерть. — Балахон, точнее, саван, и коса — это все в прошлом. Ты, так сказать, отстал от смерти, не знаешь нашего нового порядка! — Она хихикала так долго, что запохрипывала, запосвистывала. — В свой последний час ты, генерал-лейтенант, увидишь меня в современной форме и сразу, может быть, что-то и поймешь. Теперь у меня, кстати, масса заместителей и заместительниц, помощников и помощниц, невообразимое количество агентов. Сегодня они все трудятся, готовят для меня работу, а я гуляю и наслаждаюсь! Ради остренького, этакого пикантненького удовольствия я решила сегодня кой-кого при-пуг-нуть! То есть пре-ду-предить, что скоро я явлюсь к ним для выполнения своих прямых обязанностей.

— В том числе и меня при-пуг-нуть? — с притворно равнодушным видом спросил я, хотя внутри у меня все похолодело, прямо-таки оледенело. — А я-то зачем тебе понадобился? Помирать мне, я считаю, рановато.

— Помирать никогда не рано! — Из ее беззубого рта уже выскочил было *хихик,* но она подавила его и медленно выговорила: — А тебя, генерал-лейтенант, я не пе-ре-ва-ри-ва-ююююю-ууууууу... — повыла она и гнусным голосом, до того гнусным, что у меня по коже мороз пополз, продолжала: — Я тебя давно неее-нааа-виии-жуууу... — Она тяжко передохнула. — Храбрые, к сожалению, нисколько меня не боятся и подолгу не сдаются мне. И гибнут они молча, сжав зубы. А я обожаю, мне у-у-у-ужасно приятно, когда я вижу и слышу, как люди плачут, стонут, страдают, мучаются, **проклинают Смерть** и боятся — хи-хи-хи-хи-хи-и-и-ик! — меня! Ого-го! Го-ого! Я сама определяю, когда и к кому мне явиться, как и что мне делать! — со свистом шипела Смерть, и сквозь шип отчетливо слышалось постукивание костей, а ее могильно-холодное дыхание уже касалось моего разгоряченного лица. — Ты не можешь не понимать, генерал-лейтенант в отставке Самойлов Илларион Венедиктович, что на сей раз тебе от меня не выр-вать-ся! НЕ! ВЫРВАТЬ-СЯ!!!!

Тут голова моя закружилась, сердце от резкой боли сжалось... Ощущение было такое, словно у меня враз заныли все старые раны. Я пробормотал через силу:

— Нет, нет, нет... у меня много оч-чень важных... срочных дел... дай мне их закончить... потом забирай меня... если уж у тебя совсем нет совести... прошу тебя... дай мне закончить дела...

— Глупости, глупости, глупости! Ух, какие дурацкие глупости! — хрипло прокричала Смерть с посвистываниями. Она сняла огромные черные очки, и я увидел вместо глаз пустые отверстия, дырки обыкновенные. Пальцами-костяшками она приподняла над черепом парик из седых волос, прошипела: — Готовься... Скоро я явлюсь к тебе в своей форме-спецодежде. Тогда мне будет не до

разговоров. Я буду на работе, на службе, на посту, при исполнении прямых обязанностей, буду делать любимое дело. Можешь быть уверен, я приложу все свое умение, все мастерство, все знания и опыт, чтобы ты не просто умер, а...

— Когда?

— Когда сочту нужным. Вскоре. Я применю к тебе какой-нибудь даже с моей точки зрения невообразимо жестокий способ... что-нибудь из модерна... чтобы ты...

— Ты опять решила припугнуть меня? — против своей воли заискивающим тоном спросил я. — Или ты... серьезно?

— Нет на свете ничего серьезнее меня, — высокомерно проскрежетала Смерть. — Я никогда не шучу. Я начисто лишена чувства юмора. А когда я смеюсь, у людей от у-у-у-ужаса волосы встают дыбом... Вообще-то я могла бы прийти на несколько лет позже, чем решила. Но — с одним условием.

— Каким? — невольно вырвалось у меня, хотя я, конечно, прекрасно знал, что, кроме самых подлых подлостей, от этой особы ожидать нечего.

Смерть долго и мерзко хихикала и прохрипела:

— Да, да, я могу оставить тебя на несколько лет в покое с одним непременным условием. Обещай мне не делать ничего хорошего людям, особенно детям, и я не трону тебя до поры до времени. А если ты хотя бы изредка будешь делать людям, особенно детям, хотя бы маленькие пакости, я буду к тебе еще благосклонней... Видишь, как я, оказывается, добра и великодушна?.. Ну?.. Я жду!

Тут я до того возмутился, что ответил так:

— Была ты, извини за выражение, круглой дурой, ею и осталась. Соображать-то тебе нечем! Череп-то у тебя пустой! Вот и несешь разную подлую ерунду! — Перед

глазами у меня поплыли чернейшие круги, я упал на подушку и говорил, собрав последние, так сказать, уже почти бессильные силы: — Ведь не делать ничего полезного людям, особенно детям, — ведь это и значит фактически умереть! Нет, нет, особа ты пустоголовая, все равно рано или поздно мы с тобой разделаемся и...

— И Смерть, по-твоему, умрет? — ехидно в высшей степени спросила моя абсолютно незваная гостья и рявкнула: — Смерть бессмертна! — Она склонилась надо мной. — Если хочешь еще пожить, ничего не делай полезного людям, особенно детям!!! Только в этом случае я несколько лет не трону тебя! А если ты хотя бы изредка, хотя бы немножечко будешь делать пакости людям, особенно детям... — Голос ее стал наиотвратительно страстным. — Я буду к тебе еще благосклонней... А?

Собрав остатки остатков сил, я приподнялся на руках, и хотя голова моя пошла кругом, я, не размахиваясь, ударил... Кулак попал в пустоту, в воздух... Я потерял равновесие и едва не полетел с кровати на пол.

Совершенно обессиленный, я опрокинулся на подушку, лежал и пытался сообразить, что же такое со мной было.

Сон, обыкновенный сон, конечно... Но постепенно я начал понимать, что к разряду обыкновенных его отнести нельзя: слишком уж сильное он произвел на меня впечатление...

Едва дождавшись утра, измучившись разными болями, я вызвал врача.

Меня сразу же отвезли в госпиталь, где я пробыл две с половиной недели, и две с половиной недели на душе у меня было, знаете ли, плоховато. Даже тогда, когда здоровье мое пришло в норму, я места себе не находил. Думалось только об одном: что я конкретно должен успеть сделать до смерти?.. Ни в какие сны я никогда, ко-

нечно, не верил, а тут... Не выходит кошмарнейший сон из головы и — все тут!.. И главное, не могу определить, что именно меня так взбудоражило. Домой я вернулся весь какой-то взвинченный, раздраженный, в тревоге, смятении... Представьте себе, б о я л с я наступления ночи! И спать лег не на кровать, а на диван в кабинете. Одеяло туда принес, подушку, не раздеваясь, не погасив света, устроился поверх одеяла и незаметно задремал...

Вдруг... да-да, слышу четкий звук шагов... вот он замер где-то тут, рядом, около... Б о ю с ь открыть глаза, ибо уже знаю, Ч Т О увижу...

— Да ты трусишь, генерал-лейтенант! — раздался знакомый гнуснейший голос и такое же хихиканье. — Да как же ты ухитрялся воевать, если ты такой...

— Рахитка ты, вот ты кто! — чуть ли не завопил я, вскакивая.

Передо мной стояла Смерть. На черепе этой особы была солдатская каска с фашистской свастикой!

Я буквально задохнулся от ненависти, сжал кулаки, покачнулся, но устоял.

На ногах у Смерти — офицерские сапоги. Одета она была в серо-зеленый мундир, на широких коричневых погонах блестело по два черепа со скрещенными костями. Брюки у негодяйки были от космического скафандра!

— Ничего у тебя не получится... — Я разрешил себе сесть, потому что сразу обессилел. — Ничего у тебя не получится! — повторил я, почувствовав, что мозг мой работает как-то странно: понимаю, что вижу сон, а действовать намерен совершенно здраво. — Вот сейчас я проснусь...

— Если я захочу, ты можешь и не проснуться! — вроде бы скомандовала Смерть. — Слушай меня, старикан,

внимательно и не торопись болтать. Я довольна, что ты здорово испугался меня, — проскрипела она. — Несколько последних лет ты словно забыл о моем существовании. **Я вторично напоминаю тебе о себе, Смерти!** — громко и мерзко звучал ее голос. — Я современная Смерть! Я не старуха в саване и с косой в руках, какой меня, ты помнишь, рисовали в старинных книгах. Сейчас я вооружена не хуже любой современной армии и работаю в непосредственном контакте со всемогущей организацией «Целенаправленные Результативные Уничтожения», в которой немало моих агентов. Так вот, генерал-лейтенант в отставке Самойлов Илларион Венедиктович... — Она,

стуча костями, опустилась на стул. — Не утешай себя, что видишь сон. Смерть часто приходит именно во сне. Если ты не выполнишь моих указаний, я придумаю для тебя самую длительную, самую мучительную и, главное, позорную кончину. Ты одну тысячу сто двадцать девять раз пожалеешь, что не послушался меня! Напомнить тебе, несчастный, мои условия?

От всего вида, а не только от подлых речей этой фашистки меня трясло, но я сдерживался. Повторяю: мозг мой работал нормально.

И я ответил Смерти деловым тоном:

— Вот что, красотка-уродка со свастикой во лбу... Ишь, вырядилась! Космические штаны напялила! — Я почувствовал, что сразу потерял спокойный тон, но не стал сдерживаться, вскочил. — Да, напугала ты меня! Да, я старик! Да, ты часто приходишь во сне, и, может быть, именно этот вот сон — мой последний! И — слушай меня! Пока я жив хоть немножечко, хоть тютельку жив, изо всех сил буду делать людям, особенно детям, только хорошее, отличное, прекрасное. Я давно подозревал о твоих связях с фашизмом! И то, что ты связалась с одной из самых ненавистных человечеству организаций, «Целенаправленными Результативными Уничтожениями». меня нисколько не удивило. Туда тебе и дорога! И вот тебе мой последний ответ: брысь отсюда!

Я двинулся прямо на Смерть, решив, что, сон это или не сон, сейчас она у меня получит, да так, что каска со свастикой загремит по полу!

— Стой, стой, стой... — совершенно спокойно вроде бы посоветовала мне Смерть. — Слушай внимательно, Илларион Венедиктович Самойлов, генерал-лейтенант в отставке... Присядь, отдышись... Вот так, умница... Одна из самых могущественных организаций, «Целенаправленные Результативные Уничтожения», довольно уже

давно находится в панике, между нами говоря. Она с прискорбием предполагает, что рано или поздно человечество запретит все существующие виды оружия! Все! Ножик перочинный будет считаться оружием, представляешь? Кошмар немыслимый! Будет запрещено все, чем можно убивать!

— Мне надоела твоя болтовня, — сказал я. — Действуй!

— Успеется, — она криво усмехнулась беззубым ртом и торжественным тоном продолжала: — Поэтому разрабатывается новый вид войны — войны за умы и сердца людей, особенно детей. Вот тут нам будет дорог каждый человек, который окажется способным предать родину, все променять на собственное благополучие! Главное, чтобы он понятия не имел, что такое быть гражданином своей страны! Я предлагаю тебе до-о-олгую жизнь, если ты...

— Подожди, подожди, — остановил я Смерть. — Ты что-то путаешь. Во-первых, война — это война, то есть вооруженная борьба. Во-вторых, борьбу против наших умов и сердец враги наши ведут давным-давно, с того самого времени...

— Ты просто тянешь время! Рассуждать перед Смертью — глупо и смешно! — Она скрипела торопливо и раздраженно: — Готовится невиданная — неужели не ясно? — война, в которой оружием, если уж тебе так нравится это слово, будет только идеология!!! Вникни: мы готовим войну за умы и сердца людей, особенно детей, невиданную по масштабам и подлости идеологическую войну! Встать! — рявкнула Смерть. — Я не только не трону твою жизнь, я дам тебе возможность вернуться в детство. Мы забросим тебя к детям со специальным заданием! Дай лапу, агент «Целенаправленных Результативных Уничтожений»!

Я решил...

придушить Смерть...

сейчас же...

сию же...

секунду...

Медленно поднявшись с дивана, я вытянул вперед руки с растопыренными пальцами и...

И — проснулся.

Стою я посреди комнаты, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами... И хо-хо-чу! Да, да, хо-хо-чу от оч-чень большого душевного облегчения.

Помахал я радостно руками, сделал несколько приседаний, много раз втянул живот, закончил все это бегом на месте, приговаривая:

— Жив еще... жив еще... поживем... поживем...

Постепенно этакая веселая жизнерадостность покинула меня. Умывшись-побрившись, я принялся было завтракать и неожиданно ощутил полнейшее отсутствие аппетита. Сидел я на кухне и, так сказать, перебирал мысли, которые появлялись у меня в голове. Все они сводились к одному: хоть сон есть всего-навсего сон, верить в сны глупо и даже стыдно, но посображать надо. Ведь сны могут быть просто продолжением размышлений...

Да вот что архилюбопытно: я продолжал мысленно спорить со Смертью, словно она являлась ко мне на самом деле!

В конце концов решил я посоветоваться со своим другом, тоже генерал-лейтенантом в отставке, но еще и крупным ученым, Гордеем Васильевичем Пушкаревым.

Гордеюшка был необыкновенно веселым человеком, шутником невозможным, а вот прихожу к нему — что такое? Сам на себя не похож Гордеюшка: мрачный, злой, вот-вот, кажется, зашипит или зарычит. Посмотрел он

на меня — в глазах наитоскливейшая тоска, голова набок прямо-таки свесилась, руки бессильно опущены... и молчит... молчит...

— Да что с тобой, Гордеюшка?!

Только через некоторое время отозвался он оч-чень уж глухо и совсем мрачно:

— Несчастье у меня, Иллариоша. — Поднялся он во весь свой огромный рост, руки вверх вскинул и громовым голосом забасил: — Горе-то у меня какое! Стыд-то какой! Внук мой Робик обормотом растет! Единственный внук генерал-лейтенанта — обормот! И не вздумай меня утешать! Я безутешен! Я погибнуть могу от стыда и горя! В любой момент могу погибнуть!

— Во-первых, никто тебе погибнуть не позволит, — строго, пожалуй, даже сурово, сказал я и недоуменно спросил: — А почему внук именно обормот, во-вторых? —

— А как прикажешь называть... этого... такого... этакого обормота, если он действительно... о-бор-мот? — растерянно, но уже значительно спокойнее отозвался Гордеюшка. — Главное, учится еле-еле-еле-еле... Можно даже сказать, практически не учится. Живет, извини за выражение, дурак дураком, балда балдой! Вот какой позор выпал мне на старости лет! Мне иногда кажется, что мои седые волосы от стыда краснеют...

Надо отметить, что Гордеюшка роста высоченного, силы, несмотря на старость, весьма значительной, а тут, смотрю, весь он как-то сжался, сник, поник, будто усох.

— Робику уже одиннадцатый год, — глухо и мрачно продолжал Гордеюшка, — а до сих пор на нормального

человека не похож. Конечно, надо попробовать его перевоспитать. Но делать это надо только строго научным путем. Собственно, этим сейчас я и занят. Верь мне: человечество может быть избавлено от малолетних обормотов и обормоток.

— А при чем здесь человечество? — удивился я. — Ведь обормотом, как ты изволил выразиться, растет твой внук, и о нем тебе надо беспокоиться в первую очередь, а не о человечестве.

— О! О! О! — возбужденно воскликнул Гордеюшка, резко встал, в волнении быстро прошелся, почти пробежал по комнате, остановился передо мной. — Не один ведь Робик обормотом растет! Таких, знаешь ли, мно-о-о-ого! Было бы тебе известно, что *обормотизм* распространяется по всему земному шару и бороться с ним можно, должно и нужно только строго научным путем. Требуется специальная техника, уникальные приборы для тщательного изучения подрастающих обормотов и обормоток! Наука и техника помогут родителям и обществу в воспитании и особенно в перевоспитании детей!

— Подожди, Гордеюшка, — остановил я своего не в меру разволновавшегося друга. — А конкретно?

— Конкретно? Вот! Например, еще никому не удавалось точно установить тот самый страшный момент, когда в ребенке полностью созрело стремление, скажем, к лени как к принципу существования. Ведь обычно мы обнаруживаем, что ребенок ленив, слишком поздно. А если бы удалось создать прибор... — Гордеюшка в высшей степени таинственно помолчал. — Представляешь, мы подключаем этот прибор под названием «Чадомер» к буквально только что родившемуся чаду и получаем о нем самые точные данные! Сколько в младенце заложено единиц лени, трудолюбия, зазнайства, скромности, гордости, тупости, смелости... представляешь?

А со временем мы научимся по нашему прибору определять, сколько в младенце способностей и к чему именно. Например, «Чадомер» обнаружит, что у чада одинаковые способности, чтобы стать таксистом, связистом и жуликом, и мы даем научные рекомендации по воспитанию данного малыша... Ясно?

— Не очень, — честно признался я. — Похоже на... сказку.

— Или на бред? — обиделся Гордеюшка. — Но я уже заканчиваю работу над этим воистину сказочным прибором! Уже есть первые данные! К примеру, отрегулирована схема определения сонливости. Единица измерения — храп. Для живого существа типа кота количество храпов не должно превышать пяти-семи. А у нашего кота схема обнаружила тринадцать!.. Иллариоша, ты веришь в меня?

— Конечно, верю, еще как верю! Но ты не волнуйся... ты замечательно мыслишь... все правильно... все удивительно правильно... — бормотал я, чувствуя, что сам взволнован до предела, но не понимаю причин. — Надо торопиться... торопиться надо... надо что-то делать... что-то предпринимать...

— Правильно, правильно! — восторженно пробасил Гордеюшка. — Надо торопиться, именно торопиться!

— Куда торопиться?

— Как — куда?! Ты же сам утверждал, что надо торопиться!

— Да, да... понимаешь, я разволновался... это ты меня разволновал... Послушай, послушай меня, Гордеюшка!

Проговорили мы допоздна. Удивительно, но к моим снам Гордеюшка отнесся совершенно серьезно, сказал задумчиво:

— Все это не случайно — и мой «Чадомер», и твои сны. Надо торопиться помогать детям! Многие из них в опасности! Каждый, каждый должен тревожиться! Если мы научимся перевоспитывать плохих детей, мы избавим человечество от плохих людей! А в конечном итоге это будет означать, что человечество навсегда избавится от войн! Потому что нормальные, хорошие люди хотят жить только мирной жизнью! Воевать мечтают только великовозрастные обормоты!

— А ты не упрощаешь? — невольно вырвалось у меня. — По-моему, нельзя так упрощать вопрос о возникновении войн.

— Я смотрю в будущее. — Гордеюшка вновь помрачнел. — Ведь твои сны — это твои размышления. И если в них Смерть-фашистка особо подчеркивает значение детей в будущей войне... грозит новым видом войны — **идеологической...** надо, надо торопиться! Все должны действовать под девизом: превратим каждого обормота и обормотку не просто в нормального человека, а в подлинного гражданина своей страны!

По дороге домой, — а я намеренно пошел пешком, — мне было неспокойно. Я понимал, что взволнован не только рассуждениями Гордеюшки, а и еще чем-то... Чем? Неужели снами? Допустим. А в них что особенно встревожило меня? Напоминание о возможной смерти?.. Нет. Тогда — что?

И уже дома, в растерянности сидя на диване, я вдруг вспомнил о Лапе, о себе маленьком... о возвращении в детство...

— Вот... — прошептал я. — Вот в чем дело...

Я не знал, как это произойдет, но был абсолютно убежден, что вернусь в детство, снова стану мальчиком по прозвищу Лапа. Честно говоря, я пока и не думал над тем, зачем мне это понадобилось, но все-все после-

дующие события убеждали меня в правильности и даже в необходимости принятого решения...

А теперь, уважаемые читатели,
приступим к нашему повествованию,
немножечко юмористическому,
чуть-чуть сатирическому,
в меру детективному,
некоторым образом фантастическому,
но в основном дидактическому.

Глава под номером ОДИН и под названием

МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК ВОВИК КРАСНОЩЕКОВ,

или

Первые попытки генерал-лейтенанта в отставке Самойлова понять современных мальчишек

На всех, как говорится, видах городского транспорта, кроме такси, конечно, Вовик Краснощеков ездил бесплатно, даром, то есть зайцем.

К сожалению, уважаемые читатели, мне неизвестно и никто мне до сих пор объяснить так и не смог, почему безбилетников с давних времен прозвали именно зайцами.

Почему, например, не кроликами?

Не мышками почему?

Или не сусликами?

Почему бы их жуками не прозвать?

А — лучше! — таракашками?

Ведь скорее всего, точнее, насекомые они какие-то, но вот какие именно, догадаться не могу.

Однако как ты безбилетника не называй, жулик он самый обыкновенный. Причем жулик мелкий — жульчонок. Из-за копеечек жульчонок на подлость идет. Маленькую, крохотную, малюсенькую, микроскопическую, но все-таки подлость. Жульчонок — это микроб жулика.

Получит Вовик от родителей деньги на абонементы и — прямейшим ходом, только пятки мелькают! — в кафе-мороженое.

Мороженое Вовик не ест, как все нормальные люди, а сглатывает. Ам! Ам! Ам! — и нету порции. Ам! Ам! Ам! — второй нету. Амамам! — и третьей порции как не бывало! И т. д.

И фамилия у него Краснощеков, и щеки у него действительно краснющие, но не от стыда за свое безбилетное поведение, а от природы они у него краснющие, от здоровья. А здоров он — на двух, трех или даже четырех человек его здоровья хватит. Здо-о-о-оровенное здоровье!

Бегом полгорода пробежать может, троллейбус обогнать может, а трамвай — так запросто, но ему, видите ли, все виды городского транспорта, кроме такси, конечно, подавай!

И не только сколько-нибудь стыдился Вовик своего безбилетного образа жизни, а гордился собой, очень умным себя полагал, без меры сообразительным, чуть ли не выдающимся человеком себя считал.

Когда Вовикины приятели узнали о его безбилетном поведении, пристыдили и прозвище ему дали — дармоезд.

Ничего им Вовик не ответил, но подумал: «Не смешите вы меня, а то у меня от смеха животик заболит. Соображать ведь надо, товарищи мои дорогие, головой работать надо, дорогие мои товарищи! Подумаешь, какой-то там Вовик Краснощеков бесплатно в трамвае четыре остановочки проедет! Кому они, эти несчастные три копеечки, нужны? Кто из-за них пострадает? Обеднеет кто из-за них? Сотни, десятки тысяч, может, миллионы людей, к вашему сведению, за деньги ездят! Какой доход государству приносят! И среди них — миллионов-то! — один я, как вы сказали, дармоезд. Стоит ли, надо

ли, нужно ли о таком маленьком, крохотном, малюсеньком, микроскопическом пустячке говорить? Внимание на него обращать? Зачем, к чему и почему на такую ерундичку время тратить?»

Если бы все это Вовик сказал вслух, приятели ответили бы ему:

— Да ведь не один ты такой! Кто знает, кто сосчитать может, сколько вас, маленьких, крохотных, малюсеньких, микроскопических пустячков, то есть зайцев, развелось? Сотни, десятки тысяч, может, миллионы вас, дармоездов, бесплатно на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно, катается!.. Сколько же сотен, десятков тысяч, может, миллионов копеечек вы у государства отнимаете?.. Обманщики вы! Хоть на три копеечки, да обманываете государство!

И если бы все это услышал Вовик, он бы сказал:

— Не смешите вы меня, а то у меня от смеха животик лопнет. Соображать ведь надо, товарищи мои дорогие, головой работать надо, мои дорогие товарищи! Я эти три несчастные копеечки не себе беру. Я на них мороженое покупаю. А кому деньги за мороженое идут? Да государству, конечно! Значит, я государству, к вашему сведению, пользу приношу. Потому что соображаю! Головой работаю потому что!

Правда, однажды Вовик все-таки ненадолго, минуты так на четыре с несколькими секундами, призадумался над своим безбилетным существованием. Но призадумался Вовик не над тем, что нечестно поступает, что жульчонком является, а как бы ему от прозвища Дармоезд избавиться.

Придумал Вовик потрясающе хитрый, как ему показалось, выход из положения, до того, как ему опять показалось, хитрющий, что он от радости, от восхищения

своей будто бы здорово работающей головой чуть ли не закричал на всю улицу во все горло:

— Зайцы-то, между прочим, тоже кой-чего соображают! И не дармоезд я, а умный я очень! Профессор я, товарищи мои дорогие! Академик я, дорогие мои товарищи!

И знаете, уважаемые читатели, что же такое профессор этот, академик краснощекий придумал?

При появлении контролера Вовик продолжал спокойненько сидеть на своем месте.

А когда контролер обращался к нему, то оказывалось, что Вовик является глухонемым, к вашему сведению!

Ни слова он сказать не может, ни слова он и услышать не в состоянии!

Мычит наш здоровенный заяц, дармоезд наш здоровеннейший, на весь трамвай, автобус или троллейбус, вовсю старается, чтобы его поняли: на уши показывает, язык высовывает чуть ли не на шесть с половиной сантиметров... И хотя нет такого закона, по которому глухонемым разрешается дармоездно кататься, нашего профессора, академика нашего краснощекого все жалели — и пассажиры, и контролеры.

Катается Вовик на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно, иногда и вздремнет, а то и сон интересный увидит...

Но попал однажды наш глухонемой в не очень красивую историю.

В жизни, уважаемые товарищи, часто даже самые невероятнейшие, в том числе и фантастические истории начинаются очень обыденно.

Ехал Вовик в трамвае, сидел у окна и подремывал. И сквозь довольно сладкую дремоту мечтал он о том, что хорошо бы, вернее, просто замечательно, зайцем на

большом-большом-пребольшом корабле под названием лайнер по морю или даже по океану поплавать... Сидел бы он на палубе в специальном полотняном кресле под названием шезлонг и смотрел бы во все глаза на ловких и умных дельфинов... А тут еще подходит к нему дяденька под названием стюард, а в руках у него большущий подносище, а на подносище целых одиннадцать... нет, нет, не сосчитать, сколько вазочек с мороженым разных сортов... Ешь, ешь, профессор ты этакий, академик ты краснощекий, ешь, ешь себе на свое здоровенное здоровье!

И дяденька под названием стюард говорит:

— Как тебе не стыдно, мальчишка невоспитанный?!

Вовик лениво, неторопливо открывает сначала один глаз, потом — неторопливо, лениво — второй и видит, что он в обыкновенном трамвае по родному городу едет, и стоит перед ним лысенький старичок и говорит:

— Стыд и позор тебе, позор и стыд, несознательный мальчишка!

— А что такое? — сладко зевнув, самым наиневиннейшим голосом спросил Вовик. — В чем дело?

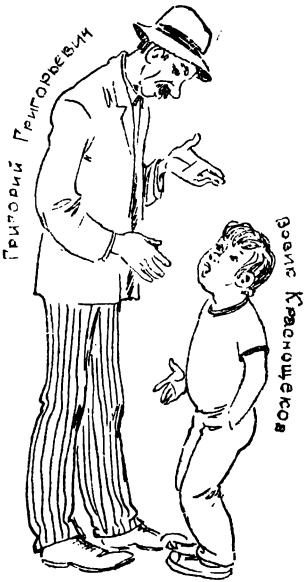
— А что такое? А что такое? — с большим укором и очень нервно переспросил, почти передразнил старичок, и лысина его сначала покраснела, но тут же густо залела. — А в чем дело? А в чем дело? А ты не видишь, краснощекий ты нахал, что вот прямо перед тобой стоит женщина с ребенком на руках? Видишь?

— Конечно, вижу, — охотно подтвердил Вовик, удобнее устраиваясь на сиденье, и вежливо повторил: — Вижу, вижу, не слепой ведь. — И он спокойненько продолжал сидеть, потому что ответил, по его мнению, на вопрос старичка исчерпывающе.

А старичок вдруг ка-а-а-ак скомандует:

— Вста-а-а-ать!

Да так он скомандовал, что Вовика будто какая-то сила с места подбросила. Он вскочил, вытянулся по стойке «смирно», не понимая, чего от него хочет старичок. И только когда тот любезно предложил женщине с ребенком сесть на освободившееся место, Вовик и вспомнил: вроде бы кому-то надо уступать место во всех видах городского транспорта.



Едва трамвай остановился и открылись двери, около которых стоял раздосадованный и обиженный Вовик, готовый немедленно выскочить из вагона, как именно в эти двери вошел длинный-предлинный дяденька и громогласно объявил:

— Граждане пассажиры и гражданки пассажирки, быстренько приготовим билетики для проверочки!

«Так, так... глухонемого из меня уже не получится, — суматошно соображал Вовик, и краснощекость его еще более усилилась, но не от стыда, а от умственного напряжения. — Надо, надо придумать что-нибудь...» И он с озабоченнейшим видом начал предельно неспешно и вполне солидно шарить по карманам, вздыхал громко и озабоченно, тяжко пыхтел, как во время тяжелой, вредной для здоровья работы.

Контролер, длинный-предлинный дяденька, наблюдал за ним подозрительным и пронзительным взглядом, и

было совершенно ясно: еще ни одному безбилетнику обмануть его не удавалось. Он прямо-таки саркастически улыбнулся и откровенно язвительным голосом сказал:

— Штрафик в три рублика придется платить во избежание более крупных и значительно неприятных последствий.

— Обокрали меня! — радостно крикнул Вовик и сделал ужасное выражение лица. — Мама мне рублик на мороженое дала, а я...

— А я рублик проел на мороженом и решил по старой привычке зайчиком прокатиться, — серьезно добавил контролер.

— В милицию таких срочно забирать надо! — крикнула с задней площадки старушка, на руках которой таращила большие черные наизлейшие глаза малюсенькая белая собаченция.

Собаченция пронзительно и злобно тявкнула семь раз.

— Долго еще думать будем, гражданин зайчик? Или пойдем актик составлять на предметик оштрафования?

Вот тут-то Вовик струсил по-настоящему, но что конкретно делать, сообразить не мог, забыл, что профессор он и академик, и неожиданно для себя заныл:

— Не буду больше! Не буду-у-у-у..

— Есть предложение, — вдруг сказал лысенький старичок. — Денег у данного зайца все равно нет. Совести, видимо, тоже. Позвольте, я заплачу за него штраф, заберу дармоезда с собой, проведу с ним серьезную разъяснительную беседу, объясню ему суть его государственного преступления и дам абонемент на обратный путь.

Старушка с задней площадки хотела что-то крикнуть, но малюсенькая белая собаченция с большими черными наизлейшими глазами опередила ее и злобно тявкнула девять раз.

— Хорошо, хорошо, будем считать, что очень хорошо! — грозно согласился контролер. — На сей раз данного зайчика прощаю. Но если он еще хоть разик попадется, будет отвечать перед обществом как государственный преступник.

Он отказался брать штраф у старичка, и тот с Вовиком вышел из вагона на следующей остановке.

Старичок шагал впереди, не оглядываясь, словно абсолютно уверенный, что Вовик будет топать за ним хоть целый день. А он, конечно, нет-нет да подумывал мельком: чего же, собственно, мешает ему дать стрекача? Не побежит ведь старичок за ним! Но что-то довольно крепко удерживало Вовика, чему он и сам удивлялся.

Удивляться-то он удивлялся, но шел и шел, невольно приглядываясь к старичку.

Вроде бы старичок как старичок, ничего особенного. Немало таких по улицам ходит. Но почему-то решил за Вовика штраф заплатить да еще абонемент на обратную дорогу обещал... Зато и разъяснительную беседу придется выдержать... Да еще и припомнить может, что контролер его государственным преступником обозвал... Прямо чудеса какие-то!

Чудеса не чудеса, но — подозрительно. Вовик даже ненадолго остановился, продолжая внимательно разглядывать старичка. Нет, нет, вроде бы ничего, ровным счетом ничего особенного в нем не было.

Нет, нет, вроде бы что-то все-таки было...

Было в нем все-таки что-то!

Но — что?

Чего в нем было особенного?

А то в нем было особенное, что шел он каким-то необычным шагом и держался как-то необычайно прямо.

И что бы это означало?

Вовик догнал старичка и спросил:

— Вы кто такой, дедушка?

Старичок остановился, внимательно оглядел Вовика, тоже спросил:

— А чем, собственно, вызван твой вопрос?

— Просто интересно. Должен ведь я знать, с кем иду.

— Может быть, тебя заинтересует и то, куда мы идем? И тем более, — зачем мы идем?

— Куда идти — мне все равно. И зачем идти — тоже все равно. Делать-то мне нечего.

— О, это оч-чень плохо, — с неприязнью и даже с долей брезгливости воскликнул старичок. — Как это оч-чень отвратительно, когда молодому человеку нечего делать! Это и отвратительно, и возмутительно! Уму непостижимо!

— Многие ничего не делают, — недоуменно проговорил Вовик. — Тем более, сейчас каникулы.

— Многие ничего не делают?! — старичок долго и прерывисто дышал, чуть ли не задыхался от гнева. — К твоему сведению, люди в основном трудятся! И лишь ничтожнейшее количество, ку-чеч-ка, занимается тунеядством! Пре-зи-ра-ю таких, жалею и ненавижу! И каникулы, было бы тебе известно, существуют вовсе не для того, чтобы развивать в себе лень!

И старичок снова двинулся вперед, по-прежнему не оглядываясь, снова точно уверенный, что Вовик будет идти за ним следом хоть целый день.

«Смешной старичок! — весело подумал он. — Ничего в каникулах не понимает! Просто, видать, поговорить любит!»

Но через некоторое время он ощутил беспокойство, догнал старичка и опять спросил, теперь уже с заметной тревогой:

— Да кто же вы все-таки такой, дедушка?

Старичок остановился, медленно обернулся, очень внимательно, с явным недоверием и подозрительностью оглядел Вовика, словно только сейчас впервые увидел его, и ответил:

— Генерал-лейтенант в отставке Самойлов Илларион Венедиктович к вашим услугам.

— Ге... ге... гене... генерал?!?! — еле-еле-еле-еле выговорил Вовик. — Да ну?! — вскрикнул он и застыл с широко раскрытым ртом, будто задохнулся.

— Чему же ты так удивился? — обиженно, как показалось Вовику, спросил Илларион Венедиктович. — Не похож я, по-твоему, на генерал-лейтенанта хотя бы в отставке? Не такие они, генералы-то, по-твоему, бывают? А?

Вовик с трудом передохнул, кашлянул, чтобы в горле не было сухо от волнения, пробормотал растерянно:

— Не ожидал я... ведь... вдруг... ге... ге... генерал!!!

— Чего не ожидал? Чего — вдруг?

— Ну... как это... вдруг, конечно... я и вы... вы и я... вдруг, вдруг, конечно... ну и...

Илларион Венедиктович ждал, долго и терпеливо ждал, когда Вовик произнесет что-нибудь более или менее внятное, еле дождался, когда тот сумел ответить, да и то едва слышно:

— Первый раз в жизни разговариваю с живым генералом. Вот и не верится.

— Звать тебя как?

— Вовиком. Краснощеков Вовик.

— Не Вовик, а Владимир, — строго поправил Илларион Венедиктович. — Вот что, Владимир... — Он помолчал, словно раздумывая внимательно и осторожно, продолжать или нет разговор, и вдруг торопливо, вроде бы даже испуганно и виновато спросил: — Мороженого хочешь?

И опять Вовик от неожиданности лишился дара речи, промычал нечто совсем невразумительное, самому ему непонятное, но зато утвердительно мотнул головой шесть раз.

— В трамвае ты был разговорчивей, — недоуменно и опять, как показалось Вовику, обиженно отметил Илларион Венедиктович. — Идем. Мороженого хочется! И предстоит нам, Владимир, наиважнейший, наисерьезнейший разговор. От него многое в твоей жизни измениться может, радикально измениться, в корне. Попытаемся мы в твоей жизни досконально разобраться. Крути не крути, как говорится, а совершал ты государственные, хотя и микроскопические, преступления. И похоже, не осознал в полной мере этого.

Понемногу Вовик приходил в себя. Никаким преступником, а тем более государственным, он себя, конечно, не считал, запугать его просто решили или посмеяться.

Нет, вы только представьте себе, уважаемые читатели, всю эту историю с самого начала и постарайтесь вникнуть в каждую деталь. Ехал, как вы помните, Вовик, по своему обыкновению, зайцем в трамвае, нарвался на контролера, вот-вот Вовика как миленького могли в милицию забрать, и вдруг спасает его странный человек, который оказывается (подумать только!) генерал-лейтенантом, правда, уже в отставке, и предлагает поесть мороженого. Да что мороженое! Будет у них с Вовиком какой-то наиважнейший, наисерьезнейший разговор, и от этого разговора зависит его, Вовикова, жизнь!

Но ведь никто Вовику ни за что ни капельки не поверит!

— Не поверит ведь мне никто и ни за что, — с очень глубоким сожалением признался Вовик. — Никто мне не поверит, что я с живым генералом познакомился.

— А никто и не должен знать, что мы с тобой познакомились, — совершенно строго произнес Илларион Венедиктович. — Ни один человек не должен быть осведомлен об этом, тем более ни один мальчишка не должен знать о нашей встрече.

— Как не должен? — от огорчения Вовик икнул и начал заикаться. — Поз... поз... поз... — Он с трудом, с болью проглотил слюну, и речь его выправилась. — Поз... накомиться с живым генералом и никому этим не похвастаться?! Тогда и знакомиться-то зачем?.. Зря, получается, товарищ генерал-лейтенант!

— Называй меня только по имени-отчеству, — совсем строго попросил Илларион Венедиктович. — Уверяю, со временем ты все поймешь. А живет человек не для того, чтобы хвастаться. — И он ускорил шаги, словно торопился.

Неизвестно отчего, Вовику вдруг стало тревожно. Он явственно ощутил неприятное беспокойство, а в голове замелькали разные торопливые мысли вроде той, что он попал в неприятную историю, которая еще неизвестно чем кончится, что обзывание его государственным преступником не шуточка, что старичок этот странный и не генерал вовсе, что...

Что — что?!

По натуре своей Вовик был довольно бойкий, достаточно нахальный, можно сказать, смышленый и не робкого десятка, как говорится, и растерялся он поэтому ненадолго, а вот тревога угасала как-то уж слишком медленно.

— Илларион Венедиктович, — осторожно выговаривая каждый слог, позвал он. — А куда мы так быстро торопимся?

— Есть мороженое, — последовал невозмутимый от-

вет, — если ты не передумал, конечно. — И даже это прозвучало вполне по-генеральски, то есть в высшей степени серьезно.

— Я-то, конечно, не возражаю. Но ведь несколько раз уже поесть мороженое-то можно было. Вот, пожалуйста, опять киоск.

Илларион Венедиктович остановился и самым строгим тоном произнес:

— Прошу следовать за мной. — А через несколько шагов он добавил, мельком, но пронзительно оглянувшись на Вовика: — Все узнаешь на месте. Учись беспрекословно подчиняться хотя бы генерал-лейтенанту в отставке, когда он пригласил тебя поесть мороженого.

Тут Вовику стало опять немного не по себе. «Точно, точно! — стремительно пронеслось у него в голове. — Никакой это не генерал, никакого мороженого мне не видать, а... А кто же он такой, и куда же мы почти бежим? А вдруг он действительно решил, что я государственный преступник, и ведет меня в милицию?»

— Илларион Венедиктович! — решительно позвал Вовик, и когда тот резко остановился и так же резко обернулся к нему, спросил: — Кто же вы все-таки и куда вы меня ведете?

— Я генерал-лейтенант в отставке, как я уже неоднократно докладывал тебе, — выпрямившись, расправив плечи, с очень глубоким достоинством ответил Илларион Венедиктович. Он скорбно помолчал, с сожалением глядя на Вовика. — Надо уважать старших. Относиться к ним с доверием. Мы слов на ветер не бросаем! Да-да!.. Еще раз повторяю: мы идем с тобой есть мороженое и разговаривать о смысле твоей жизни. И никто не должен знать об этом. Тем более, никто не должен знать о том, о чем мы с тобой договоримся.

Нет, нет, лучше всего, проще всего было бы сейчас

улизнуть. Слишком уж все это и необычно и подозрительно.

И — не верится...

не верится...

НЕ ВЕРИТСЯ!

Надо, надо бы убежать и жить своей привычной жизнью, и... Что-то властно удерживало Вовика, и он спешил за странным старичком, в поведении и рассуждениях которого он почти ничегошеньки не понимал, который по-прежнему даже и не оглядывался на него, словно был беспредельно уверен, что Вовик будет следовать за ним не только весь день, но и всю жизнь.

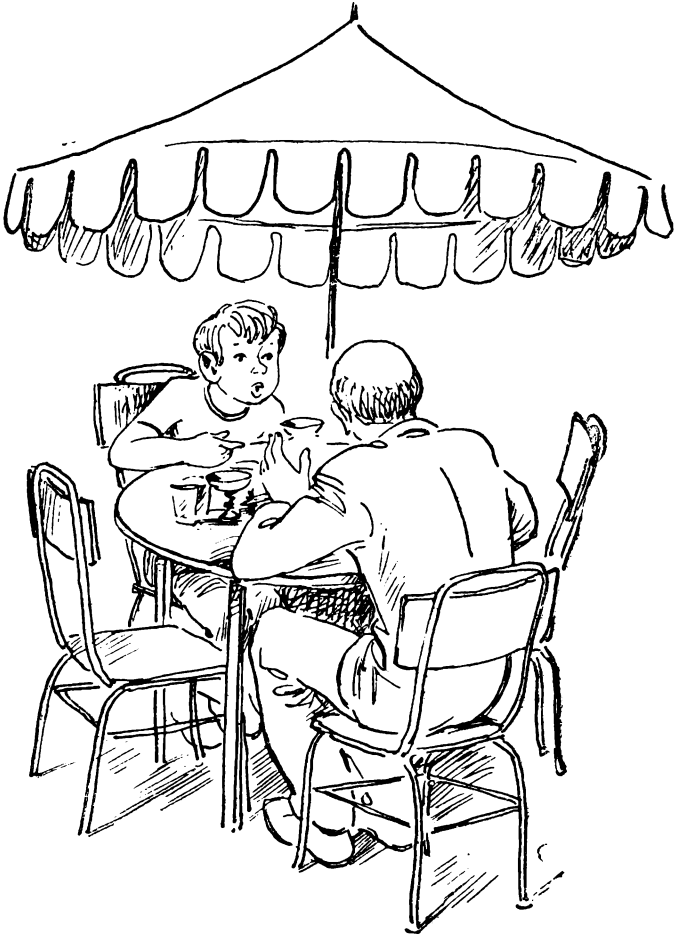
Тогда Вовик — и это было вполне разумное решение — постановил для себя так: будь что будет. В конце концов, если хочешь жить интересно, умей рисковать. И хотя тревога в сердце не проходила, Вовик следовал за Илларионом Венедиктовичем, успокаивая себя еще и тем соображением, что если сбежишь, не узнав ничего определенного о странном старичке, то потом будешь всю жизнь жалеть об этом.

Наконец, они оказались на набережной, подошли к павильончику с полосатой полотняной крышей, под которой стояли столики и стулики, заняли место в самом дальнем, пустынном углу.

— Вот здесь нам никто не помешает, — устало, удовлетворенно и радостно проговорил Илларион Венедиктович, купил несколько вафельных стаканчиков, эскимо и брикетов.

И вот это изобилие вкусноты опять заставило Вовика усомниться, что перед ним генерал-лейтенант в отставке: где, когда и кто видел, чтобы генералы любили мороженое?!

— Начали! — весело предложил Илларион Венедиктович. — Оценим качество и количество!



Уж как Вовик любил и умел есть мороженое, но до странного старичка ему было, скажем прямо, далековато. Тот ел так быстро и так ловко, что опередил удивленного Вовика намного.

К примеру, Вовик еле-еле успел расправиться с одним эскимо, одним стаканчиком и одним брикетом, а у Иллариона Венедиктовича мороженого — как не бывало. Он отдышался и сказал:

— Потом ты подробно и искренне расскажешь мне, как ты докатился до такого позора, что стал кататься зайцем, то есть практически превратился действительно в микроскопического государственного преступника. Это же называется моральным падением, Владимир!.. И мне оч-чень интересно услышать о твоей, судя по всему, неинтересной жизни. Будь любезен доложить мне, как ты существуешь, чем занимаешься в свободное от учебы время, чем, так сказать, дышишь.

— Дышу я воздухом. — Вовик, разделавшись с мороженым и почти совсем осмелев, усмехнулся своей шутке. — Живу вполне нормально. Чем занимаюсь? Чем хочу, тем и занимаюсь. К чему стремлюсь?.. Да самый я обыкновенный... А вот вы — настоящий генерал или нет? Не сердитесь на меня, но не верится и не верится...

— Я самый обыкновенный генерал, — тяжко вздохнув, чуть сердито сказал Илларион Венедиктович. — Генерал, генерал, — с грустью повторил он, — правда, в отставке. Отслужил. — Он еще три раза вздохнул: один раз тяжко и два раза очень тяжко. — А что, по-твоему, значит жить нормально?

— Ну... — Вовик беспечно пожал плечами. — Как все живут.

— Все живут по-разному. Учишься как?

— Тоже нормально. Пятерочки бывают, четверочки.

— А троечки? Двоечки? Единички?

— Двоечки-то редко. Очень-очень редко. Вот троечки... встречаются. А почему вас это интересует? Зачем вам это?

— Если ты окажешься хорошим человеком, я буду с тобой дружить... Чего ты глаза вытаращил?

— Так ведь... Как это — дружить? Вы же генерал, а я... я-то ведь всего-навсего...

— А вдруг ты — будущий генерал?

— Ну... — Вовик до того растерялся, что сунул в рот бумажку от брикета, пожевал и выплюнул в урну. — Дедушка, а вы меня не разыгрываете?

— Не зови меня дедушкой, — строго напомнил Илларион Венедиктович. — Зови меня по имени-отчеству. И с какой это стати я буду тебя разыгрывать? Нет, Владимир, намерения мои самые серьезные. Итак, ты докатился до немыслимого позора — позволил себе ездить зайцем.

— Так ведь не я один! — обиженно воскликнул Вовик. — Дяденьки даже и тетеньки некоторые... тоже! Я видел, своими собственными глазами видел!

— Я не про некоторых дяденек и тетенек спрашиваю, а про тебя, Владимир. И учти: я разговариваю с тобой абсолютно серьезно. От этого нашего разговора многое зависит в твоей жизни, многое, может быть, вся твоя жизнь да и моя тоже... Да не таращь ты глаза, а слушай внимательно. Итак, ты сознаешь или нет всю глубину своего морального падения?

Пожав плечами, Вовик довольно беззаботно признался:

— А я и не знаю, куда это я падал. Если вы о том, что я зайцем... сознаю, конечно. — И тут его беззаботность почти мигом испарилась под пронзительным, строгим, даже очень суровым взглядом Иллариона Венедиктовича. — Да я ведь и не знал, что это преступление, да

еще и государственное... Понятия не имел... Кататься я люблю! — в отчаянии воскликнул он. — И мороженое люблю!

— Не знал, понятия не имел... — почти передразнил Илларион Венедиктович. — А надо знать, что́ именно совершаешь. Надо понятие иметь, чем именно занимаешься. Жаль, оч-чень жаль, если ты окажешься, то есть уже являешься, плохим человеком.

— Нормальный я человек, — неуверенно выговорил Вовик, опять тщетно пытаясь догадаться, к чему весь этот разговор и надо ли его продолжать... Только вот зачем генерал-лейтенанту, хотя и в отставке, на какого-то школьника время тратить? И самое подозрительное: генерал, а мороженое любит, как мальчишка. — Человек я нормальный, — еще неувереннее повторил Вовик. — Ладно, зайцем ездить не буду. А дальше что? Ничего я не понимаю! — вырвалось у него почти с болью. — Государственный преступник, моральное падение, позор!.. Мороженое вот... — обреченно закончил он.

И вместо того, чтобы ответить Вовику, Илларион Венедиктович долго молчал и, будто не слыша его вопросов, заговорил о другом:

— Понимаешь, Владимир, никак не могу привыкнуть к штатской жизни. Никак! Представляешь, всю жизнь отдать армии и — оказаться штатским... Места себе не находил! — Он до того разволновался, что сначала махнул правой рукой, затем левой, а потом еще — обеими руками, снова накупил мороженого, быстро со своей долей разделался и продолжал чуть спокойнее: — Но жизнь привела меня к одному важному решению. Появилась у меня одна невероятнейшая идея... (Обращаю ваше внимание, уважаемые читатели, что Вовик пропустил эти слова мимо ушей! Во-первых, потому что увлекся мороженым, а во-вторых, снова убедился, что никогда

ему своего странного собеседника не понять!) — Илларион Венедиктович продолжал: — Но идея идеей, а на душе-то скверно. До того скверно... — он горестно замолчал.

— Не понимаю я вас, — признался Вовик, — вам же есть чем гордиться.

— Есть! Чем! Гордиться! — насмешливо, почти с возмущением воскликнул Илларион Венедиктович. — Так вот сидеть дома и гордиться с утра до вечера? Затем телевизор посмотреть, поспать, позавтракать и снова гордиться? Ну, предположим, сижу я и горжусь своим боевым прошлым, а ты в это время совершаешь микроскопические государственные преступления, или бездельничаешь, или троечки получаешь... Чем же мне гордиться прикажешь?

— Да при чем здесь я-то?!?!?! — поразился Вовик, даже подпрыгнув на стулике. — Я-то здесь при чем?!?!?!

— А понятно ли тебе, за что я воевал? — грозно спросил генерал-лейтенант в отставке Самойлов. — За что я воевал, ты хоть имеешь представление?

Вовик перестал есть мороженое, подумал немного и ответил:

— За Родину вы воевали. За народ. Против фашизма. За нашу счастливую мирную жизнь. Вообще, за мир во всем мире.

— Совершенно справедливо, — одобрил Илларион Венедиктович, но было заметно, что ответ удовлетворил его далеко не полностью. — А что такое народ, по-твоему?

— Ну... — Вовик попыхтел немного от умственного напряжения, и красные щеки его стали еще краснее. — Народ — это все люди.

— В том числе и ты, Владимир.

— Я?!?!?! — Вовик опять подпрыгнул на стуле, толь-

ко на этот раз гораздо выше, чем в первый. — Как это — и в том числе?

— А вот так. Ты, Владимир Краснощеков, частица народа, нашего великого советского народа. Маленькая, крошечная, но — запомни и прими к сведению! — частица народа. И теперь вникни в следующее, — не говорил, а словно диктовал Илларион Венедиктович, — если одна частица народа зайцем ездит, другая — бездельничает, третья — вообще дурака валяет... Что тогда получается? Получается, товарищ Краснощеков, каждая из этих частиц, в том числе и ты, не понимает, что мы за нее кровь проливали. Я и вся наша доблестная армия сражалась за то, чтобы ты вырос замечательным человеком. Ты и все мальчишки и девчонки, все, все, до единого и единой!

Смущенно и недоверчиво улыбнувшись, Вовик сказал:

— Но ведь не все же могут быть замечательными.

Скорбно покачав головой, Илларион Венедиктович с большим сожалением произнес:

— Многого, многого ты еще, Владимир, не понимаешь. Потому что все больше о пустяках думаешь. Вот ты правильно сказал, что мы воевали против фашизма. Но задумывался ли ты над тем, что фашисты не оставили стремления во что бы то ни стало покорить наш народ, в том числе и тебя, конечно?

— Но они же меня не знают! — Вовик в третий раз подпрыгнул на стулике, но еще гораздо выше, чем в два предыдущих. — Фашисты ведь против всех, а я... Больно-то я им нужен! — Вовик попытался хмыкнуть, но *хмык* получился неуверенным. — Но в общем-то... — И он мог только пыхтеть от умственного напряжения.

— Итак, подведем итог нашего не оч-чень-то результативного разговора, — сумрачно проворчал Илларион

Венедиктович. — Взгляды на жизнь у тебя, Владимир, и на международную обстановку достаточно расплывчатые. Вернее, никаких взглядов у тебя практически нет. Живешь как придется. Делаешь все, что взбредет в голову. А я ведь намеревался заняться тобой, постараться объяснить тебе смысл жизни, хотя бы для начала смысл детства. Но поймешь ли ты?

Вовик, нахмурившись, призадумался. Честно говоря, уважаемые читатели, расспросы Иллариона Венедиктовича и его рассуждения были для мальчишки и тягостны, и непонятны, вернее, были просто непонятны, а оттого и тягостны. И, несмотря на самоуверенность, он с обидой ощущал себя если и не дураком, то и не особенно умным... Но зато ему было здорово приятно то, что генерал-лейтенант в отставке разговаривал с ним совершенно серьезно, как никто еще в жизни с ним не разговаривал. Да и мороженым так его тоже никто еще в жизни ни разу не угощал.

Взвесив все эти соображения, Вовик вскочил — руки по швам, пятки вместе, носки врозь — и отчеканил:

— Рады стараться, товарищ гене...

— Садись! — коротко и сердито оборвал Илларион Венедиктович. — Третий раз напомнить о чем?

— Называть вас только по имени-отчеству, — уныло отозвался Вовик: он рассчитывал, что его бравый ответ как раз и приведет генерал-лейтенанта в отставке в восторг.

— Вольно, садись, — предложил Илларион Венедиктович. — Слушай меня как можно внимательнее. Условия нашей предполагаемой дружбы следующие. Первое: дал слово — выполни его во что бы то ни стало. Условие второе: ничего не скрывать друг от друга. Я, например, почти готов раскрыть тебе свою главную тайну.

— Тайну?!?!?! — Вовик с трудом удержался, чтобы не подпрыгнуть на стуле. — Какую тайну?!?!?!

— Со временем узнаешь. Когда мне станет ясно, что же ты за человек.

— Да нормальный я человек, Илларион Венедиктович! Скажите, пожалуйста, вашу главную тайну!

Генерал-лейтенант в отставке Самойлов посмотрел на него долгим, изучающим взглядом и четко проговорил:

— Завтра встречаемся здесь в семь ноль-ноль.

— Утра?!

— Так точно.

— Я... я постараюсь, — упавшим голосом прошептал Вовик. — Есть быть завтра здесь в семь ноль-ноль.

— О нашей встрече никому ни слова. Ясно?

— Нет, не ясно. Почему никто не должен знать, что я с вами познакомился?

— Так надо. И больше — никаких расспросов! — недовольно произнес Илларион Венедиктович. — Мне оч-чень необходимо проверить тебя. Я ведь еще не знаю, что же ты за человек. Например, я не имею никаких данных о том, умеешь ли ты держать язык за зубами. Нет у меня и полной уверенности в том, что ты способен держать свое слово. — Он взглянул на часы и озабоченно проговорил: — Мне пора. Значит, завтра здесь в семь ноль-ноль. В случае опоздания больше ты меня никогда не увидишь. До завтра, Владимир.

...А назавтра Вовик проснулся в девять часов тридцать две минуты, бросился бежать, едва успев натянуть брюки, мчался по улицам босиком, но в условленном месте генерал-лейтенанта в отставке Самойлова Иллариона Венедиктовича не было.

Глава под номером ДВА и под названием

сокровенная мечта профессора Ивана Варфоломеевича Мотылечка,

или

пути шпионские неисповедимы

Фамилия у мальчика была Мотылечек. Когда он впервые в жизни понял, что фамилия у него, если уж и не очень, то довольно смешная, и когда над ней стали смеяться, а он стал из-за этого страдать, дедушка Арсентий сказал:

— Как, внук, ты, к примеру, смотришь на фамилию Утринос? А? Друг у меня такой был. И вся его родня с древних времен жила и до сих пор живет под фамилией Утринос. И никто, кроме дураков, над ними не смеялся и не смеется. А у нас-то фамилия-то какая звучная, нежная да красивая — Мотылечки!

— Да смеются ведь! — захныкал внук. — Дразнятся!

— Кто смеется-то? — осердился дедушка Арсентий. — Дразнится кто? Те! — Он грозно вознес указательный палец правой руки вверх. — У кого в голове дырок больше, чем природой положено! Вот у тебя сколько дырок в голове?

— Не знаю.

— Давай считать. Рот — раз, нос — два-три, глаза — четыре-пять, уши — еще две дырки. Сколько всего получилось?

— Семь.

— Вот, вот, именно семь. И ни единой меньше, и ни единой больше, — важно, как будто научное открытие формулируя, заключил дедушка Арсентий. — А если в голове имеется лишняя дырка, — он понизил голос до таинственного шепота, — через нее ум, вырабатываемый мозгом, улетучивается в атмосферу. Понятно это тебе или нет?

Ванечка осторожно, даже боязливо ощупал свою голову, испуганно спросил:

— Правда, что лишняя дырка может быть?

— Еще какая правда! — весело заверил дедушка Арсентий. — Бывает, живет человек дурак дураком, а ведь школу окончил, институт, курсы, но не подозревает, — он опять вознес вверх указательный палец правой руки, однако на этот раз очень угрожающе, — понятия не имеет, почему живет дурак дураком. А все оттого, что когда-то у него в голове образовалась лишняя дырка, может быть, еще в глубоком детстве.

Ванечка снова и уже в страхе, перемешанном с ужасом, или в ужасе, перемешанном со страхом, ощупал свою голову и представьте себе, уважаемые читатели, эта привычка осталась у него на всю жизнь! Да, да, да, только задумается профессор Иван Варфоломеевич Мотылечек над чем-нибудь научным или просто важным, так руки его сами тянутся к голове!

Ну, а тогда, когда он еще был Ванечкой, разговор его с дедушкой закончился неожиданным образом: внук до того громко разревелся, что ничего не слышал, а когда устал реветь и старательно пересчитал дырки в своей

голове, успокоился, ибо их оказалось ровно семь, и лишь только тут услышал голос дедушки Арсентия:

— Ревел ты хорошо, но зря. Мужчинам реветь стыдно.

— А я мужчина, что ли? — удивился Ванечка.

— А кто же, суслик, что ли? Мужчина ты по имени Иван, понял? Самое знаменитое русское имя! А теперь ответь мне честно, точно и кратко: почему ревел?

— Из-за дырок. Восемь штук насчитал.

— Э-э, если бы этот факт и подтвердился, тут слезами не поможешь. Голову, внук, надо неустанно развивать, тогда лишней дырки в ней никогда не образуется.

Ванечка, конечно, поинтересовался: а как это — развивать голову? Дедушка Арсентий обстоятельно и долго растолковывал, что́ настоящему мужчине для этого требуется: учиться, учиться и учиться, уважать старших, не обижать младших, сколько есть сил помогать тем и другим, заниматься физкультурой по принципу — в здоровом теле такой же здоровый дух и, главное, понятия не иметь, что такое лень, знать, что трудности существуют только для того, чтобы их побеждать, обязательно иметь веселый характер и плюс ко всему быть добрым и честным.

— А фамилией своей гордись, — в заключение посоветовал дедушка Арсентий, — ни у кого во всем мире такой замечательной фамилии не имеется. И вообще, не фамилия человека украшает, а человек своей фамилии может славу принести.

И теперь уже невозможно представить, что кто-то когда-то посмеивался или даже смеялся над ныне знаменитой и уважаемой фамилией большого ученого.

Произошло это не сразу, но довольно быстро. Примерно классе в третьем у него уже было прозвище, и не обидное, а почетное: Ванька — Жюль Верн.

Мало того, что Ванечка прочел все сочинения замечательного писателя-фантаста, он и сам научился фантазировать, безудержно мечтать, бесконечно что-нибудь выдумывать, изобретать. Комнатка его напоминала одновременно слесарную и столярную мастерские, научную лабораторию, библиотеку и живой уголок. Да еще по всей квартире висели клетки с птицами, стояли аквариумы, отовсюду смотрели неподвижными взглядами чучела зверюшек.

Родители, можно сказать, стойко терпели увлечения сына, бранились лишь тогда, когда в его комнатке раздавались взрывы или оттуда валил черный, синий, белый или разноцветный дым.

Зато уж дедушка Арсентий горой стоял за внука, тратил на его разнообразные эксперименты почти всю свою пенсию, восторженно всем объяснял:

— Ученый на ваших и наших глазах растет! Никакой он вам не Жюль Верн, а Иван Варфоломеевич Мотылечек! Знаменитой будет наша фамилия! Ванечка такое когда-нибудь открытие научное сделает или такое чего-нибудь изобретет, что весь мир ахнет и рты разинет! Дерзай, внук, стремись к вершинам знаний, постигай все науки!

Ванечка дерзал, стремился к вершинам знаний, постигал, конечно, не все науки, но многие, однако постепенно круг его увлечений сужался и сужался. Ванечка все меньше занимался техникой, его все больше и больше интересовало все живое — от одуванчика, например, и воробья до кенгуру и дельфина... Какого только живья не было теперь в квартире! Верной помощницей брата стала сестренка. Она, деточка-семилеточка, как называл ее дедушка Арсентий, еще недавно боявшаяся обыкновенных дождевых червей, теперь спокойно играла с ужами, ежами, мышами. И лечила она не кукол и игрушеч-

ных зверюшек, а живых собак, кошек и подраненных птиц, которых к ней приносили со всего района.

— Дети, я не против ваших ветеринарных наклонностей, — жалобно говаривал папа, — но... — И он умоляюще смотрел на дедушку Арсентия.

А тот восторженно объяснял:

— Ванечка готовится к научному открытию! Ниночка ему прекрасно помогает!

— Да да, все это очень прекрасно, — уныло соглашалась мама, — но почему я боюсь ужей, ежей, мышей, а они меня нет? Весь дом называет нашу квартиру зверинцем.

— Зато со временем, — гордо вознеся указательный палец правой руки, отвечал дедушка Арсентий, — дом наш будет знаменит тем, что в нем жили и с детства занимались научной работой Иван Варфоломеевич Мотылечек и его верная помощница и сестра Нина Варфоломеевна!

Но, как бы искренне и абсолютно глубоко ни верил дедушка Арсентий в научное будущее внука, он даже и приблизительно предполагать не мог, каким оно будет, вернее, какая сокровенная мечта овладеет Ванечкой еще тогда, когда он и школу не окончит.

Началось все с того, что однажды Ванечка разбудил ночью сестренку и спросил:

— Почему муха маленькая, а слон большой? Почему люди разного роста? Почему все растет?

— Мороженки не растут, — сквозь сон, не открывая глаз, ответила. Ниночка, — конфеты не растут, у-у-уменьшаются... — она зевнула и продолжала крепко спать.

Дедушка Арсентий, тоже разбуженный внуком, на эти вопросы ответил так:

— Ночью спи, днем неустанно думай. Ты приближаешься к важной научной цели. Успехов тебе! — И он тихонечко, но с большим удовлетворением захрапел.

Мама приняла Ванечку за мышь и завизжала, и он еле-еле успокоил ее, но расспрашивать не стал.

Папа выслушал его внимательно, даже присев на кровати, а отозвался следующим образом:

— Ищи ответы в выдающихся трудах замечательных деятелей науки. Продолжай образование. Прекращай возню с мышами и ужами, займись более сложными животными, а затем и человеком. Иди спать. — И сам заснул сидя, прислонившись к стене.

Утром обнаружилось, что никто не помнит о ночных разговорах с Ванечкой, но он-то все запомнил: раздарил обитателей своего домашнего зверинца товарищам, школьным живым уголкам, записался в научную библиотеку и стал приносить оттуда книги стопку за стопкой. В квартире наступил покой, порядок и... стало скучновато. По настоянию родителей пришлось завести собаку, кошку и певчих птичек. Ими в основном занималась Ниночка, а Ванечка сидел над научными трудами, часто посещал лекции, регулярно занимался в кружках, где изучался растительный и животный мир.

И тут вдруг неожиданно и очень серьезно заболела Ниночка, ее сразу увезли в больницу. И хотя Ванечке не сказали, что болезнь сестренки смертельна, сердце его исстрадалось, он сам был словно больной — почти не спал, почти не ел, даже учиться стал неважно, все время размышлял над тем, чем хотя бы отвлечь любимую сестренку от мук. Дважды в день он навещал ее и все спрашивал, чего бы она хотела.

Ниночка держалась мужественно, никто в больнице, даже ночные дежурные, не видел и не слышал, чтобы она плакала. И на вопросы брата она в ответ только

слабо и виновато улыбалась и пожимала плечиками: дескать, чего мне еще может быть надо, кроме здоровья.

Но однажды она сказала, взяв брата за руку:

— Знаешь, Ванечка... Мне бы лошадку маленькую-маленькую...

— Так купим! — чуть ли не закричал Ванечка. — Я мигом!

— Нет, нет, не то, Ванечка... Мне бы маленькую, будто бы игрушечную, но живую, понимаешь, живую игрушку... чтобы я на ней детишечек катала... верхом... понимаешь, сколько радости-то было бы...

— Не бывает таких лошадок, Ниночка!

— Я знаю. А вот во сне часто вижу, что все игрушки живые. — В глазах Ниночки появился счастливый блеск. — Тигреночек ростом с котеночка... Слоники хоботками помахивают... А в аквариуме китики плавают и фонтанчики пускают... Жирафик смотрит, как кенгурятки прыгают... Не заводные, Ванечка, а живые, настоящие, только очень маленькие... Ах, как интересно было бы детям играть... и болеть никто бы не вздумал, правда ведь?

Ниночка умерла, а Ивану долго еще снились ее сны о зверюшках-игрушках, а ее мечта стала его мечтой, сокровенной и неотступной.

Когда он был студентом, товарищи и преподаватели относились к его сокровенной мечте с интересом, но как к заманчивой сказке, не имеющей ни практического, ни научного значения.

Когда же Иван Варфоломеевич рассказывал о Ниночкиной мечте уже коллегам-ученым, они при всем своем глубоком уважении к нему говорили почти одними и теми же словами:

— Конечно, конечно, детишкам... прелестно... фантастично... но... этакая мелкая фантастика.

Зато дети, заслышав о зверюшках-игрушках, не считали их мелкой фантастикой, а тут же превращались в зверюшек-игрушек и начинали, как это умеют делать только дети, самозабвеннейшую игру. И, глядя на них, Иван Варфоломеевич забывал, что в его сокровенную мечту, которую подарила ему перед смертью Ниночка, никто не верил.

Нет, неправда! Один человек верил и безоговорочно! Может быть, вы сами догадались, уважаемые читатели, что этим человеком был, конечно же, дедушка Арсентий. Стал он уже очень стареньким, слабеньким, но как же они любили шутить с внуком, что дырок у него в голове не прибавилось! Дедушка Арсентий считал, что прожил свою жизнь достойно, и жалел лишь об одном: не увидит он результатов главного научного достижения внука — зверюшек-игрушек, выведенных при помощи эликсира *грандиозус наоборотус* (по-научному grandiozus naoborotus).

И даже когда дедушка Арсентий умер, вера его в успех сокровенной мечты внука всегда поддерживала Ивана Варфоломеевича, придавала немало новых сил. А воспоминания о сестренке заставляли его трудиться еще напряженнее.

На письменном столе ученого стояло два портрета — дедушки Арсентия и Ниночки.

Началась война. Семья Ивана Варфоломеевича — родители, жена и маленький сын Сережа — погибли под первой же бомбежкой, от дома остались одни развалины. Иван Варфоломеевич требовал, чтобы его отправили на фронт, но получил назначение в глубокий тыл — продолжать научную работу.

И хотя во время войны было не до зверюшек-игрушек, Иван Варфоломеевич не забывал о своей сокровенной мечте и урывками, в память о сестренке Ниночке и

сыне Сереженьке, что-то делал для создания эликсира *грандиозус наоборотус*.

К началу нашего повествования, уважаемые читатели, неустанный многолетний труд ученого близился к завершению.

Иван Варфоломеевич жил один, был для своих лет довольно бодр и относительно здоров. Но нельзя, к сожалению, утверждать, что на душе у него было покойно и всем он был удовлетворен. До сих пор он почему-то не мог поверить в гибель сына Сереженьки, не мог забыть его, изредка даже перебирал в уме всевозможнейшие варианты, один фантастичнее другого, суть которых сводилась к тому, что Сереженька остался в живых. Это была не уверенность, не вера, а наислабейшая, но непреходящая малюсенькая надежда. Откуда она взялась? Что поддерживало ее в душе? Почему она не покидала его?.. Иван Варфоломеевич не мог сказать об этом ничего определенного, но она — малюсенькая надежда на немыслимое — потихоньку тлела в душе и помогала жить и работать.

А тут вдруг последовали событие за событием, которые так или иначе воздействовали на ускорение труда Ивана Варфоломеевича над созданием эликсира *грандиозус наоборотус*.

Однажды его навестил старый друг — генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов — и начал возбужденно рассказывать:

— Отправился я как-то погулять. Настроение у меня было замечательное. Я даже забыл — что со мной редко случается, — что нахожусь не на службе в армии, а в отставке. Тебе, Иванушка, этого не понять, ты человек сугубо штатский. Иду я по нашему двору и думаю, что ведь я воевал за то, чтобы жизнь была прекрасной. А прекрасной она может быть лишь только в том слу-

чае, когда все мальчишки и девчонки будут расти настоящими людьми — честными, добрыми, трудолюбивыми, умными, веселыми, смелыми. За это я воевал, Иванушка! Ты согласен?

— Я согласен, Илларюша, но ты сначала присядь за стол, — пригласил Иван Варфоломеевич, — вот тебе чаёк, печенье. И спокойно, понимаешь, спокойно рассказывай, что это тебя так растревожило?

— История довольно длинная, но тебе придется ее выслушать! Представляешь, иду я в тот оказавшийся впоследствии ужасным день, а на душе у меня, как говорится, птички поют, оч-чень радостно распевают. Я ведь переменил квартиру, никто меня в доме не знает. Для всех я — просто обыкновенный старичок-пенсионерик. Значит, надо мне для начала с кем-нибудь познакомиться. Оглядываюсь я по сторонам и вдруг вижу... Нет, ты даже вообразить не можешь, какую мерзость я увидел! Я...

— Приказываю тебе, старый вояка, успокоиться! — строго остановил его Иван Варфоломеевич. — В твоем возрасте...

— В моем возрасте некогда успокаиваться! — грозно перебил его Илларион Венедиктович. — И, пожалуйста, не прерывай меня!.. Представь себе такую отвратительную картину. Привезли во двор огромную кучу песка, чтобы было где играть малышам. Ведь их страсть к песку общеизвестна. И вот четверо оболтусов-лоботрясов, или, точнее, четверо малолетних негодяев младшего школьного возраста, вырыли в песке яму. И знаешь, чем они р а з в л е к а л и с ь?

— Если ты не перестанешь трястись... — сердито произнес Иван Варфоломеевич, — я не стану тебя слушать!

— Если ты не прекратишь перебивание, я уйду и найду более внимательного друга!

— Попей хотя бы чаю, — попросил Иван Варфоломеевич, — и больше перебиваний не будет.

Илларион Венедиктович большими глотками выпил уже теплый чай и продолжал чуть-чуть-чуть спокойнее:

— Негодяи младшего школьного возраста развлекались так. Берет один из них черного котеночка, бросает его в яму, и все вчетвером закидывают этого хвостатого младенчика песком! Котеночек выкарабкивается из-под песка, пищит, а четверо истязателей начинают все сначала и при этом вопиющем негодяйстве оч-чень громко хо-хо-чут! Ну, как прикажешь квалифицировать их действия?

— Дураки они, по-моему, и действительно несовершеннолетние негодяи.

— А что я должен был делать? Пристыдить? Подзатыльник дать? Толку-то от этого все равно никакого, раз их такими воспитали!.. А они вчетвером продолжают измываться над бедным котеночком.

И я крикнул оболтусам-лоботрясам: «Прекратите издевательство!» А они на меня — ноль внимания, фунт презрения! И я потихоньку стал подходить к ним все ближе и ближе, прикидывая, у кого из четырех уши длиннее, чтобы удобнее ухватить было и надежнее! Но один из оболтусов-лоботрясов заметил меня и нагло, этак нахáльно-спокой-

ненько объяснил: «Котенок-то наш, дедушка, что хотим, то с ним и делаем». — «Мы его тренируем!» — с хахаканьем добавил второй. «Молчать! — приказал я, услышав такие потрясающие гадкие глупости или глупые гадости. — Смирно! — И схватил одного из негодяев за ухо, так крепко и умело схватил, что тот завизжал. — Не вздумай вырываться! — предупредил я. — Совсем ухо оторву, если хоть пошевелишься!» Приятели его, истязатели, конечно, врассыпную. «Ой, дедушка, отпустите! Ой, больно-то как!» — «А котеночку, по-твоему, как было? Оч-чень приятно, да?» — «Так ведь он — ой! — котеночек — ой! — а я — ой! — человек! Ой-ой-ой!!!» Пожалел я его, отпустил ухо, взял за резинку трусов: если и вырвется, то придется ему в неприличном виде бежать. «Звать тебя, хулиган, как?» — «Федька». — «Что мне с тобой делать прикажешь?» — «Отпу-

стить, конечно». — «Хитрый какой. А кто за ваши безобразные действия отвечать будет? Кому из вас в голову ударило бедное животное мучить?» — «Мы не мучили, мы играли». Короче говоря, Федька ничегошеньки не разумел в своем безобразнейшем поведении, оказался болван болваном. Ну, попытался я ему внушить, что он гражданин великой державы, будущий солдат нашей непобедимой армии. «Федор, — говорил я ему, — мы ведь не против, чтобы ты бегал, даже дрался, когда обстоятельства потребуют, до одури гонял мяч, глупости всякие вытворял по мере надобности... Но ведь с детства, Федор, надо хоть немножечко о будущем думать! Ведь страна надеется на вас! На каждого из вас! Родине одинаково дорог каждый мальчишка и каждая девчонка!». А Федька этак старательно в носу ковыряет всеми пальцами подряд, даже большими. «Чего ты там ищешь?» — возмутился я, почувствовав, что говорю с ним абсолютно напрасно. «Где чего ищу?» — «Да в носу!» — «Это у меня привычка такая, — с достоинством, понимаешь ли, объяснил Федька и прямо-таки с гордостью добавил: — Меня из-за этого даже из класса выгоняют с уроков». — «Неужели отвыкнуть не можешь?» — «А зачем? Интересно это, да и время быстрее проходит». — «Ну вот о чем ты сейчас думаешь? — в полнейшем бессилии и в такой же растерянности спросил я. — После того, что я тебе сказал?» — «О пирожках! — Федька неимоверно оживился. — Мамка пирожки стряпает. Вот я и жду. Только долго еще. Папка мамку копухой зовет. Она медленно все делает»... И знаешь, Иванушка, ушел я от этого Федьки с таким ощущением, будто он меня побил, морально меня избил!

— Преувеличиваешь, дружище, — сочувственно, но с укором ответил Иван Варфоломеевич. — Конечно, федек

таких немало. И нормальных людей из них, как правило, не вырастает. Настоящих — тем более.

— Тебя это не беспокоит?

— Странный, даже обидный вопрос для человека, который знает меня так много лет!

— Прости. Ну, а можем мы что-нибудь сделать, чтобы содействовать превращению таких федек в хороших людей?

— Не сомневаюсь! — тут вдруг разволновался Иван Варфоломеевич. — Я, старина, завтра лечу за границу. На форум сторонников мира. Мне там предстоит выступать. Как вернусь, встретимся. Я близок к завершению работы над эликсиром *грандиозус наоборотус*, о котором тебе неоднократно рассказывал.

— Помню, помню! — с восторгом вырвалось у Иллариона Венедиктовича. — А у меня есть идея, оч-чень связанная с твоим изобретением! Понимаешь, — почти кричал он в лицо почти обескураженного друга, — дважды ко мне во сне являлась Смерть, фашистка подлая, и требовала, чтобы я ничего не делал доброго для людей, особенно детей! Эта негодяйка уверяла, что человечество может добиться запрещения всех существующих видов оружия, и тогда вспыхнет война за умы и сердца людей, особенно детей! Тут ведь врагам нашим и пригодятся федьки с его приятелями-истязателями! Вот я и решил оставшуюся жизнь посвятить детям. Мои-то уже взрослые, и пожаловаться я на них не могу.

— Мне Гордеюшка звонил, — сообщил Иван Варфоломеевич, — просил о встрече. Вот вернусь, сразу соберемся.

Расстались друзья радостные, взволнованные и чуть растревоженные.

А вот за границей с Иваном Варфоломеевичем произошли события, которые круто изменили его жизнь.

Бывая в различных странах, Иван Варфоломеевич, несмотря на огромную занятость, всегда находил время побывать в магазинах детских игрушек. И заметил он ошеломившую его сначала деталь: в какой-нибудь западной стране на каком-нибудь совещании или переговорах взрослые дяди и влиятельные персоны этого государства с трибун уверяли, что они всей душой за мир на земле, что и не думают воевать, что дети их растут для мирной жизни. А полки и витрины детских магазинов были заполнены всевозможнейшими военными игрушками. И это были действующие игрушки, их даже игрушками-то можно было считать лишь условно. Это были маленькие модели современного оружия! Создавалось впечатление, что такие магазины всё приготовили для проведения детских маневров под кодовым названием «Сегодня играем — завтра воюем!». Да, да, детей с малых лет готовили воевать! Не лошадки, уточки, слоники, мишки и бегемотики им предлагались, а оружие, пока, правда, игрушечное, но почти настоящее!

И теперь вот, прибыв в страну, которая уверяла весь мир, что миролюбивей ее нет никакого другого государства на свете, а военной угрозы можно ожидать только со стороны нашей державы, Иван Варфоломеевич зашел в магазин детских игрушек и увидел знакомейшую картину. Если бы все продаваемые здесь игрушки раздать детям, разделить их на две армии и отдать приказ начать войну, дети, по крайней мере, глаза бы друг другу из разного рода оружия повыбивали и синяков бы друг другу наставили игрушечными бомбами и снарядами.

На ломаном, но достаточно понятном иностранном языке Иван Варфоломеевич, не сдерживая возмущения, поинтересовался у продавца: почему именно такие и только такие игрушки предлагаются здесь маленьким покупателям?

Продавец, тучный, огромный, с совершенно лысым круглым черепом, с пустым взглядом глубоко сидящих глаз, поморщился, будто лизнул лимон, потом его всего передернуло, и он просипел:

— Стремление играть в войну — в природе ребенка. А разве вы не готовите ваших детей к войне? Разве ваши дети не любят убивать хотя бы понарошку?

Разгневанный Иван Варфоломеевич совсем забыл все слова иностранного языка, вспомнил только одно и повторил его несколько раз:

— Нет, нет, нет! — И заговорил на своем родном языке, забыв, что его не поймут: — Мы хотим, чтобы наши дети не знали, что такое война! Мы готовимся только защищаться! А государство, вернее, правители государства, которое производит столько и таких, с позволения сказать, игрушек, не может хотеть мира! — И, потеряв всякую сдержанность, он в сердцах ударил по... стеклу, накрывающему прилавок.

Звякнуло стекло, он увидел на осколках кровь, услышал крики:

— Полиция! Полиция! Полиция!

Продавец что-то громко и зло кричал, а Иван Варфоломеевич, не понимая ни слова, пытался завязать порез на руке носовым платком. Честно говоря, уважаемые читатели, такое с ним случилось впервые, и сейчас он просто никак не мог сообразить, что же с ним стряслось, и думал о том, как бы кровь не попала на костюм: второго у него с собой не было.

Тут рядом с ним оказались двое полицейских и однорукий субъект в штатском и с черной повязкой-кругляшком на правом глазу.

Иван Варфоломеевич предъявил удостоверение, и пока однорукий и одноглазый внимательно изучал его, ученый бормотал по-русски и по-иностранному:

— Прошу извинить меня... нервы... я готов заплатить...

Полицейские стояли неподвижно как истуканы, глаза их ничего не выражали, однорукий и одноглазый что-то приказал им, жестом повелел продавцу молчать и спросил Ивана Варфоломеевича на чистейшем русском языке:

— Что здесь произошло, господин профессор? — И он опять жестом заставил продавца не раскрывать рта. — У вас есть какие-нибудь претензии?

— Нет, нет, нет!

Тогда однорукий и одноглазый отпустил полицейских, сказал продавцу на иностранном языке, но пришедший в себя ученый все понял:

— Господин ученый приносит свои глубокие извинения, готов возместить причиненный вашему магазину материальный ущерб. — И быстро вышел.

Продавец, кривя толстенные бескровные губы в язвительнейшей усмешке, спросил ехидно:

— Не пожелает ли господин профессор приобрести одну из новинок, которыми с удовольствием играют НАШИ дети, и убедиться в том, что она понравится и ВАШИМ детям?

Иван Варфоломеевич взял квитанцию, увидел на ней довольно крупную сумму, кашлянул от возмущения, расплатился и, не ответив, вышел на улицу. Он разыскал поблизости аптеку, попросил сделать перевязку, на всякий случай купил успокоительных таблеток, тут же две принял и долго бродил по городу, размышляя о случившемся и обдумывая давно уже готовую речь, с которой ему предстояло выступить вечером на форуме сторонников мира.

Ко времени выхода из отеля он был уже достаточно собран, почти спокоен. А когда ему предложили слово,

он, направляясь к трибуне, сначала с недоумением, а затем и с удовлетворением отметил, что не волнуется, как обычно в подобных случаях. Видимо, все волнение он истратил там, в магазине детских игрушек. Но это отсутствие волнения не было равнодушием. Просто им овладела высшая степень сосредоточенности, сознание ответственности за каждое слово.

Иван Варфоломеевич знал, что врагов речами, даже самыми умными, самыми сердечными, самыми справедливыми, самыми доброжелательными, ни на иоту не переубедишь. Тот, кто хочет воевать, будет заниматься этим жестоким, бесчеловечным и грязным делом. Но зато можно, нужно и необходимо, чтобы все честные люди нашей планеты знали, что есть на свете несокрушимые и необозримые силы, способные не только не испугаться наистрашнейшего агрессора, но и заставить его забыть о возможности даже втайне мечтать о войнах. И чем больше людей на планете будут верить в силы мира, тем хуже придется воякам.

Иван Варфоломеевич словно и не заметил, что уже произносит речь. Приведу из нее лишь ту часть, которая имеет непосредственное отношение к нашему повествованию, и с вашего позволения, уважаемые читатели, изложу для краткости мысли ученого своими словами.

Итак, враги мира страшны, помимо всего прочего, еще и тем, что уничтожают детей страшными, изуверскими способами, лишают их детства — самой прекрасной поры жизни. Поэтому одна из главнейших и благороднейших задач борцов за мир — борьба за счастье детей, за то, чтобы детство каждого ребенка на планете было замечательным. Враги мира — это в первую очередь враги детей, — своих и наших. Обратите внимание: мы должны беспокоиться и о детях врагов мира, искать возможность доказать им, что детство бывает не только головорезным

и жестоким, а светлым и добрым. Да здравствуют дети всей планеты — ее будущая и ее великая, ничем не заменимая надежда!

Речь Ивана Варфоломеевича не просто имела огромный успех, а произвела на слушателей сильное сердечное впечатление. Вот тогда-то он и разволновался самым серьезным образом и едва сдержал себя, чтобы не рассказать о своей сокровенной мечте — создании живых зверюшек-игрушек, о том, что эта мечта близка к исполнению. Не рассказал он и о происшествии в здешнем магазине детских игрушек, с которыми можно проводить маневры под названием «Сегодня играем — завтра воюем!».

Но и того, что он сказал, оказалось достаточно, чтобы враги всполошились, взбеленились, еще больше озверели. Доказательства этого он получил уже вечером.

В номере Иван Варфоломеевич налил чай из термоса, включил телевизор и увидел на экране... себя! Голос его звучал глухо, как бы в отдалении, голос переводчика — громко и четко. Иван Варфоломеевич, хотя и не очень владел иностранным языком, но с удовлетворением отметил, что мысли его передаются правильно, и мысли эти, не будем зря скромничать, звучат убедительно, современно и даже своевременно. Он еще раз порадовался тому, как душевно и восторженно принимал его зал, но когда на экране появился следующий оратор, Иван Варфоломеевич долго не мог понять, почему у него от возмущения задрожали руки, сердце захлестнула боль, и он бросился к телевизору словно не для того, чтобы выключить, а — разбить!!! Ведь из речи убрали самое главное — ту часть, где Иван Варфоломеевич говорил о судьбах детей всей планеты как о ее будущем и ее великой, ничем не заменимой надежде!

Зачем это сделали?

Совершенно ясно, зачем: а вдруг вздрогнут сердца хотя бы матерей и бабушек наших врагов или даже отцов и дедушек? Вдруг им возмечтается, чтобы сын и внук готовился не к службе вояки-убийцы, а собирался бы, например, стать врачом, токарем, учителем или инженером?

Желая хоть сколько-нибудь успокоиться, Иван Варфоломеевич сел полистать вечерние газеты, которые любезно, как он сначала решил, кто-то из персонала отеля положил на стол в его отсутствие.

И на первой же странице первой же газеты, которую он взял, Иван Варфоломеевич опять увидел... себя! Он стоял в магазине детских игрушек с поднятым вверх кулаком, широко раскрытым ртом!

Подпись под снимком сообщала, что советский ученый Мотилетшник (так звучала его фамилия на иностранном языке) возмущается, что в магазине нет детских игрушек типа «Хиросима» или «Нагасаки»! И тут же было напечатано крупными буквами:

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНАЯ ФИРМА
ПО ПРОИЗВОДСТВУ ДЕТСКИХ ИГРУШЕК
«МЕМЕНТО МОРИ!»
(«ПОМНИ О СМЕРТИ!»)
В СКОРОМ ВРЕМЕНИ ПРИСТУПИТ
К ИСПОЛНЕНИЮ ПРОСЬБЫ
ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО —
ВЫПУСКУ ДЕТСКИХ НАСТОЛЬНЫХ
ИГР «ХИРОСИМА» И «НАГАСАКИ»!

Не успел обескураженный и, скажем прямо, уважаемые читатели, напуганный (а вдруг кто-то и поверит этой несусветнейшей клевете, и его речь на форуме сторонников мира окажется бесполезной!) Иван Варфоло-

меевич прилечь, чтобы хоть отдышаться, унять дрожь в руках, как раздался настойчивый и требовательный стук в дверь.

На приглашение войти, которое хозяин номера произнес совершенно машинально, вошли двое мужчин в одинаковых ультракоричневых костюмах, черных рубашках, повязанных белыми галстуками, усеянными малюсенькими фашистскими свастичками.

Один из вошедших, седой, невысокого роста, был в огромных очках кровавого цвета; второй — высокий, широкоплечий, русоголовый, в очках с зеркальными стеклами, в которых во время последующего разговора отражались два маленьких Ивана Варфоломеевича.

А он никак не мог определить, почему ему сразу стало страшно, в душе тут же возникло предчувствие беды, но, быстро совладав с собой, он предложил незнакомцам присесть, извинился, что вынужден принять лекарство, — проглотил успокоительные таблетки. Неведомый страх постепенно исчезал, а недоброе предчувствие оставалось.

— Извините, многоуважаемый господин профессор, за внезапное вторжение, — сказал седой в очках кровавого цвета на русском языке с чуть заметным иностранным акцентом, — и разрешите представиться. Мое имя Прэ Зидент, а это мой молодой, относительно, конечно, коллега Серж фон Ллойд. Мы знаем, что вы устали, не очень здоровы: брали в аптеке успокоительные таблетки, понервничали в магазине детских игрушек и так далее и тому подобное. Постараемся не долго вас утомлять. По-русски мы говорим оба, и это значительно облегчит нашу нелегкую беседу.

Надо ли говорить, уважаемые читатели, что слова Прэ Зидента всполошили и без того растревоженного Ивана Варфоломеевича? Но он сделал вид, что его ни-

чего не смутило, и сказал, сколько ни сдерживался, недружелюбным тоном:

Да, я устал, плохо себя чувствую и совершенно не расположен к разговорам с незнакомыми людьми. Прошу покороче. Чем могу служить?

О! О! О! — понимающе воскликнул Прэ Зидент и долго, задумчиво, с сожалением кивал головой. — Искренне сболезнуем вам, но разговор наш имеет в первую очередь огромное, может быть, решающее для всей вашей жизни значение.

Серж снял очки с зеркальными стеклами, в которых до этого отражались два маленьких Ивана Варфоломеевича, и пронзительно, изучающе разглядывал его, и под этим взглядом ученому становилось все более не по себе. Серж водрузил очки на место, и Иван Варфоломеевич опять не мог оторваться от своих маленьких отражений в зеркальных очках.

— Мы имеем сведения о прискорбном случае с вами в магазине детских игрушек фирмы «Ментo мори!», — неторопливо заговорил Прэ Зидент, — что в переводе с латинского на ваш язык означает...

— Знаю, знаю! — раздраженно перебил Иван Варфоломеевич. — Помни о смерти! Довольно странное название для фирмы по производству детских игрушек!

Правда, если учесть, какие игрушки предлагает эта фирма... Кстати! — он показал Прэ Зиденту на снимок в газете. — Читали? Может быть, вы имеете отношение к этой подлой клевете?

— Некоторое, — скромно ответил Прэ Зидент и оживленно начал объяснять: — По-вашему — подлая клевета, а по-нашему — отличная реклама и для вас, досточтимый профессор, и для фирмы. Минуточку! — Жестом, в котором явно проскользнула повелительность, он предложил ученому сесть. — Сейчас вы все узнаете. И я не завидую вам, так уж слишком горячо заботящемуся о судьбах чужих детей! Позвольте полюбопытствовать, глубокоуважаемый господин профессор, а где ваши собственные дети?

Тут Серж опять снял зеркальные очки, Иван Варфоломеевич перестал в них отражаться, и от этого ему словно бы стало чуточку легче, хотя недоброе предчувствие давило на сердце. Беспокоил его и холодный, пристальный взгляд Сержа.

— Моя семья погибла, — глухо ответил Иван Варфоломеевич, — под первой же бомбежкой во время войны. А второй семьи я не завел. Да какое вам дело до меня?

Прэ Зидент подчеркнуто сочувственно покачал головой, задумчиво помолчал, переглянулся с Сержем и тоном приказа посоветовал:

— Примите на всякий случай еще успокоительных таблеток.

— Это шантаж, — слабым голосом выговорил Иван Варфоломеевич. — Я сейчас же позвоню в наше посольство.

— Не имеет смысла, — Прэ Зидент криво усмехнулся. — Мы пришли не шантажировать вас, дорогой господин профессор, а помочь вам, доставить вам необычайную радость. Примите, примите таблетки, сейчас вам бу-

дет очень и очень тяжело, но — повторяю! — не по нашей вине. Мы желаем вам только добра.

Покорный, весь обессиленный, обмякший от какого-то гнетущего предчувствия, ощущения приближающейся беды, Иван Варфоломеевич запил таблетки, держа стакан обеими руками.

— Слушаю вас, — хрипло сказал он, машинально ощупал голову, и эти привычные движения словно прибавили ему сил, он мысленно приказал себе: «Ты находишься в чужой стране, тебе уже сделали две гнусности, перед тобой настоящие враги, будь любезен вести себя достойно!» И он уже не попросил, а властно напомнил: — Слушаю вас. Да, я старик, да, я слаб, но не пытайтесь больше запугивать меня. Выкладывайте, что там у вас, с какой гадостью вы явились.

Прэ Зидент неторопливым движением снял очки со стеклами кровавого цвета, и за ними оказались большие, навыкате коричневые глаза с мрачнейшим взглядом. Он произнес чересчур уж скорбным голосом:

— Ваши родители и жена погибли. Вечная им память. Поверьте, глубокоуважаемый...

— Не паясничайте! — с презрением перебил Иван Варфоломеевич. — Я не нуждаюсь в вашем да еще поддельном сочувствии. У меня погиб и сын.. — голос его непроизвольно задрожал. — Сереженька...

— Серж! — громко и даже грубо позвал Прэ Зидент. — Подойди к своему отцу.

Иван Варфоломеевич тяжело поднялся навстречу подходившему к нему Сержу и, падая, успел увидеть, как в зеркальных очках пошатнулись два маленьких Ивана Варфоломеевича.

Глава под номером ТРИ и под названием

Личная безответственность,

или

начало подготовки к редчайшему биолого-психолого-педагогическому эксперименту

Интересно, а что же вы думаете, уважаемые читатели, по поводу опоздания Вовика Краснощекова на встречу с генерал-лейтенантом в отставке Илларионом Венедиктовичем Самойловым? На встречу, которая могла сыграть в жизни дармоезда огромную и даже решающую роль?

Жалеете вы его, осуждаете или даже возмущены, а может быть, и оправдываете его?

У меня лично на сей счет мнение совершенно определенное. Вовик не просто проспал, точнее выражаясь, продрых, а сделал свое очередное привычнейшее дело — поступил безответственно. Да и проснулся-то он вовсе не оттого, что сквозь сон вспомнил о договоренности быть в семь ноль-ноль в условленном месте, и с кровати его стремительно подняло НЕ это самое чувство личной ответственности за свое слово. Увы, стремитель-

но подняло Вовика с кровати желание мчаться не в условленное место, а совершенно в другое, необходимое сейчас мальчишке больше всего на свете. Только после посещения этого места Вовик и вспомнил о своем обещании.

Мальчишке п р о д р ы х а т ь встречу с генерал-лейтенантом в отставке! (Если бы можно было, я вместо одного возмущенного восклицательного знака поставил бы здесь сто двадцать четыре наивозмущеннейших!)

А вот взял да и проспал спокойненько, п р о д р ы х крепко-накрепко, дармоезд краснощекий! Да еще и обиделся, не застав Иллариона Венедиктовича в условленном месте, пооблизывался, слюнки поглотал, с завистью глядя, как счастливые люди мороженое уничтожают. Однако в оправдание Вовика следует уточнить, что обиделся засоня не столько на себя или генерал-лейтенанта в отставке (хотя немножечко и на него), сколько на нелепую случайность.

На самом же деле ничегошеньки нелепого в данном происшествии даже под сверхсильнейшим микроскопом не обнаружить! Все произошло совершенно закономерно, в точности именно так, как и должно было произойти. И причина тут не в том, что Вовик любил и умел поспать, а в том, что не умел и не любил, *не был приучен* держать данное слово, то есть проявлять наиэлементарнейшую личную ответственность. Он, можно сказать, обладал развитым чувством личной безответственности.

А Илларион Венедиктович как раз и назначил встречу, чтобы среди прочих Вовиковых качеств проверить его способность или неспособность к *самоответственности.*

Ну и как же, по-вашему, уважаемые читатели, отнесся к безответственному поведению Вовика сам Илларион Венедиктович?

Да и вообще пора бы разобраться, для чего ему понадобился этот дармоезд — любитель мороженого?

Вот с ответа на данный вопрос собственно и начинается история попытки шестидесятишестилетнего генерал-лейтенанта в отставке Самойлова вернуться в детство, снова стать мальчиком лет десяти, но сохранив в душе опыт и мудрость всей своей жизни.

Значит, мальчик шестидесяти шести лет?

Это еще что такое?

И, главное, зачем?

Но — спокойствие, уважаемые читатели, спокойствие и еще раз спокойствие! Терпение, уважаемые читатели, терпение и еще раз терпение! Соберитесь продемонстрировать самим себе способность думать, мыслить, соображать, размышлять! Мы только приближаемся к сути повествования, в котором вас ожидают такие необыкновеннейшие события, что спешить не следует, хотя бы потому, что почти каждое из них вам не худо бы обдумать, осмыслить, посоображать о нем, поразмышлять.

Книгу, которую вы сейчас читаете, автор не случайно, а принципиально определил как, в основном, **дидактическую**, то есть поучительную и поучающую.

И для любителей, тем более, для любительниц легкого, в основном, занимательного, тем более, развлекательного чтения, она, конечно, покажется скучноватой, а может, и очень скучной.

Зато желающие и умеющие получать от книг не только развлечение, но хотя бы *минимумик* пользы, поймут и примут следующую настоятельнейшую необходимость: прежде чем продолжить в общем-то не лишенное некоторой занимательности и даже развлекательности повествование, позволить автору высказать **три** довольно пространных **дидактических соображения.** (Чтобы они не были для некоторых читателей очень уж скучными или

вовсе ненужными, автор в качестве примеров сопроводил дидактические соображения анекдотами, правда довольно глупыми, но все-таки чуточку поучительными и легко запоминающимися.)

Итак, первое дидактическое соображение.

Антон говорит Мишке:

— Стукни-ка меня молотком по голове.

Мишка, как верный и надежный друг, незамедлительно берет молоток и — бряккк! — Антона по голове. Того сразу в больницу, пролежал он там почти два месяца, вернулся домой и сразу к Мишке, поинтересоваться:

— Ты зачем меня молотком по голове трахнул? Говорили, что я умереть мог, собирался уже, да врачи не дали.

— Как зачем? — Мишка удивился и даже обиделся. — Ты сам попросил!

— Да ведь я пошутить хотел, а ты по-настоящему вдарил!

Смешного тут, конечно, маловато или вовсе нет, но нам важно не неумение Антона шутить и не слабая сообразительность Мишки. Нам важно подчеркнуть, что оба приятеля все проделали, предварительно не подумав нисколечко.

Ну, казалось бы, чего еще проще: сначала подумай хоть капелюшечку, потом — делай? А ведь сколько в жизни случается несчастий разного размера только именно потому, что сначала стукнут молотком по голове, а уж лишь после подумают, а для чего это было сделано и что будет с бедной головой, по которой трах! нули!

Дидактическое соображение второе.

Входит учительница в класс и говорит:

— Сейчас к нам придет новенький. Он очень хороший мальчик, и, пожалуйста, не смейтесь над ним, хотя он и лысенький.

Она открыла дверь, и в класс несмело вошел кудрявый мальчик. Надо лбом у него была, если еще и не лысина, то уже лысинка.

Весь класс в ужасе так и АААААхнул.

В перемену его окружили и давай наперебой расспрашивать, что это у него за болезнь такая была жуткая или кто, когда и за что ему надо лбом волосы выдрррраl?!

Мальчик очень густо покраснел, ответил чуть ли не плачущим голосом:

— Не болезнь это. И не выдрано.

— А-а-а-а????? — изумился весь класс.

— А я учиться не любил, — мальчик покраснел еще очень гуще. — Как проснусь, так сразу это место почесываю и с большой болью думаю: опять в школу... Вот и стер все волосы здесь, стер на всю жизнь.

Вывод для недогадливых: все свои качества, особенно дурные, человек приобретает постепенно, незаметно и для себя, и для окружающих. Кажется, к примеру, вот вчера еще считался чистюлей, а сегодня вдруг — только в стиральной машине такую грязнулю можно отмыть. Или известный вам Федька. Я не удивлюсь, что такой лоботряс, который со своими приятелями-истязателями

мучил черного котеночка, вырастет профессиональным жуликом. А безбилетная и бессовестная деятельность Вовика Краснощекова — разве не государственное преступление, хотя и микроскопическое?

Вот и мечтал Гордей Васильевич Пушкарев, как вы помните, изобрести прибор «Чадомер», чтобы своевременно, то есть как можно раньше, лучше всего — уже в грудном возрасте, обнаруживать у чадушек опасные задатки.

Позвольте надеяться, уважаемые читатели, что вы вполне уяснили смысл дидактического соображения второго.

Третье, пожалуй, **самое важное дидактическое соображение.**

Вот здесь мы обойдемся без анекдота, ибо суть данного дидактического соображения настолько обширна, что иллюстрировать ее практически можно любым комическим или, наоборот, трагическим случаем. То есть, если собрать почти все-все свойственные людям недостатки, они в корне своем обязательно имеют прямое или косвенное отношение к БЕЗответственности. (Иногда к ней приводит обыкновенная, но чрезмерно развитая беззаботность.)

Ответственность за свои дела и поступки — одно из величайших человеческих достоинств, а может быть, и самое величайшее, ибо, повторяю, без него все дела, деяния и делишки чреваты опасными последствиями.

Вчитайтесь, прислушайтесь: ответственность, БЕЗответственность — разница-то всего в три буквы, а содержание понятий — прямо противоположное! Белое и черное, доброе и злое, прекрасное и отвратительное, правдивое и ложное!

Плохой человек — в первую очередь безответственная особа. Раз он не отвечает, не собирается, не способен

отвечать за свои слова и поступки, то в любой момент может совершить любой проступок — от глупости до крупного преступления.

Чем раньше человек обретет чувство личной ответственности, так сказать, *самоответственности*, тем раньше он может начать жить интересно для себя и с пользой для людей.

Только таким можно верить, только таким можно довериться, на таких только можно рассчитывать.

На этом заканчивается изложение трех дидактических рассуждений и **продолжается повествование,** вернее, нам придется вернуться несколько назад, чтобы ответить на вопрос: для чего понадобился обыкновенный дармоезд Вовик Краснощеков генерал-лейтенанту в отставке Самойлову?

А чтобы ответить на этот вопрос, следует уточнить, почему Илларион Венедиктович задумал вернуться в детство, снова стать мальчиком лет десяти.

У него было два сына и дочь. Жену он похоронил несколько лет назад. Дочь работала врачом, старший сын — в строительном управлении, а младший Роман стал актером (ему в нашем повествовании принадлежит любопытнейшая роль, и он ее сыграет, на мой взгляд, уважаемые читатели, отлично!). У Романа детей не было, а у дочери и старшего сына росло по мальчику и девочке. Жили дети в разных городах, Илларион Венедиктович навещал их, они у него гостили. Романа отец видел чаще других: тот снимался в кино, часто выступал по телевидению. Он очень походил на отца, был его, как говорится, точной копией, только, конечно, молодой копией.

Естественно, что Илларион Венедиктович мечтал жить вместе с детьми хотя бы в одном городе, возиться с внуками и внучками, которых нежно называл п о т о м-

чиками, но об этом можно было только мечтать и строить всякие заманчивые планы.

А пока каждый большой праздник Илларион Венедиктович буквально *ухитрялся* побывать у всех своих потомчиков. Поэтому его и прозвали **Праздничным Дедом!** Ну, как не позавидовать такому прозвищу!

Выйдя в отставку, Илларион Венедиктович сначала чуть ли не совершенно растерялся, изнывал от вынужденного безделья, но скоро понял, что тратить время на бесполезные переживания, по меньшей мере, неразумно. Дел для ветерана Великой Отечественной войны нашлось много. Не отпускала его и тоска по милым потомчикам, а повидав их, он тосковал еще сильнее.

Однако постепенно Илларион Венедиктович обнаружил, что он не просто тоскует по своим потомчикам, а беспокоится, волнуется, тревожится об их будущем не только в том смысле, какими людьми они вырастут, а каким будет мир вокруг них. И получалось, что будущее потомчиков зависит и от них самих, именно от того, какими они вырастут.

А потом оказалось, что он волнуется, беспокоится, тревожится о судьбах всех детей, всех потомчиков всей планеты, и особенно, конечно, — нашей страны.

Как помочь мальчишкам и девчонкам стать настоящими людьми?

И что он лично может сделать для этого?

Занимался он тогда интересным делом: писал воспоминания о своей боевой жизни, о том, как от рядового дослужился до генерал-лейтенанта.

Мемуары он начал издалека — с детства, из которого, как показалось сначала, он запомнил немногое. Например, в детстве он только несколько раз (четыре или пять, в лучшем случае шесть) попробовал мороженого, но полюбил его на всю жизнь. Даже став взрослым, а затем

и пожилым, а затем и постарев, он никогда не упускал случая вдоволь полакомиться мороженым, каждый раз восхищаясь, что на свете существует такая вкуснота.

Однако сначала, повторяю, Илларион Венедиктович показалось, что из далекого-далекого детства ему запомнилось немногое, а на самом деле постепенно оно встало в памяти всё, обнаружилось, что оно было большим, наполненным множеством значительнейших событий, и все они — поразительный факт! — вели к тому, чтобы впоследствии он стал генерал-лейтенантом. Представляете, уважаемые читатели, **три дидактических соображения,** которые я изложил выше, Илларион Венедиктович, а тогда еще мальчишка по прозвищу Лапа, уяснил для себя еще в детстве!

И даже тогда, когда он в мемуарах перешел к описанию своей взрослой жизни, помыслы его по-прежнему были крепко-накрепко связаны с детством, с потомчиками, со всеми мальчишками и девчонками, которым еще только предстояло повзрослеть. **Им** он и рассказывал о сражениях и боевых товарищах, с **ними** делился старый воин сокровенными мыслями о жизни, войне и мире.

Иногда волнение достигало такой необычайной степени, что Илларион Венедиктович бывал вынужден хотя бы ненадолго прилечь на диван тут же, в кабинете, где писал, чтобы сердце угомонилось. Иногда же, наоборот, он отшвыривал ручку и тяжело-тяжело, медленно-премедленно шагал из угла в угол, хмурый, злой и растерянный. Это случалось тогда, когда его начинало пугать неизвестно откуда взявшееся предчувствие, что он трудится понапрасну! В голову не приходили, а прямо-таки нахально лезли разные мыслишки, одна другой нелепее. И чаще других в голову п р о л е з а л а самая обидная *мыслишечка*: не поймут его потомчики, и даже если про-

читают его мемуары, лучше от этого не станут! Другая *мыслишечка*, верткая и ехидненькая, надсадно пищала в голове комариком: «Не нужен ты потомчикам, старик, не нужен! Не до тебя им, не до тебя!» Третья *мыслишечка* жалила как оса и звенела в мозгу: «Безззззаботно зззззивут, безззззаботно зззззззззззивут! Телевизззззззззор обозззззззают! Безззззззздельников разззззззззвелось зззззззззздорово много... а ты сссссссо сссссссвоими воссссссссспоминаниями...»

Но Илларион Венедиктович был мужественный, честный, с остро развитым чувством самоответственности человек. И когда он решил, что в его работе над мемуарами что-то не ладится, он еще подумал, поразмышлял, посоветовался сам с собой и уже бесповоротно утвердился в окончательном решении. Он аккуратно, хотя руки неприятно подрагивали, словно сопротивляясь ему, сложил исписанные страницы в папку, тройным узлом завязал тесемки и положил ее в чулан на верхнюю полку.

Говорят: беда не приходит одна. Или: пришла беда — отворяй ворота́. Именно в это и без того горькое время к Иллариону Венедиктовичу дважды во сне являлась Смерть, оказавшаяся обыкновенной фашисткой, и поставила перед ним непременное, страшнейшее и омерзительнейшее условие.

Сон-то сном, но известно: иные сны зря не приходят. Илларион Венедиктович, во всяком случае, один важнейший вывод для себя сделал: не имеет он права медлить, надо дорожить буквально каждым днем. Он, старый, заслуженный, закаленный в боях и походах, знавший подлинную цену победам и поражениям, генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов, оставшиеся на его долю годы отдаст детям!.. Надо УБЕДИТЕЛЬНО доказать им, что Родина верит в них и надеется, что они будут достойны этого доверия.

А то ведь многие из потомчиков оч-чень наивно полагают — крайне ошибочное мнение! — будто бы детство дано только для валяния дурака, а истинным гражданином можно спокойненько стать, когда достаточно подрастешь. Позволительно задать таким такой вопрос: с какого же именно возраста намереваются они кончать валять дурака и начинать пробовать стать истинными гражданами своей страны?

И вот, когда Илларион Венедиктович размышлял об этом во время болезни, да тут ему еще Смерть-фашистка дважды привиделась, он впервые и ощутил желание ВЕРНУТЬСЯ В ДЕТСТВО, снова стать мальчиком лет десяти по прозвищу Лапа.

Странная, но необыкновенно интересная эта мысль родилась, по всей вероятности, из сознания того, что на потомчиков воздействовать надо **неотвратимо эффективно!** Нужно повлиять на характеры и мировоззрение (если, конечно, оно у них имеется) мальчишек и девчонок неведомым для них способом, таким необычным, чтобы они и не подозревали, что их воспитывают!

Поэтому решение Иллариона Венедиктовича вернуться в детство — не плод досужей фантазии, а реальный, точнее, практический подход к делу.

Конечно, сразу возникло множество вопросов, сомнений, сопровождавшихся волнениями, тревогой, даже боязнью, но, как ни странно, Иллариона Венедиктовича почти нисколько не смущала ни сама фантастичность его желания снова стать маленьким, ни то, как это будет осуществлено. Его настораживало лишь одно обстоятельство: а будет ли достаточной польза от этого редчайшего биолого-психолого-педагогического эксперимента? Не помешает ли ему действовать смело и настойчиво та самая неуверенность, которая остановила его работу над мемуарами для потомчиков?

Ну, а как вернуться в детство — вопрос чисто научный, и в успешном его решении Илларион Венедиктович надеялся на помощь своих друзей-ученых Гордея Васильевича Пушкарева, работавшего над созданием прибора «Чадомер», и Ивана Варфоломеевича Мотылечка, многие труды которого также были связаны с сердечной заботой о детях.

План действий был продуман, казалось бы, до наимельчайших подробностей, были вроде бы учтены все возможные варианты и даже самые непредвиденные ситуации.

Начинался план, естественно, с подготовки к возвращению в детство. Пусть ученые ищут научный способ этого, а Илларион Венедиктович будет готовиться, так сказать, психологически, внутренне. Прежде всего, он должен поближе, вернее, как можно ближе познакомиться, а затем и войти в доверие к нескольким обыкновенным, средним, что ли, мальчишкам и девчонкам, изучить их совершенно досконально. Ведь скоро ему придется жить среди них не генерал-лейтенантом в отставке, а мальчишкой по прозвищу Лапа. И он должен хотя бы в общих чертах знать, к чему надо быть готовым.

Первые, можно сказать, поверхностные знакомства с несколькими сорванцами Иллариона Венедиктовича, мягко выражаясь, о ш а р а ш и л и, а точно выражаясь, от их некоторых поступков и высказываний он временами о б а л д е в а л.

Он, генерал-лейтенант в отставке, вовсе не хотел, чтобы мальчишки были чем-то вроде солдатиков. Нет, нет, пусть они остаются детьми, пусть иногда даже немножечко и побезобразничают, но чтобы после этого соображали, чего натворили!

Что именно возмутило Иллариона Венедиктовича в потомчиках, перечислять не стану, это вы, уважаемые

читатели, и без меня знаете. Отмечу лишь три наиболее привычных фактора:

1) нежелание, а может быть, уже и неумение думать над своими поступками;

2) маленькие пока, но заметные задатки будущих крупных недостатков;

3) наиполнейшая безответственность.

А история с черным котеночком чуть ли не доконала Иллариона Венедиктовича. Но ни на секунду, ни на мгновение у него не возникло полного отчаяния или желания отказаться от задуманного. Всю жизнь он следовал и не собирался, тем более из-за какого-то Федьки и его приятелей-истязателей, изменить правилу: задумал доброе дело — доведи его до конца, несмотря ни на что! Пусть на каждом шагу тебя подкарауливают самые коварные трудности, — вперед!

И он продолжал подготовку к редчайшему биолого-психолого-педагогическому эксперименту, убежденный, что принципиально прав во всех своих действиях.

Помогало ему то обстоятельство, что он поменял квартиру (старая была для него велика), на новом местожительстве его никто не знал, и мальчишки вели себя откровенно, нисколечко не стесняясь. Конечно, среди них было много хороших ребят, за судьбу которых нечего и волноваться, но ведь был среди них и Федька с его приятелями-истязателями! И Вовик Краснощеков — микроскопический государственный преступник — существовал себе на здоровье!

Встретив Вовика при совершении им очередного преступления — бесплатном проезде на одном из видов городского транспорта — трамвае, Илларион Венедиктович решился на довольно рискованный шаг. Не смущаясь многими недостатками краснощекого дармоезда, будущий Лапа замыслил взять его в своеобразные помощ-

ники, чуть-чуть-чуть приоткрыв ему принцип редчайшего биолого-психолого-педагогического эксперимента, если, конечно, Вовик выдержит хотя бы одно, самое легкое испытание.

Не выдержал!

Проспал!

Продрых!!!

Обнаружив это и машинально отметив, что мороженым еще не торгуют ввиду раннего часа, унылый, даже скорбный и обиженный, Илларион Венедиктович все-таки с полчасика посидел на стулике перед столиком под полосатым полотняным тентом.

Вернувшись домой, он долго стоял в коридоре, почему-то смотрел в зеркало, ничего там не видя, посидел на кухне, вяло размышляя, не попить ли чайку, затем поплелся в кабинет, опустился в кресло за письменным столом, машинально постукивая пальцами по нему и ни о чем не думая... Он чувствовал, что совершает ошибку, но не мог, да и не пытался уловить, в чем же она заключается... Сначала он сообразил, что ошибка касается Вовика.

Это было ясно, так ясно, что...

— Да как раз ничего и не ясно! — громко прошептал Илларион Венедиктович и резко встал, почти вскочил. — Конечно, я поступил абсолютно правильно! — уже громко, в полный голос продолжал он. — Человек дал мне слово быть в определенном месте в определенное время для важнейшего разговора и — НЕ СОИЗВОЛИЛ прибыть! И я оч-чень принципиально поступил, не став ждать его... — В голосе Иллариона Венедиктовича проскользнули нотки неуверенности. — А если с ним что-нибудь случилось? — Он даже повеселел, но сразу же его охватило уныние. — А если он все-таки попросту про-

спал? В конце концов я обязан, о-бя-зан! — громко повторил он. — Знать все! Все знать! — чуть ли не крикнул он и решительнейшим шагом направился к дверям.

Возбужденно размышляя, убеждая себя и оправдывая, Илларион Венедиктович стремительно шел по улицам.

Каким бы ни был безответственным этот краснощекий дармоезд, бросать его нельзя. Но, с другой стороны, если генерал-лейтенант в отставке простит негодному мальчишке его недостойное поведение, ведь тем самым он как бы поощрит засоню, оправдает его продрыхивание! Дескать, живи как жил, валяй дурака, совершай микроскопические государственные преступления, — генерал-лейтенант в отставке тебя подождет да еще и мороженым вдоволь угостит!

Запутавшись в противоречивых рассуждениях, Илларион Венедиктович шел уже медленно и машинально, отчаявшись найти окончательное твердое решение. Впервые в жизни он действовал наугад: мол, будь что будет, а...

Что — а? А то, что, если назвался груздем, полезай в кузов!

Надо, надо, на-до дело довести до конца!

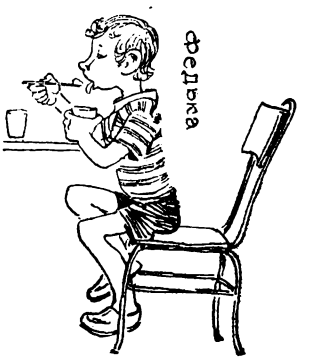
И чем ближе подходил снова уже быстрым шагом к месту встречи Илларион Венедиктович, тем чаще он то и дело опускал голову, честно говоря, б о я с ь не увидеть там Вовика.

Он остановился и взглянул на часы: десять сорок четыре.

Опять опустив голову, словно она разом отяжелела от мрачных мыслей, Илларион Венедиктович все медленнее и медленнее подходил к столику, за которым вчера...

За столиком сидел Федька, тот самый Федька, кото-

рый со своими приятелями-истязателями недавно на глазах Иллариона Венедиктовича мучил черного котеночка.



Федька старательно и нежно, полузакрыв от блаженства черные, продолговатые, чуть раскосые, глаза, облизывал палочку-ложечку, которой давно съел все мороженое из стаканчика.

Чтобы не оставлять вас, уважаемые читатели, в неведении и недоумении, спешу сообщить: Вовик проснулся в девять тридцать две, двадцать три минуты ему потребовалось на дорогу, примерно полчаса он просидел на стулике за столиком и отправился восвояси, абсолютно уверенный, что именно нелепый случай лишил его возможности продолжить знакомство с генерал-лейтенантом в отставке, который обещал ему... А, теперь уже неважно, чего тот ему обещал! Уплелся Вовик домой злой, раздосадованный, обиженный и несчастный...

Сев напротив Федьки, Илларион Венедиктович внимательно разглядывал его. Худенький, кудрявенький, курносый, большеухий, из-за длинного тонкогубого рта немножко похожий на лягушонка из мультика... Федька заглянул в стаканчик, громко и разочарованно вздохнул, еще раз старательно и нежно лизнул палочку-ложечку, встретился взглядом с Илларионом Венедиктовичем и уныло сказал:

— Все. Мало мороженого ложат в стаканчик.

— Не ложат, а кладут.

Федька согласно кивнул, добавил еще унылее:

— Ложат тоже мало.

— Подожди меня, — сказал Илларион Венедиктович, ушел и вернулся с шестью стаканчиками мороженого, три поставил перед мальчишкой. — Угощайся на здоровье.

Черные, продолговатые, чуть раскосые глаза Федьки почти округлились от наивеличайшего изумления. Он раскрыл длинный тонкогубый рот, но произнести не мог никакого даже звука, не то что слова.

— Ешь, ешь, — грустно предложил Илларион Венедиктович.

— Я могу... — Федька в предвкушении удовольствия подержал все три стаканчика в руках. — Ух, и люблю я его!

— Вот и действуй.

«Не пришел... не пришел... не СОИЗВОЛИЛ прийти... проспал... продрых... — тупо слышалось в голове Иллариона Венедиктовича. Он тряхнул головой, и в ней стало вроде бы яснее. — А может, и приходил? И не дождался? А может, еще вернется? А?»

Он уже расправился с мороженым, а Федька только заканчивал старательно и нежно долизывать содержимое первого стаканчика, спросил:

— За что вы меня так?

— Ешь, ешь, — с удовольствием глядя на него, проговорил Илларион Венедиктович. — Ты как здесь оказался?

Не переставая старательно и нежно слизывать мороженое с палочки-ложечки, Федька отвечал:

— Пятнадцать ко... пеек на... шел... тут вот...

Разговаривать с ним сейчас было трудно, практически невозможно. Илларион Венедиктович терпеливо ждал, пока Федька не отставит последний стаканчик, тогда только спросил:

— Кем ты собираешься стать, Федор, когда вырастешь?

— А чего собираться-то? Вырасту и стану кем-нибудь. Отец хочет, чтоб я по его стопам пошел. Он пожарный у меня. Я сначала согласился: пожары-то редко бывают. А он в прошлом году обгорел. Старуху долго из огня вытаскивал. Она больно толстая была. Правда, медаль получил и премию.

— И ты раздумал идти по его стопам? Ведь спасти человека — это прекрасно!

— Прекрасно, конечно, — согласился Федька. — Меховые сапоги ему дарили. У старухи-то шесть сыновей, и все к отцу приходили. Кто торт принесет, кто что. А один сын, летчик, меховые сапоги принес. Отец не взял. Мамка его потом до ночи ругала и ревела.

— Надо гордиться таким отцом.

— Да я горжусь. Его и по телевизору два раза показывали. Только все говорят, что он мало зарабатывает. — Федька поморщился, пожал плечами. — И за сапоги все над ним смеются. Бабка как вспомнит про них, так прямо чуть не в обморок. Говорят, ходит богу молиться, чтоб отец поумнел.

— Ну, а ты-то как ко всему этому относишься? — пораженный услышанным, спросил Илларион Венедиктович.

— А чего мне относиться-то? Я бы сапоги взял. Унты, вспомнил, еще они называются. Кра-а-асивые, те-е-еплые! Летчик говорит: вы жизнь моей маме спасли. А отец говорит: жизни цены нету. Я и так, мол, вовсю доволен.

— Замечательный человек твой отец, — задумчиво проговорил Илларион Венедиктович. — Семья у вас большая?

— У-у-у! — Федька, сморщившись, скривил физиономию. — Три сестры у меня. Отличницы. Отец с ними и по грибы, и на рыбалку, а то и всякой ерундой занимается, — осуждающе продолжал он. — Бабочек ловят, жуков, разных, травки сушат. А про меня отец говорит: в семье не без Федьки. Бабка и мамка зато меня здорово уважают.

— За что?

— А я, говорят, в какого-то дядю уродился, а он здорово богатый был. Не то что отец.

Только через некоторое время Илларион Венедиктович заметил, что опять ест с Федькой мороженое и о чем-то думает. Мальчишка был так увлечен старательным и нежным слизыванием мороженого с палочки-ложечки, что не мешал ему размышлять..

Оч-чень грустные были эти размышления. Что же получается? Маленькому человечку уже вдолбили в голову, тоже, естественно, маленькую, немало невернейших убеждений. «Вот неплохо бы, — насмешливо-печально подумал Илларион Венедиктович, — вернуть его в младенчество, изучить при помощи «Чадомера» и начать воспитывать снова».

— Ведь это смехота! — вдруг возбужденно воскликнул Федька. — У отца, говорят, золотые руки. Вот машину водить умеет, а у самого машины-то тю-тю. Всем ходит цветные телевизоры чинить, а у самого маленький и это... бесцветный. Бабка говорит: умру, так цветного телека и не погляжу. Мамка ему говорит: погляди, как дочерей родители одевают. А наши, мол, смотреть стыдно.

— Ну, а девочки что говорят на это?

— А они в отца! Ничего на это не говорят! — чуть ли не заорал Федька возмущенно. — Хохочут вместе с отцом. Он магнитофон сделал. Как мамка с бабкой начнут их всех ругать, он все это запишет, а потом и включит. И опять — хохотать, а мамка с бабкой — ругаться громче магнитофона. Смехота, смехота одна! Лодку надувную купил. Сейчас парус шьют. Плыть куда-то собираются. Мамка с бабкой ревут. А те хохочут.

— А тебя в плаванье не берут?

— Дурак я, что ли? — искренне удивился Федька. — Там и не поспишь, и не поешь толком. Утонешь еще. Вон у нас сосед-таксист! У-у-у, мужик! Машина своя, гараж здоровенный! У сына мотоцикл! На штанах блямба заграничная! На даче, говорят, только куриного молока нету!

— Птичьего, — машинально и уныло поправил Илларион Венедиктович. — И ты что, завидуешь?

— А как же!!! Не я один завидую. Все! В школу сын-то таксиста через день ходит или когда захочет. Папашечка его в школьный буфет продукты возит. А мой аквариумы для школы делает! — издевательским тоном воскликнул Федька. — А из-за них уроки пропускать не дают! Понятно?

— Нет, — признался Илларион Венедиктович, — ничего я не понимаю. Тебе надо идти по стопам отца. Пожарным быть не обязательно, а вот стать таким замечательным человеком, как твой отец, надо.

— Не получится! — Федька безнадежно махнул рукой. — Ведь пи-и-и-илят, гррррызут его с утра до вечера. Мне и то его жалко бывает.

— Ну, а он-то как на это...

— Ну, а он! — Федька помрачнел. — Он сторожем в зоопарк собирается! Говорит, все ночи напролет буду со зверями и птицами беседовать.

— Замечательно! — восхитился Илларион Венедиктович, и если бы Федька уже не чихал, еще купил бы мороженого. — Прекраснейший человек твой отец! Интересно живет! А вот ты живешь, судя по всему, оч-чень скучно.

— Я живу скучно? — удивился, но не обиделся Федька. — Да я, к вашему сведению, скоро... — Он загадочно подмигнул сначала левым, потом правым глазом. — Я, брат, так жить буду, что... не хуже любого таксиста.

— И как это будет выглядеть? — Илларион Венедиктович сразу несколько оживился.

— В банду меня зовут, — гордо и таинственно прошептал Федька. — Людей грабить будем, потом пировать, в кино ходить, в цирк, актрационы всякие...

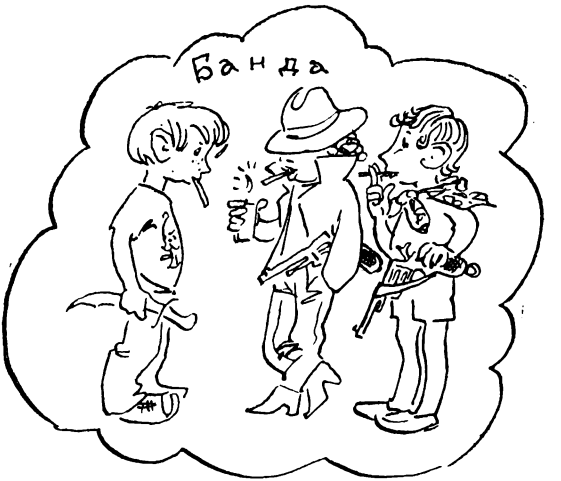
— Аттракционы, — машинально поправил обескураженный Илларион Венедиктович. — Какая банда? Как это — грабить людей? Ты соображаешь или нет, что говоришь?

— Еще как соображаю! — торжественно произнес Федька. — Если бы не соображал, меня бы в банду не взяли.

— Вот что, Федор, — растерянно сказал Илларион Венедиктович, помолчал и строгим тоном предложил: — Такими... сообщениями не шутят. Давай-ка выкладывай все по порядку!

— Нашли дурачка! — Федька удовлетворенно улыбнулся, а потом еще и ухмыльнулся. — Мы клятву дали: кто проболтается, бить того... — с важностью, неторопливо выговаривал он. — Бить того смертным боем! Во! — И он принялся сосредоточенно орудовать в носу всеми пальцами по очереди, вдруг вспомнил: — Мы докажем, что мы сильные, смелые и неуловимые!

— Да какая же банда из вас, извини, сопляков, получиться может? — Илларион Венедиктович совершенно



вышел из себя и закурил, но тут же смял сигарету. — Кто такую выдумал? Людей, видите ли, грабить! Пировать, видите ли! Да ты знаешь, что я сейчас же, немедленно же должен заявить в милицию о вашей, извини, идиотской затее?

— Милицией нас не запугать, — доверительно сообщил Федька. — У нас шеф, к вашему сведению, внук генерала!

— Н... н... ну и... что? — заикаясь, спросил Илларион Венедиктович, и сердце его кольнуло недоброе предчувствие, правда, неясное. — Если ваш главарь, как ты утверждаешь, внук генерала, так значит, вам все дозволено?

— Само собой!

— Но вот я, предположим, тоже... — Илларион Венедиктович осекся, а Федьку немножко потрясло от смеха.

— Чего — тоже? Генерал, что ли? Нашли дурачка! — он гордо задрал свой курносый нос. — Генералы совсем не такими бывают. Будет вам генерал меня, Федьку, мороженым кормить! — И его опять немножечко потрясло от смеха. — Шеф наш ку-у-урит! У него и зажигалка есть! Заграничная! Говорит, что всех нас курить научит! — Он, можно сказать не пришел, а прибежал в восторг. — И у каждого зажигалка будет! Вот как только начнем проводить операции... тогда и узнаете, кто я такой есть! Бандюга буду — во!

Илларион Венедиктович даже приложил руку к левой стороне груди: до того ныло сердце в недобром предчувствии. — А как звать вашего шефа?

— Дурак я, что ли? — рассердился Федька. — Мне зажигалку получить охота, а не то, чтоб меня смертным боем лупили!

— Понимаешь, Федор... — Илларион Венедиктович понял, что напрямик действовать нельзя, требуется обходный маневр. — А вдруг шеф вас обманывает? У бандитов так частенько бывает. Может, он и не генеральский внук. Бросит он вас в случае опасности, а вас всех в милицию.

Федька с испуга попал указательным пальцем вместо носа в глаз, громко ойкнул, поморщился, прикрыл глаз ладошкой и неуверенно ответил:

— Тогда его смертным боем отлупить надо.

— Я знаю всех генералов в городе, всех их детей и внуков. Вашего как зовут?

— Раньше его Робкой-Пробкой звали, хотя у него волосы красивые. У меня вот кудряшки, а у него кудри и до самых плеч. Мне противно смотреть, а другим нравится. А когда он шефом себя выбрал, — тараторил Федька, — велел звать его... сейчас вспомню... Ро-бер-тиной! Ага, ага! Робертина, точно!

«Вот это новость для изобретателя «Чадомера», — с оч-чень, оч-чень большой болью подумал Илларион Венедиктович. — Внук генерала, внук дорогого моего боевого друга — шеф банды, правда, банды сопляков, но все-таки...»

— Что с вами? — испугался Федька.

— Огромное горе у меня, Федор, и ты можешь мне помочь... хотя бы немножечко...

Глава под номером четыре (продолжение главы под номером два) и под названием

Серж становится Сергеем Ивановичем,

или

„Не шпионь! Не шпионь! Не шпионь!"

Позвольте напомнить вам, уважаемые читатели, что глава под номером два заканчивалась тем, что Прэзидент попросил Сержа подойти к отцу, а тот упал в обморок.

Очнулся Иван Варфоломеевич на диване, без пиджака и ботинок, рукава рубашки были высоко закатаны. Обнаружив все это, он некоторое время ничего не понимал, ничего не помнил, лишь прислушивался к самому себе, вернее, к своему сердцу. И чем внимательнее и опасливее он как бы изучал свое состояние, тем более удивлялся: дышалось свободно, сердце билось ровно, только во всем теле была слабость да чуть-чуть ощущалась довольно тяжелая боль в голове, но и она вроде бы понемногу таяла.

Перед ним стояли трое в белых халатах — мужчина и две женщины.

— Все в порядке, господин профессор, — на иностранном языке сказал мужчина, и Иван Варфоломеевич, не напрягая памяти, понял каждое слово, — просто об-

морок, вам надо отлежаться. К утру вы будете совершенно здоровы.

— Где Сережа??.. Серж где? — можно сказать, *спросилось* у Ивана Варфоломеевича, так как сознательно он этого делать не намеревался.

— Не беспокойтесь ни о чем, достопочтенный господин профессор, — услышал он голос Прэ Зидента, — вы несколько переутомились...

— Где мой сын Сережа? — уже сознательно и настойчиво спросил Иван Варфоломеевич.

— Он скоро вернется, — слишком уж ласково ответил Прэ Зидент и жестом предложил уйти врачам с медсестрой. — А до его возвращения, я надеюсь, вы найдете в себе силы закончить разговор со мной.

— Да, у меня хватит сил на все. Больше мне не потребуются врачи и даже успокоительные таблетки. Действуйте прямо, довольно вилять.

— О, если вы будете благоразумны! — Прэ Зидент снял очки со стеклами кровавого цвета и обнажил большие, навыкате глаза коричневого цвета. — Дорого́й господин профессор, если в вас сохранились хотя бы остатки отцовских чувств, все будет прекрасно.

Чувствуя, что силы возвращаются к нему, а боль в голове прошла, Иван Варфоломеевич повел себя не как утомленный старик, а как советский гражданин, оказавшийся в чужой стране перед врагами, с которыми надо бороться до конца. Он твердо предложил:

— Действуйте, действуйте. Не тяните.

— Торопливость в данном случае не так уж и обязательна, дорогой господин профессор и, надеюсь, счастливый отец! — Прэ Зидент присел на краешек дивана, и Иван Варфоломеевич брезгливо поджал ноги. — Зависит-то все не от меня, а от вас. Если вы будете паинькой, как вы, верно, говорили в детстве сыну...

— Да прекратите вы болтать! — Иван Варфоломеевич сел, опустив ноги с дивана. — Выкладывайте, что вам от меня надо!

Прэ Зидент злобно оскалил два ряда золотых зубов, резко встал и заговорил, к полной неожиданности для ученого, мягким голосом:

— Итак, я, точнее, организация, в которой я имею честь служить, принесла вам неоценимое счастье — сохранила жизнь вашему сыну, которого вы много лет считали погибшим. Более того, мы организовали своеобразный сервис — доставили его прямо к вам. Вы должны благодарить нас, ну не обязательно на коленях, но по крайней мере от всей души. Да, кстати! — Прэ Зидент легкой, почти танцующей походкой прошелся по номеру, развалился в кресле. — Советую, рекомендую, великодушно предлагаю НЕ предпринимать против нас никаких акций. НЕ вздумайте ни о чем услышанном здесь болтать в вашем посольстве.

— Да плюю я на ваши угрозы, — внешне спокойно отозвался Иван Варфоломеевич. — Дайте мне возможность поговорить с моим сыном, а сами отправляйтесь, как у нас говорят, к чертовой бабушке. И перестаньте диктовать мне свои условия. Мягко выражаясь, гнусные. В конце концов, я и без вас тепёрь разыщу своего сына!

— Ну... — Прэ Зидент в полнейшей растерянности развел руками. — Как это у вас говорят? Ну, вы даете! Не ожидал. Но тем лучше, если вы уж такой... сообразительный. Майор Серж фон Ллойд — отличный разведчик. Он не раз проявлял свои исключительные способности. Если бы он не был вашим сыном, я бы счел, что у Сержа прирожденный дар разведчика. Значит, это наша заслуга, что мы сделали из него блестящего специалиста. Правда, он еще не работал в вашей стране. К сожалению, это не так просто. Можете гордиться своим сыном.

— Вы... вы... вы — обыкновенная свинья!

— Вполне допустимо, — пожав плечами, согласился Прэ Зидент, — я не считаю нашу службу очень уж чистоплотной. Итак, если вы обнаружили, и вполне откровенно, видимо, свойственную вам прямоту, перехожу непосредственно к делу. Мы предлагаем вам не как многоуважаемому, достопочтенному ученому, а как, надеемся, любящему отцу... — И он молчал до тех пор, пока не взбеленился оттого, что Иван Варфоломеевич тоже молчал. — Почему вы не интересуетесь, ЧТО мы вам предлагаем?!

— Я жду, — с предельным спокойствием отозвался ученый.

— Предлагаю, — сквозь золотые зубы процедил Прэ Зидент, — вернуть вашего сына домой. Мы надеемся, мы даже не сомневаемся, что вы не откажетесь прожить остаток лет с родным единственным сыном. Ваша старость будет освещена светом сыновней любви. Представьте только: вы поднимаетесь с Сержем на борт лайнера вашего Аэрофлота...

— С Сержем или Сережей?

Прэ Зидент не мог не поразиться удивительному и, главное, без усилий, спокойствию старого ученого, а сам растерялся и пробормотал;

— Простите, привычка... Но по новым, безупречной достоверности документам он будет, конечно, значиться...

— Будет значиться или на самом деле станет Сережей? — казалось, просто поинтересовался Иван Варфоломеевич, и Прэ Зиденту пришлось собрать все силы, чтобы изобразить своим наполненным золотыми зубами ртом счастливую улыбку и выдавить из себя сквозь это золото:

— Он будет Сережей, вашим дорогим единственным сыном.

— Дорогим сыном или отлично подготовленным шпионом в стране, где вам не так-то уж просто работать, по вашему собственному признанию?

— Дорогим единственным сыном, — отчетливо произнес Прэ Зидент, старательно, но устало вытерев платком обильно вспотевший лоб. — Остальное вас просто не касается. Ни о чем другом вы и понятия не имеете. Ваша совесть абсолютно чиста и спокойна. Что вас смущает, милый господин профессор? — уже почти по-настоящему ласково спрашивал Прэ Зидент. — Не так уж много НАМ осталось жить, и почему бы остаток лет не провести в обществе родного единственного сына? Неужели вы не устали от одиночества? Неужели вы не хотите побыть на свадьбе Сережи? Не подержать, даст бог, на руках внука или внучку? Согласитесь, что всей своей нелегкой судьбой вы заслужили право на обыкновенное человеческое, проще говоря, о т ц о в с к о е счастье? Вам и трудиться-то будет легче и радостнее! И еще, может быть, самое главное: ваш род Моти... лешт... Мотилешт... ков продолжится!

...Мне хочется быть перед вами, уважаемые читатели, честным до конца, и я сообщу вам: на какое-то время Иван Варфоломеевич забыл, с кем разговаривает, в сознании против его воли, вернее, непроизвольно возникли трогающие за душу картины, нарисованные Прэ Зидентом. Ученый, мечтательно закрыв глаза, даже пошевелил руками, будто собираясь покачать на них внука или внучку. Горло ему перехватило, и по щекам проскользнуло несколько слезинок.

Внутренне задрожав от злобной радости, предчувствуя невероятнейшую шпионскую удачу, Прэ Зидент решил закрепить успех и вкрадчиво зашептал:

— Ваш внук или внучка, достославный господин профессор и счастливейший отец, вырастет, как вы там

у себя говорите, настоящим советским человеком, патриотом... я правильно выразился?.. своей страны. Вы будете катать его или ее в коляске, кормить кашкой, поить молочком, рассказывать русские народные сказки и петь колыбельные песни...

— Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни... — тихим дрожащим голосом **запелось** у Ивана Варфоломеевича. — У него или у нее будет живая игрушечная лошадка... живой тигреночек ростом с котеночка... в аквариуме будут плавать маленькие китики...

— Ах, как я безумно завидую вам! — нежно, почти искренне воскликнул Прэ Зидент, сорвал с носа очки кровавого цвета, с напряженным усилием выдавил из правого большого, навыкате коричневого глаза одну слезу. — Ах, как я завидую вам, дорогой дедушка! Увы, у меня нет детей — следовательно, и внуков мне не иметь. Но я понимаю ваши чувства, ах, как понимаю! Желаю вам, счастливейший вы человек, прекрасного дедства! А какое удовольствие, радость-то какая — выбирать имя внуку или внучке!

— Внука я назову в честь дедушки Арсентием, — мечтательно проговорил, почти прошептал Иван Варфоломеевич, не замечая, конечно, как хищно скалит золотые зубы Прэ Зидент, — а внучку я назову Ниночкой в честь моей любимой сестренки...

Он замолчал, откинувшись в кресле и блаженно полузакрыв глаза, чувствуя во всем теле теплую легкую истому.

А Прэ Зидент улыбался уже просто самодовольно: ведь в номере были установлены скрытая телевизионная камера и подслушивающие устройства. Это означало, что в определенном отделе организации «Целенаправленные Результативные Уничтожения» видят и слышат все, что здесь происходит. И разного рода шефы завидуют,

как ловко удалось Прэ Зиденту обработать крупного советского ученого, да еще известнейшего борца за мир, и как просто и надежно забросят они в СССР опытнейшего шпиона и сколько вреда он там принесет!

— Да, да, внука я назову в честь дедушки Арсентием, — уже печальным голосом повторил Иван Варфоломеевич. — Арсентий Сергеевич... Но где же он?

— Се-е-ерж! — весело позвал Прэ Зидент. — То есть Серо... Серье... жонька! Тебя хочет видеть папочка! — И из-за портьеры, прикрывавшей высокое окно, вышел Серж. — Через несколько дней, боже мой, вы будете на родине! Ты сможешь поцеловать родную землю!

Серж снял очки, слабая, беспомощная улыбка чуть тронула уголки его губ, и Иван Варфоломеевич, вместо того чтобы броситься обнимать сына, как рассчитывал самодовольно развалившийся в кресле Прэ Зидент, впился взглядом в его галстук, усыпанный маленькими фашистскими свастичками.

— Я давно мечтал хотя бы побывать там, — неуверенно выговорил Серж и, видимо, заставив себя быть душевнее, спросил: — Неужели это возможно? Я мечтаю увидеть родные места.

— А не мечтаешь ли ты там поработать? — глухо спросил Иван Варфоломеевич.

— Он прекрасный специалист! — торопливо выкрикнул Прэ Зидент. — Он инженер высочайшей квалификации и широчайшего профиля... В смысле умственных способностей он весь в вас, дорогой господин профессор!

«Он нисколечко не похож ни на меня, ни на мать, — устало и даже равнодушно думал в это время Иван Варфоломеевич. — Впрочем, сейчас ему чуть за сорок, никак не могу сосчитать...»

Прэ Зидент в это время тоже думал, но яростно и суматошно: «Что такое вдруг случилось со старикашкой?

Почему он так разительно переменился именно тогда, когда увидел родного единственного сына? Ведь совсем недавно чуть ли не рыдал... расклеился, как и требуется, и вдруг... Никогда этих советских не поймешь!»

— А ты не мечтал вернуться на родину... раньше? — совершенно деловито поинтересовался Иван Варфоломеевич. — Тебе не приходило в голову что-нибудь предпринять для этого? Вы — молчите! — грозно остановил он попытавшегося что-то сказать Прэ Зидента. — Ты хоть думал обо мне или о матери? Ты хоть знаешь, что представляет из себя твоя родина? Читал ли ты русскую литературу? Почему...

— Поймите же, милый господин профессор, как он взволнован! — перебил все-таки ученого сам разволновавшийся Прэ Зидент. — Простите меня, но...

— Простите и вы меня, шеф, — осторожно остановил его Серж. — Я действительно необычайно взволнован. Но отец вправе спрашивать меня обо всем. А обо всем, отец, я хотел бы поговорить с тобой там... дома. Пойми, сейчас имеется последняя возможность соединиться нам с тобой.

— Почему последняя? И почему сейчас? И почему при нашем разговоре присутствует и мешает ему посторонний?

— Пока я на службе, отец, — объяснил Серж. — А господин Прэ Зидент — мой шеф и вообще самый близкий мне человек. Ты должен постараться понять, что мы с тобой оказались в невероятно сложной ситуации, из которой только один выход. Берешь ты меня с собой или нет. Все нужно решить во время твоего пребывания здесь. Сегодня же или в крайнем случае завтра ты должен заявить, что я разыскал тебя, и ты хочешь, чтобы я с тобой вернулся на родину. Поверь, все остальное второстепенно и несущественно. Тебе не должны от-

казать. Твоя прекрасная речь, отец, кстати, о судьбах детей...

— Минуточку, минуточку... — Иван Варфоломеевич по привычке ощупал голову. — Насколько я уразумел из

всего здесь сказанного, я увезу на родину сына, который является агентом иностранной разведки? Почему у вас на галстуках фашистские свастики?

— Потому что мы фашисты, — простодушно и не без заметной гордости признался Прэ Зидент, но тут же понял свою непоправимую оплошность, дико заржал и сквозь ржание проговорил: — Да мода сейчас такая! — Он сорвал галстук судорожными движениями и бросил его в мусорную корзину. — Завтра, вполне возможно, будет мода на красные галстуки!

Серж развязал галстук медленно и аккуратно опустил в корзину. Тут зазвонил телефон, и в руках Прэ Зидента мгновенно оказались пистолеты.

— Многоуважаемый господин профессор... — в напряженном голосе Прэ Зидента появились металлические нотки. — Надеюсь, вы все понимаете?

Иван Варфоломеевич подошел к столу, взял трубку:

— Профессор Мотылечек слушает... Добрый вечер... Да, да, все в порядке, если не считать... Конечно, расстроен... Ужасный снимок, и я действительно виноват... Нет, нет, обычно я умею сдерживаться... Речь исказили... Да, да, завтра я с утра у вас, и, видимо, мне придется немного задержаться здесь... В высшей степени серьезный разговор... Нет, вы не можете даже и предполагать... Дело в том, что меня разыскал здесь сын, которого я считал погибшим в войну... Да, да, и я бы просил разрешить ему вернуться со мной домой... Вы уверены, что не будет возражений?.. Благодарю вас... Он сейчас у меня... До завтра, всего доброго! — Он опустил трубку на рычаг, брезгливо взглянул на Прэ Зидента. — Да уберите вы эти пугачи!

Тот спрятал пистолеты, обиженно сказал:

— Это не пугачи. Одно ваше неосторожное слово — и вернулись бы вы домой в свинцовом гробу.

— Шеф! — Серж поморщился.

— Мой дедушка Арсентий утверждал, — Иван Варфоломеевич с удовлетворением ощутил свое превосходство над Прэ Зидентом, хотя не улавливал его конкретных истоков, — что у неумных людей в голове может образоваться лишняя дырка, кроме семи, положенных природой.

— Намек понял, — зло ответил Прэ Зидент. — Несмотря на некоторые нежелательные детали вашего поведения, я вами доволен.

— А я стараюсь не для вас. Но вот как мне объяснить в посольстве появление Сереженьки в вашей стране и долгое пребывание в ней?

Его вытащили из-под развалин еле живого, отправили в другой город, который вскоре был сдан вашими войсками. Все дальнейшее — служебная тайна. Но ее Сержу откроет в ваших соответствующих организациях, когда будет давать показания. У нас готовы безупречной подлинности все необходимые документы. Скажите...

— Нет! — резко оборвал Иван Варфоломеевич. — Хватит меня допрашивать. Сами-то вы какой национальности?

— Формально я русский, — легко признался Прэ Зидент. — А фактически — никакой, вернее, такой, какую потребует служба. Вот только негром быть не могу! — Он, чтобы взбодрить себя, поржал. — Родители мои убежали сюда сразу после вашей революции. Родился я здесь, но никакого отношения к моей формальной родине не имею.

— Вопрос второй, — Иван Варфоломеевич возвысил голос. — Кто воспитывал моего сына? Как долго он не знал о своей родине? Обо мне? О матери? О своем происхождении? — Голос его зазвучал гневно. — Почему его сразу после окончания войны не вернули домой? Ведь у него сохранились даже документы! У него были имя, фамилия! У него был отец! Кто посмел совершить это тягчайшее преступление — лишить ребенка отца и отечества? Недоброй славы организация «Целенаправленные Результативные Уничтожения»?

Здесь, уважаемые читатели, я считаю нелишним напомнить вам о том, что Иван Варфоломеевич вовремя понял, на что именно рассчитывал Прэ Зидент: дескать, старенький, слабенький, занятый только наукой ученый, а мы как познакомим его с родным сыном, да как со всей наглостью навалимся на бедного сентиментального старикашку, да как припугнем его, так он и выполнит любое наше подлое задание, да еще и счастлив будет.

Так оно поначалу и получалось. А потом слабеньким оказался матерый шпион Прэ Зидент. Просто говоря, он не мог сообразить, куда клонит и что именно собирается делать ученый. И уж наиполнейшей неожиданностью оказалось то, что он нисколько не боится любых угроз, вплоть до того, что его могут превратить в покойника! Вот опытнейший, матерейший шпион и ощупывал сейчас свою седую голову, не образовалась ли там лишняя дырка. Его прямо угнетало, ужасало, бросало в дрожь предчувствие, что будет, если Серж не улетит с отцом в Советский Союз. Тогда карьера Прэ Зидента не только тут же бесславно закончится, а как бы из него самого покойника не сделали. «Целенаправленные Результативные Уничтожения» плохих служак не держат, несмотря ни на какие былые заслуги. Эх, как запутался в своих рассуждениях, предположениях, соображениях и предчувствиях Прэ Зидент! Показался он себе не пауком, каким всегда был, расставляя всем сети, и в них попадались те, кто ему, пауку, требовался. А было у него сейчас ощущение, что он маленькая, глупо суетящаяся муха, запутавшаяся в паутинках, да в таких сложных и крепких, что даже лапкой шевельнуть не может.

И он не сразу услышал, что не напевает, а наскуливает детскую песенку:

— Раз паутинка, два паутинка, три паутинка... — И услышав себя, и взглянув на себя как бы со стороны, Прэ Зидент в сердцах едва не сплюнул, чуть, мягко выражаясь, не чертыхнулся, в бессильной злобе оскалил золотые зубы и, уже не в состоянии сдерживаться, яростно обратился к Сержу:

— Растолкуй ты своему папаше, наконец, что если он питает к тебе хотя бы грамма четыре отцовских чувств, то сейчас имеет значение только одно: ВЫ — ОТЕЦ И СЫН! Остальное черенда и епуха! То есть —

ерунда и чепуха! В остальном разберетесь дома! Чего он тянет, если в посольстве ему обещали...

И прямо в сердце Ивана Варфоломеевича врезывались слова Сержа:

— Отец, помоги мне вернуться на родину! Я не могу больше здесь! Я здесь без тебя погибну! Какой смысл сейчас разбираться в том, кто и зачем когда-то лишил меня отца и отечества?

— Может быть, стоит поблагодарить тех, кто помог Сержу выжить? — надменно (больше ему ничего не оставалось делать) спросил Прэ Зидент. — И неужели ваши отцовские чувства, дорогой господин профессор, не победят ваши совершенно ненужные мелкие опасения, подозрения, недоверия?

— То, что судьба твоего сына в твоих руках, отец, должно тебя по крайней мере тревожить, если даже ты ко мне и равнодушен.

Иван Варфоломеевич посмотрел на него так проницательно, что Серж надел зеркальные очки, и в них опять отразились два маленьких Ивана Варфоломеевича.

Серж пробормотал:

— Я не могу больше оставаться здесь. Не веришь мне, так прямо и скажи. Ты отказываешься от меня? — упавшим голосом спросил он.

— Серж! — с упреком воскликнул, скрыв радость (вот сынок работает!), Прэ Зидент. — Нельзя так разговаривать с отцом! У него больное сердце!

— Вы — темнейшая личность! — с презрением произнес Иван Варфоломеевич. — Вас не спрашивают! Недавно на вас были галстуки с фашистскими свастиками! А я, было бы вам известно, коммунист! И мода, как вы изволили выразиться, у вас на фашистские свастики никогда не пройдет! И не трогайте больше моих отцовских чувств! Да и что вы в них понимаете! Мне тяжко, мне

так тяжко, как не было даже тогда, когда я узнал о гибели своего сына...

— А сейчас я стою перед тобой, отец, — горячо заговорил Серж, — но не услышал от тебя пока еще ни одного доброго слова! Даже если ты не примешь меня...

— Не тебе судить меня, — сурово остановил Иван Варфоломеевич. — Если ты мой сын, то ты погиб вторично. Вернее, тебя погубили.

— Это вы сейчас убиваете его! — закричал Прэ Зидент. — Я сам жесток до немыслимости! До чудовищности! Во! — Он оскалил свои золотые зубы. — Тридцать две штуки от тридцати двух врагов! А ваше жестокосердие...

За давностью лет Иван Варфоломеевич забыл, конечно, как надо драться, когда слова уже не действуют, но тут, не успев смирить гнев, омерзение, гадливость, сделал так, как когда-то в детстве: левую ногу быстренько подставил за правую Прэ Зидента, а правой рукой дал ему по золотым зубам, и шпионище рухнул на пол.

Серж чуть было не бросился к отцу, вернее, на отца, но — помог подняться шефу, спросив:

— Не ушиблись?

— Еще надо? — весело, с задором, как в детстве, спросил Иван Варфоломеевич. — А сейчас — вон отсюда! Трупный стоматолог! Мерзавец! Вон! Да побыстрее!

Сначала тщательно ощупав золотые зубы каждый в отдельности, потерев затылок, подобрав очки со стеклами кровавого цвета, водрузив их на место, Прэ Зидент сказал, стараясь выглядеть достойно:

— Только мое глубочайшее уважение к заслугам господина профессора и нежелание омрачать его радость встречи с родным единственным сыном лишают меня возможности должным образом ответить на хулиганские действия достопочтенного...

— А чего вы можете? — весело спросил Иван Варфоломеевич. — Дать мне сдачи?

Раздался телефонный звонок, Прэ Зидент преградил дорогу Ивану Варфоломеевичу, приказал:

— Возьми трубку, Серж. А вы — тихо. — И он опять вытащил два пистолета.

Оказалось, что именно Сержа и требовали к телефону. Поняв это, матерейший шпионище за секунду превратился в согбенного горем старика, засунул пистолеты в карманы, уныло свесил голову, а руки его бессильно повисли. Покачнувшись, он упал в кресло. Прэ Зидент сознавал, что от ужасной участи его может спасти только чудо — полная удача операции «Сынок», но убийцы в чудеса не верят.

Серж отвечал, вытянувшись по стойке «очень смирно». Опустив трубку и помолчав, он осторожно произнес:

— Я очень сожалею, шеф, вы знаете, как я вас ценю и уважаю, как я благодарен вам, но... вам приказано немедленно явиться... По-моему, вам надо быть готовым...

— Понимаю, понимаю... — еле-еле-еле слышно прошептал Прэ Зидент, посидел еще немного, с трудом, морщась, словно от боли, поднялся. — Желаю тебе удачи, Се... Сережа. Я уже ничем не могу тебе помочь. Если сердце твоего отца смягчится, поклонись от меня русской земле.

— Будет исполнено, шеф.

Еще больше сгорбившись, волоча ноги, Прэ Зидент добрел до дверей, обернулся, уныло сказал:

— Завидую тебе, Серж.

И вышел, осторожно прикрыв дверь за собой.

Наступило долгое, напряженное молчание. Для Ивана Варфоломеевича оно было еще и тягостным. Он машинально глотал холодный чай.

Вдруг Серж осторожно, но обрадованно предложил:

— Можно, я угощу тебя ужином, отец? Ведь ты наверняка голоден.

— Я никуда не хочу идти.

— Поужинаем прямо здесь. Чего бы ты поел?

— Поел бы я того, чего в ваших ресторанах нет, — грустно, однако с неожиданным облегчением ответил Иван Варфоломеевич, — вареной картошечки... А вообще закажи что-нибудь мясное отварное и томатный сок.

— Я хочу угостить тебя и редкими фруктами.

— Угости... Сережа...

Когда заметно оживленный Серж ушел, Иван Варфоломеевич вскочил и быстро заходил по номеру. Поразительно: Серж чем-то привлекал его, но он не испытывал не только отцовских, но вообще никаких добрых чувств. Сколько лет он твердил себе: а вдруг?.. а вдруг?.. И вот сын перед ним — фашист, агент иностранной разведки... Конечно, он не виноват, что стал таким. Его таким сделали те, которые все еще мечтают уничтожить нашу страну, наших детей... И в этом ужасном, совершенно бесчеловечном деле им, может быть, будет помогать Сергей Иванович Мо... ти... лештик!.. По сердцу резанула боль, в голове помутилось, перед глазами поплыли черные круги... Шатаясь, едва не падая, Иван Варфоломеевич дошел до дивана, постоял и... вернулся обратно в кресло. Нет, нет, нельзя поддаваться ни боли, ни горю. Он должен выдержать все...

Иван Варфоломеевич принял несколько лекарств, сидел и ловил себя на нелепом желании запеть песенку, которую недавно в этом кресле наскуливал Прэ Зидент: «Раз паутинка, два паутинка, три паутинка...» Но тут же он мысленно сказал себе: «Не ври. Ничего ты не запутался. Просто тебе надо много и желательно глубоко подумать и принять наитвердейшее решение. Ты не ис-

пытываешь к Сержу отцовских чувств? А откуда им взяться? Всю жизнь ты прожил один, сейчас ты старик. Дедовские чувства ты должен был бы испытывать, если бы...»

И он неожиданно улыбнулся, подумав о внуке... Правда, улыбка сразу померкла: его внук — сын шпиона... А почему в посольстве сразу согласились на возвращение Сержа домой? Почему — домой? Где у него дом?.. «Только не торопись! — мысленно приказал он себе. — Ведь может же родина оказать на Сержа благотворное влияние!.. Но почему ты называешь его Сержем, а не Сережей? Потому что пока он — Серж. Как помочь ему почувствовать себя подлинно русским, настоящим гражданином своей страны? Ведь не могли же из него вытравить все, с чем он появился на свет!.. И ведь вот что самое-то страшное: если он не возьмет Сержа с собой, то до конца жизни будет терзаться. Кровью изольется сердце, если он оставит его здесь... А если он привезет домой не сына, а шпиона, который сумеет принести своей родине немало вреда?!»

У него запокалывало в груди, когда он попробовал связать в сознании маленького Сереженьку, от которого не осталось даже ни одной фотографии, с этим вот Сержем... «Беда твоя в том, — мысленно обратился он к себе опять, — что у тебя беда. И ничто не может помочь тебе. Конечно, в посольстве что-нибудь посоветуют... Но что можно посоветовать старому отцу, у которого давным-давно погиб сын, и вдруг он оказался жив и носит галстук с фашистскими свастичками... А вот пионерского галстука он никогда не носил... Нет, нет, нет, он не виноват в том, что с ним сделала война». Иван Варфоломеевич машинально нагнулся, достал из мусорной корзины галстук Сержа (он был снят аккуратно, а Прэ Зидент

свой сорвал, резким движением развязав узел), так же машинально засунул его в ящик письменного стола.

Серж вернулся оживленным, даже веселым, вовсе не таким, каким был при своем золотозубом шефе, сообщил, с удовлетворением потирая руки:

— Сейчас все принесут, отец. Ты знаешь, я не удержался и сказал метрдотелю, что встретил отца. Старик так растрогался, что сам ушел за какими-то необыкновенными фруктами. Как я счастлив, если бы ты знал! Даже не верится! Не хочется думать о будущем. Главное, что хотя бы сегодня мы можем побыть с тобой вдвоем!

— Ты не боишься, что нас подслушивают?

— Скорее всего, аппаратура отключена. Ультрашеф сказал мне недавно по телефону, что его не интересуют наши с тобой личные отношения, — вполне беззаботно ответил Серж. — Я расскажу тебе все, что смогу. Но пока я на службе, отец. А как только мы сядем в самолет, конечно, если это случится... я не скрою от тебя ничего. Как я хочу вернуться домой!

— Ты вернешься, — сказав это, Иван Варфоломеевич мгновенно ослабел, откинулся в кресле, подумал, что хорошо бы остаться сейчас одному. — Что стряслось с твоим шефом?

— Не справился с заданием. Так сказать, ты переиграл его, а этого у нас не прощают. Перед тобой он выглядел дурак дураком.

— Боюсь, Серж, что ты надеешься переиграть меня. И я буду выглядеть дурак дураком.

— Отец! — молитвенно сложив на груди руки, умоляюще воскликнул Серж. — Не надо!

— Я плохо разбираюсь в шпионских делах, — словно не заметив этого, сказал Иван Варфоломеевич. — Я и фильмов про вас не смотрю и книг про вас не читаю. Но

по обыкновенному здравому размышлению, действовали вы против меня, вернее, пытались воздействовать на меня, не очень убедительно. Вот зачем с тобой был Прэ Зидент? Почему ты не мог прийти один?

— Наверное, на меня не очень надеялись. Как ни странно, именно присутствие шефа и все его поведение помогли мне сосредоточиться, лишний раз осознать всю сложность моего положения.

Принесли ужин. Иван Варфоломеевич совершенно расхотел есть, но заставил себя сразу приняться за еду.

— Прекрасный сок, — похвалил он. — Видишь ли... Серж. Я не буду анализировать происшедшее, искать в нем неясности, противоречия. Я заглушил подозрительность, недоверчивость. Я обязан бороться за тебя до конца... сын. Это мой отцовский и гражданский долг. И я выполню его. Ты должен... нет, нет, не то слово! Ты не можешь не полюбить родину. Я верю, я стараюсь верить в это. И буду верить до конца!

Серж ел с удовольствием, много, все его существо излучало радость, даже беззаботность.

— Конечно, нам сразу трудно понять друг друга, — говорил он. — Да я и не настаиваю на этом. Ты не готов к встрече со мной, а я ждал ее. Я сделал все, я пошел на все, чтобы она состоялась... Сначала бы я хотел побыть с тобой на природе, — мечтательно продолжал он. — И чтобы никого с нами не было. Мне бы хотелось некоторое время побездельничать, отец. Походить по театрам, музеям, галереям...

— Нет ничего проще. Ну, а как с твоей службой?

— Тоже нет ничего проще. Я обязан явиться в соответствующую организацию. Выполнить все, что требуется.

— Оказывается, я действительно был голоден, — удивился Иван Варфоломеевич, покончив с едой. — Вот

чисто русская привычка: поешь и становишься благодушным. Об этом, кажется, еще Тургенев писал... Только бы ты не заскучал со мной.

— Чудак, милый чудак. Ты мне с каждой минутой все ближе и ближе. Я ведь не тороплю тебя. Я и не надеялся сразу понравиться тебе. Я просто боялся тебя.

После долгого молчания Иван Варфоломеевич сказал:

— Но ведь ты все-таки шпион. Ты не просто возвращаешься с отцом на свою родину. Тебя... как это?.. За-бра-сы-ва-ют?

Серж кивнул и показал глазами в одну и другую стороны: дескать, их все-таки могут подслушивать и подглядывать, заговорил ровным, намеренно невыразительным тоном, чтобы, видимо, сдержать волнение:

— Сначала я жил в одной семье. Русские. Эмигранты. Еще со времен революции. Говорили по-русски, но сразу же стали учить меня иностранному языку. Меня окружили любовью, роскошью, как наследного принца. Не буду скрывать, да я и не виноват в этом... я не вспоминал ни о чем... я забыл тебя, мать, все забыл... а если что и всплывало в памяти, то настолько смутно, что тут же забывалось... Прости.

— За что? — Иван Варфоломеевич горестно вздохнул, и горечь эта отозвалась в сердце. — Тебя же увезли мальчуганчиком.

— Только иногда, — все так же внешне почти равнодушно продолжал Серж, — мне снилась рыбалка. И ловили мы почему-то кита... Оказалось, что меня уже готовили к разведывательной работе. Потом направили в спецшколу. Вот там не было ни любви, ни роскоши. Моими учителями были типы вроде Прэ Зидента. Они были способны вырывать у трупов или еще живых людей золотые зубы и вставлять их себе...

— Продолжай, продолжай, — слабым голосом попросил Иван Варфоломеевич, — мне надо знать все, необходимо.

— Но я вижу, как тебе...

— Продолжай.

— Потом другая школа, пострашнее. Постепенно я... Поверь, отец, мне трудно говорить, но что я мог поделать? Малейшее неповиновение и... — Серж махнул рукой. — Меня воспитали в ненависти к моей бывшей родине. Моим идеалом стал фашизм.

— Замолчи... негодяй! — Иван Варфоломеевич закрыл лицо руками, чтобы не видеть его, не плюнуть ему в глаза.

— Ну, негодяй, подонок, выродок! Еще как ты можешь обозвать меня? Как тебе еще хочется оскорбить меня? Ну! Брось меня, прокляни! Сделай самое страшное для меня — отрекись от меня! Оставь здесь! И больше тебе переживать будет нечего — меня не будет! Неужели ты не понимаешь, что я прошусь, может быть, на верную смерть? У трапа самолета меня уже будут ждать и... прощай, отец! Прощай, родина! И все-таки... — Серж криво усмехнулся. — И все-таки я предпочитаю умереть на родной стороне. Окажи мне хотя бы такую милость.

— Не надо так... Серж. Давай возьмем себя в руки и... Я ничего не боюсь, мне ничего не грозит. Я боюсь за тебя. Я должен знать, какой ты есть на самом деле. А тебе простят все, если ты полюбишь родину... Когда у тебя появилось желание вернуться домой? С чего это ты вдруг решил хотя бы умереть там?

— Не вдруг, отец, — мрачно и обиженно отозвался Серж. — Года три назад, когда... — Голос его дрогнул. — Когда мне рассказали о тебе. Я прочитал, вернее, просмотрел все твои научные труды, какие только мог разыскать. Прочитал статьи и очерки о тебе.

— И это будто бы подействовало на тебя? — не удержался от печальной иронии Иван Варфоломеевич.

— Нет, — сразу признался Серж. — Но тобой, как личностью, я заинтересовался и даже восхищался. А вот однажды меня вызвали в один отдел, усадили перед телевизором и предупредили, что через несколько минут мне будет предоставлена возможность видеть и слышать тебя. Ты выступал перед детьми и рассказывал им о своей сокровенной мечте — одарить их живыми игрушками. Все наши сотрудники покатывались со смеху. А мне было не до смеха, я понимал тебя, вернее, не тебя, а детей. Лица их излучали счастье и радость. Я старался быть непроницаемым, а внутри у меня все перевертывалось, что ли. А когда ты заговорил о своей семье, о том, что все еще надеешься, что она жива... что ты обязательно увидишь меня...

— Достаточно пока, Сережа, — глухо попросил Иван Варфоломеевич.

— Прости, но выслушай меня до конца, — требовательно, даже жестко возразил Серж, — мне ведь тоже... несладко. И кто знает, может, мы больше и не увидимся.

— Почему? — невольно вскрикнул Иван Варфоломеевич.

— Нам не дают объяснений. Так вот, с того времени меня уже не покидали мысли о тебе. Я решил вернуться любой ценой. И сколько я ни перебирал вариантов, реальным был один — получить задание. Я его получил. Пока. И меня стали готовить. Проверили меня в одной славянской стране... Теперь моя судьба в твоих руках, отец.

Серж посидел, помолчал, вызвал по телефону официанта, тот укатил на тележке-подносе посуду. Молчание продолжалось, но не тягостное, напряженное, а желанное, необходимое — как отдохновение. Иван Варфоломе-

евич словно отключился от всего неприятного, просто дал себе отдохнуть. А Серж не скрывал охватившей его радости, хотя и сидел неподвижно, чувствовалось, что внутри у него все ликовало. Он не выдержал молчания и оживленно заговорил:

— Прости, отец, меня за все. За то, что я столько горя доставил тебе. Невольно. Но поверь, я все сделаю, чтобы...

— Доложи своему начальству, что, как только будут готовы документы, мы вылетаем, — устало-деловым тоном сказал Иван Варфоломеевич. — Несмотря ни на что, я не могу тебя бросить. А ты... ты не предашь меня?

Серж резко вскочил, всплеснул руками, прижал их молитвенно к груди и, чуть помолчав, борясь с волнением, заговорил сдержанно:

— Клянусь памятью матери, жизнью своей клянусь, всем, всем, всем, что мне дорого... ради чего я живу... Я НЕ ПРЕДАМ СВОЕГО ОТЦА!

— Сядь, Сережа, сядь, — слабо махнув рукой, попросил Иван Варфоломеевич. — Не надо так... много и... торжественно. Я буду надеяться, я буду верить тебе и в тебя. А сейчас попрощаемся.

— Спокойной ночи, папа. Когда мне позвонить тебе завтра?

Проводив его до лифта, сколько он ни возражал, Иван Варфоломеевич так и не испытал желания обнять Сержа, а когда вернулся в номер, долго не мог сообразить, что же он должен сейчас сделать. Лучше всего, полезнее всего бы — принять душ, смыть, так сказать, не столько с тела, сколько с души все, что мешает свободно и вольготно дышать... Он прилег на диван, но оказалось, что и лежать-то не хочется. А о сне не могло быть и речи. Он машинально бродил по номеру из комнаты в комнату... Проснулся Иван Варфоломеевич среди ночи в

кресле, сразу ощутил себя выспавшимся, неторопливо, с удовольствием разделся, долго блаженствовал под душем, простите, уважаемые читатели, глупо улыбался, гадая, нет ли тут скрытой телекамеры, а в туалете — подслушивающего устройства...

Запахнувшись в халат, бодрый, он вернулся в комнату и увидел на письменном столе записку:

«Дорогой отец!
Умоляю, заклинаю тебя:
не передумай!!!
Твой Сережа»

Он несколько раз перечитал короткие строчки, словно не в состоянии понять их смысла.

Думалось Ивану Варфоломеевичу как-то спокойно, почти равнодушно, вернее, просто неинтересно ему думалось, так, словно он будто бы все знал и понимал и раздумывать было незачем. И действительно, на каждый возникавший в голове вопрос незамедлительно приходил ответ вполне удовлетворительный. Да, получалось, что у Сержа не было абсолютно никакого иного выхода, чтобы вернуться домой.

Но вот... Ведь в посольстве не знают, что Серж — шпион и забрасывается в нашу страну, специально и тщательно подготовленный для этого. Значит, Ивану Варфоломеевичу придется обманывать свое правительство?! Ни на что подобное он просто не способен. А если он скажет правду — а он обязательно это сделает! — Сержа отсюда не выпустят... Но если он согласится на полное и добровольное раскаяние... Пока он вроде бы готов на это...

«Жаль, жаль, что я не читаю книг и не смотрю фильмов о шпионах, — уныло подумал Иван Варфоломе-

евич. — Хотя бы в одной или в одном из них наверняка есть описание или показ подобной ситуации...»

До утра он неторопливо, хотя и нетерпеливо, но в то же время очень-очень медленно, по нескольку раз взвешивая каждое слово, писал прошение. Как ни странно, на бумаге все выглядело убедительно и достоверно, словно текст ему подсказывал сам Серж... Перефразируя известное изречение, можно было утверждать: пути шпионские неисповедимы. Вспоминалось и другое изречение: поживем — увидим... Все это не утешало Ивана Варфоломеевича, но зато ничто его больше уже и не обескураживало, даже не смущало. Решение было принято, и надо было приступать к его выполнению.

Утром он явился в посольство, готовый уже защищать Сережу, но все еще испытывавший недоверие к Сержу... Ивана Варфоломеевича принял сотрудник, представившийся Олегом Васильевичем и сразу поинтересовавшийся судьбой зверюшек-игрушек. По совершенной случайности внешне он чем-то напоминал Сержа, и это поначалу расстроило ученого. «Какой у него, верно, счастливый отец, — подумалось ему, — вот ведь тоже работает в чужой стране, но...»

Олег Васильевич прочитал прошение, сказал:

— Расскажите, пожалуйста, о вашей встрече. Не торопитесь и не волнуйтесь. Постарайтесь вспомнить все, буквально каждое слово, желательно любую запомнившуюся деталь. Итак, после вашего замечательного выступления вы вернулись в отель...

Иван Варфоломеевич долго и подробно рассказывал о вчерашних событиях в его номере, сам удивляясь, как много сумел запомнить, и закончил скорбным тоном:

— Должен с удивлением и сожалением признаться, что я не испытываю к нему никаких родственных чувств. Я даже ни разу не обнял его, но тем не менее... сын...

Я не могу не выполнить его просьбы! Я должен попытаться спасти Сержа!

— Сержа или Сергея? — как бы формально, без особого интереса попросил уточнить Олег Васильевич.

Неожиданно для самого себя Иван Варфоломеевич обиделся и не попытался скрыть этого:

— Я знаю, что моя просьба может показаться не только странной...

— Почему вы так решили? — можно сказать, успокаивающим тоном спросил Олег Васильевич. — Как раз ваша просьба представляется нам совершенно естественной, и мы разделяем ваши чувства. Мы еще вчера посоветовались...

— Но вчера вы еще не знали, кто он?

Олег Васильевич добродушно улыбнулся и объяснил:

— Мы-то могли и действительно не знать. Но у нас, сами понимаете, широкие возможности для консультаций. Да, мы узнали, что майор Серж фон Ллойд, он же Сергей Иванович Мотылечек, или Сергей Иванович Мотылечек, он же майор Серж фон Ллойд, — агент. Я в шпионской терминологии разбираюсь слабо, но уразумел, что он агент этак экстра-класса, своеобразный супер, что ли, но без достаточной практики. В конце концов это не наше с вами дело. Пути шпионские, как вы остроумно выразились, неисповедимы. Вашему сыну будет предоставлена полная возможность стать полноправным гражданином нашей страны. Он знает, ЧТО для этого требуется от него. Но, дорогой Иван Варфоломеевич! На всякий случай будьте готовы ко всему. На вашу долю выпало тяжелейшее испытание. Вы никак не можете не взять Сержа с собой. Правда ведь?

Иван Варфоломеевич несколько раз кивнул, ответил:

— Я до конца дней не простил бы себе этого. В конце концов только время все поставит на свои места.

— Совершенно верно, — согласился Олег Васильевич. — Я от всей души желаю вам...

— Понимаю, понимаю... — Иван Варфоломеевич поднялся. — Но ведь я не могу солгать Сержу. Я не могу скрыть от него сказанного вам.

Подойдя к нему, Олег Васильевич, хотя и был значительно моложе Ивана Варфоломеевича, заговорил отеческим тоном:

— Поступайте, как сочтете нужным. У нас нет для вас, так сказать, никаких рекомендаций. Прошу вас только: помните, что вы не один. В любом случае, в любой обстановке, в любом месте помните, что вы не один. Ведь вы выполняете не только отцовский, но и гражданский долг. Я убежден, что вы его выполните до конца и безукоризненно. Жду вашего звонка. Всего доброго. Машина у подъезда.

«Похоже, что он счел меня сильным и мужественным и даже не дураком, — не без удовольствия думал по дороге Иван Варфоломеевич. — Предположим, допустим, представим, что Олег Васильевич не очень ошибся. Но ни он, ни я не знаем, насколько меня хватит».

Подъезжая к отелю, он сразу увидел стоявшего на лестнице Сержа, и ему неожиданно захотелось спрятаться, хоть ненадолго побыть еще одному, стать невидимкой или таким маленьким, чтобы...

— Стойте, стойте, то есть остановитесь, пожалуйста! — торопливо попросил он шофера и забормотал: — Таким маленьким, таким маленьким, таким маленьким... Или нет, нет, поезжайте дальше!

— Куда? — невозмутимо поинтересовался шофер.

— Хоть куда! Хоть куда! Хоть куда! — возбужденно ответил Иван Варфоломеевич. — Мне надо подумать несколько минут! Десять-пятнадцать! Не более двадцати! А потом вернемся к отелю. И, пожалуйста, помедленнее!

«Стать маленьким... *грандиозус наоборотус*... стать маленьким... *грандиозус наоборотус*... — суматошно думал Иван Варфоломеевич. — Зверюшки-игрушки... маленькие лошадки... китики... тигреночки ростом с котеночка... АГЕНТИКИ! Превратить плохого взрослого человека в младенца и воспитать его уже хорошим!.. Превратим агента в агентика, перевоспитываем его, и он вырастает гражданином своей страны!.. Теперь-то я знаю, чего не хватает в эликсире *грандиозус наоборотус!* Ура, товарищи!»

Вы, наверное, и без меня, уважаемые товарищи, знаете, что иные величайшие научные открытия внешне делаются довольно случайно. Дескать, увидел английский ученый Ньютон падающее с дерева яблоко и тут же сформулировал закон всемирного тяготения. Так-то оно так, но ведь миллионы людей до Ньютона видели, и неоднократно, как падают яблоки и другие плоды. Некоторые сами падали с яблонь и других деревьев, но, увы, закона всемирного тяготения не открыли.

К любому большому научному открытию, свершившемуся будто бы случайно, их авторы готовятся долго, иногда всю жизнь.

Вот так и произошло с Иваном Варфоломеевичем Мотылечком: ему мгновенно стал ясен окончательный состав эликсира, над которым он трудился давным-давно.

Он весело попросил невозмутимого шофера отвезти его обратно к отелю и буквально не мог усидеть на месте, словно торопился с кем-то поделиться необыкновенной радостью.

Из машины он прямо-таки выпрыгнул, сияющий и возбужденный, готовый не только петь, но и танцевать что-то вроде лезгинки или пуститься вприсядку, издали помахал Сереже обеими руками, будто предлагая ему

вместе взлететь на воздух и, как вольным птицам, взять курс на родину!!!

А Серж шел ему навстречу медленно, словно неохотно. Ничего этого Иван Варфоломеевич не заметил, громко крикнул, не обращая внимания на множество людей вокруг:

— Все в порядке! — И, подбежав к Сержу и увидев его мрачное лицо (он был без очков), сразу в высшей степени обеспокоился: — Что случилось? У тебя неприятности? Готовь документы и летим первым же рейсом! Меня заверили, что если ты полностью раскаешься и...

— Добрый день, отец, — совсем уж мрачно отозвался Сережа. — Боюсь, мечта вернуться с тобой на родину так и останется мечтой. Мое руководство что-то вдруг засомневалось, забеспокоилось, занервничало. Короче говоря, они подозревают, что потеряют меня.

— Но почему? — растерялся и даже возмутился Иван Варфоломеевич. — Ведь еще вчера...

— Вчера, вчера! — с досадой вырвалось у Сержа. — Они, видимо, рассчитывали, что ты... достаточно слаб. А ты проявил такое завидное мужество. Перед тобой бессильным оказался такой опытнейший агент, как Прэ Зидент. И нас во время ужина с тобой, видимо, все-таки подслушивали и подглядывали...

— Ну и что? Насколько я стал разбираться в шпионских делах, ты действовал именно так, как им хотелось! Ведь им надо, чтобы ты убедил меня... чтобы я тебе поверил...

— Я и рассчитывал на это, — сумрачно признался Серж. — Но, судя по некоторым намекам Прэ Зидента, с которым я сегодня уже повидался, и не без его помощи, вернее, подлости, руководство если не разгадало, то унюхало истинное наше с тобой желание. Понимаешь, ты вчера п р о в а л и л Прэ Зидента, фактически доказал

его недостаточную квалификацию, и ему грозят крупнейшие неприятности. И чтобы выкрутиться, ему необходимо опорочить меня как агента.

— Ничего, ничего, ничего не понимаю, — в полной растерянности пробормотал Иван Варфоломеевич. — Воистину, пути шпионские неисповедимы. Твой Прэ Зидент наглец и дурак! Действительно, не мог справиться со мной, старикашкой. Но ты-то держался безупречно! А в посольстве, понимаешь ли, я договорился абсолютно обо всем! Твое раскаяние — и больше никаких забот! — Иван Варфоломеевич даже похлопал Сережу по плечу.

А тот взглянул на него едва ли не презрительно, но тут же изобразил на своем лице глубокую озабоченность, глухо проговорил:

— Надо еще что-то предпринять, папа. Чтобы окончательно убедить их, что ты будто бы окажешь мне всяческое содействие. Готов ли ты к этому?

— Серж! — с упреком воскликнул Иван Варфоломеевич и почти нежно поправился: — Сережа! Ведь мы вчера договорились, что для нас главное сейчас — вернуться. Я сегодня же должен сообщить в посольство, едем мы или не едем. То есть летим или нет. Что я еще должен сделать?

— Разыграть небольшой спектакль, — голос Сережи прозвучал несколько оживленнее, а мрачность с лица исчезла. — Идем в номер и разыграем представление. Не знаю, получится ли это у тебя, но ты должен выглядеть, прости, пожалуйста, глупым. Готовым выполнять там, дома, все мои просьбы — ну, познакомить, например, меня с учеными, делиться со мной результатами своей работы и так далее.

— Хорошо, — вдруг приуныл Иван Варфоломеевич. — Надо же хоть раз в жизни испытать, что это за штука — вранье!

— Это будет святая ложь, отец, — серьезно, даже строго сказал Сережа. — Ну, идем? — По дороге в номер он говорил таким тоном, словно инструктировал агента, а Иван Варфоломеевич испытывал странное возбуждение, как бывает, когда человеку предстоит совершить что-то неизведанное. — Уверяй меня, что тебя нисколько не интересует, чем я буду заниматься, что ты предоставляешь мне полную свободу, будешь исполнять все мои просьбы. Короче, если ты окажешься неплохим актером, больше уже ничто не помешает нам вернуться домой. Как только войдем в номер, начинай!

И как только они вошли в номер, Иван Варфоломеевич воскликнул:

— А у меня, Сережа, потрясающая новость! У меня есть для тебя подарок!

— Не надо мне от тебя никаких подарков, папа! — Сережа, видимо, знал, где установлена телевизионная камера, повернулся к ней спиной и подмигнул: дескать, продолжай, продолжай в том же духе. — Лучший, бесценный подарок я уже получил от судьбы — тебя!

— А я — тебя! — И Иван Варфоломеевич тут же почувствовал фальшь в голосе, и чтобы сгладить это впечатление, произнес совершенно искренне: — Понимаешь... Сережа, именно сегодня, в ожидании встречи с тобой, я уловил наконец-то идею, которая мучила меня всю жизнь!

— Зверюшки-игрушки? — обрадовался Серж.

— Не только зверюшки, но и... — и Иван Варфоломеевич с испугом осекся, но, чтобы выправить положение, добавил виновато: — Об этом пока еще рано говорить. Не сглазить бы!

— Может быть, ты мне просто не доверяешь, отец? Почему? Ты о своем изобретении неоднократно говорил

по телевидению. Ведь оно не имеет оборонного значения?

— Как сказать... как сказать... — Иван Варфоломеевич заставил себя загадочно улыбнуться, вдруг ощупал голову руками, и это словно придало ему сил и фантазии, и он как пошел, как пошел описывать Сереже их будущую совместную жизнь, что получилось: ничем он больше заниматься не будет, кроме помощи майору Сержу фон Ллойду в шпионаже!

Тот смотрел на него удовлетворенно и счастливо, довольно, а может, и самодовольно, кивал головой, почти любовался им и осторожно остановил:

— Спасибо, отец, другого я от тебя и не ожидал. — Раздался телефонный звонок, Серж вскочил, снял трубку, вытянулся по стойке «очень смирно». — Слушаю, ультрашеф!.. О таком отце можно только мечтать... Все мои опасения рассеялись... Будет исполнено... Есть, ультрашеф! — Он нежно опустил трубку. — Там все в порядке. Я могу ехать за документами?.. Что с тобой, отец? Ты чем-то недоволен?

— Ничего, ничего, ничегошеньки! — постарался весело ответить Иван Варфоломеевич. — Мне кажется, что я стал школьником. Вот сейчас в номер войдет мой дедушка Арсентий и вздует меня, как сделал однажды, когда я ему здорово наврал.

— Звони в посольство, — не улыбнувшись шутке, почти приказал Серж. — Давай кончать это дело. Я порядком-таки вымотался.

День прошел в многочисленных, но приятных хлопотах. Сережа был весел, шутил, старался на каждом шагу чем-нибудь угодить отцу, и к вечеру Иван Варфоломеевич вроде бы и забыл, что имеет дело не только с родным единственным сыном, но и с агентом вражеской

разведки, отбывающим в Советский Союз (под новой кличкой *Сынок*, чего отец и вовсе не знал).

Зато Иван Варфоломеевич уже примерно знал, вернее, предчувствовал, как изменится его одинокая жизнь и как легко, радостно будет ему работаться. И вполне возможно, что сын станет свидетелем его научного триумфа!

Но во сне он увидел дедушку Арсентия, который нещадно лупил его толстущей палкой и возмущенно приговаривал:

— Не шпионь! Не шпионь! Не шпионь!

Глава под номером ПЯТЬ и под названием

Шефчик робертина, Бывший робка-пробка, организует банду,

или

прибор „чадомер" дает показания сомнительной точности

Илларион Венедиктович и Федька давным-давно сидели на стуликах перед столиком под полосатым полотняным тентом и молчали, думая каждый о своем.

Мальчишке все равно было делать нечего, да он еще немножечко надеялся и на угощение, а его собеседник словно забыл обо всем на свете, в том числе и о мороженом.

И Федька, сколько ни напрягал свою мозговую деятельность, никак не мог сообразить, чем же он это так воздействовал на странного старичка. Непонятно было: или тот чего-то испугался, или рассердился, или все-таки собирался в милицию.

Чтобы напомнить о себе, Федька несколько раз натужно кашлянул, один раз даже с хрипом, но старичок продолжал сидеть неподвижно и прямо, ну будто бы неживой, глядя куда-то в сторону. А мальчишка не зря на-

прятал свою мозговую деятельность: вспомнилось ему, что ведь совсем недавно странный старичок говорил ему о каком-то огромном горе, и что он, Федька, может ему помочь.

— А почему горе-то огромное? — обрадованно спросил мальчишка. — Надо, так помогу. Мне все одно делать нечего.

Только тут Илларион Венедиктович пошевелил плечами, словно поежился от озноба, взглянул на своего скучающего собеседничка и, будто не узнав его, опять отвернулся, но сразу же снова посмотрел на него, проговорил:

— Да, да, горе большое, огромное, не укладывающееся в сознании. А вот в том, что ты можешь помочь мне, я после раздумий стал оч-чень сомневаться... В котором классе Робертина-то ваш?

— Еле-еле в четвертый перетащили. Да и то из-за деда. А мы все — младше, — с откровенной жалобой в голосе сообщил Федька, — потому он нами и командует спокойненько. И лупит всех почем зря, особенно меня, конечно. Я-то среди них самый плюгавый, как Робертина говорит.

— И когда ваша банда начнет действовать?

— Шеф сказал: по первому его сигналу.

— Да какой он шеф?! — сердито чуть ли не крикнул странный старичок. — Шефчик он, вот кто! — И опять надолго замолчал.

— Домой мне пора, — неуверенно произнес Федька. — А то сидим, сидим... А стулик-то ведь не мягкий.

— Не сочиняй, — услышал он в ответ сердитый голос. — Делать тебе абсолютно нечего. А мне требуется подумать. Посему изволь сидеть и не мешать мне. Робертина твой — действительно внук генерала или привирает?

— А чего ему привирать? — восторженно и гордо воскликнул Федька. — Сам он, конечно, на генерала не похож, маленький еще, но-о-о... классный парень! Намито командует уж точно, как генерал. Дерется, правда, многовато. Чуть что и — получай. И не пикни, а то еще получишь.

— Так вам, бандитикам, и надо. Хотя я и не надеюсь, что у тебя, Федор, хватит соображения понять меня, однако попробую... — неторопливо и непонятно говорил странный старичок, и Федька добросовестно, всеми силами старался вслушиваться в каждое его слово. — Представляешь ситуацию: дед твоего Робки-Пробки, то есть еще и Робертины, — мой большой друг. Боевой друг. И что, по-твоему, будет, когда я сообщу ему, что внук у него собирается стать бандитом?

Продолговатые, чуть раскосые глаза Федьки округлели от ужаса. Он пробормотал:

— Не знаю... откуда мне знать?.. Попадет... А у меня зажигалки не будет!

— Далась тебе эта зажигалка! — совсем рассердился странный старичок. — Я тебе повторяю: как мне такую новость сообщить старому другу? Я же не имею права скрывать правду о его единственном внуке! Об этой пробке! Вот объясни мне, перед тем как расстанемся, неужели ты, Федор, сам, лично, своими собственными мозгами не соображаешь, что ваша затея с организацией банды — одно сплошнейшее безобразие! Чушь обыкновенная! Ведь бандиты — враги нашего общества!.. Чего молчишь?

— А чего говорить? — обиженно отозвался Федька. — Никакие мы не враги.

— А если вы собираетесь людей грабить?

— Да не людей мы грабить будем, а жуликов всяких.

— И как это вы определите, жулик перед вами или нет?

— Шеф сказал, что сведения будет иметь.

— Эх, Федор, Федор! — с большим укором произнес странный старичок. — Каша у тебя в голове...

Федька исчез. Он исчез столь внезапно и мгновенно, что Илларион Венедиктович подумал, что мальчишка зачем-то спрятался под столик, заглянул туда — никого, оглянулся вокруг — нету Федьки. Будто его наисильнейшим порывом ветра унесло...

А собственно, для чего ему он, Федька этот? Все, что требуется, он выболтал. Осталось только рассказать бедному Гордеюшке о шефчике Робертине... Но если он сейчас бросит мальчишку, тогда зачем проводить редчайший биолого-психолого-педагогический эксперимент — возвращаться в детство? Если он не выдержал, не сумел найти подлинные душевные контакты уже с двумя мальчишками, то где гарантия, что у него это получится с другими? И совершенно мальчишеская мысль пришла в его седую голову: вернувшись в детство, надо о т л у п и т ь всех этих бандитиков, и особенно их шефчика! Илларион Венедиктович так живо представил, как он, десятилетний Лапа, л у п и т этих современных негодяйчиков типа Робки-Пробки, что повеселел, ему даже захотелось отпраздновать свою победу — полакомиться мороженым, он даже приподнялся, чтобы идти за ним...

Федька сидел напротив как ни в чем не бывало. Илларион Венедиктович вернулся, так сказать, из детства в старость, снова присел на стулик, спросил по возможности равнодушно, во всяком случае незаинтересованно будто бы:

— Куда это ты исчезал?

И Федька опять поразился его недогадливости. Он и с сожалением, но в то же время с уважением спросил:

— Почему вы ничего не понимаете?

— А чего тут понимать-то? Вот сидел передо мной человек, это ты, Федор, я с тобой разговаривал самым серьезным образом, а ты вдруг исчез, испарился, улетучился.

— Да не исчез я, — наставительным тоном возразил Федька, — не улетучился, не испарился, а просто быстро убежал.

— Куда, зачем?

— Ну куда я мог еще убежать? Зачем я мог еще убежать? Да в «мы»!

— Куда-куда?

— Да вы что, не знаете, что такое «мы» и «жы»?!?!

— Ах, в туалет! Так ты бы хоть предупредил меня, что...

— Не успел бы тогда!

Давно так не смеялся Илларион Венедиктович. Так весело, громко и долго смеялся он, что Федька устал гадать, что смешного нашел странный старичок в его обыкновенном и необходимом поступке.

— Ну и насмешил ты меня, Федор! — И мальчишка заметил, что на глазах его собеседника блестели слезы, он промакнул их носовым платком. — И знаешь, это оч-чень важно и для тебя и для меня. Это оч-чень хорошо, что человек ты искренний и непосредственный, в конечном итоге, душа у тебя, значит, открытая. Попробую я все-таки... — уже задумчиво и серьезно продолжал он. — Попробую я все-таки рискнуть наладить с тобой контакты.

— Как в телевизоре, что ли? — с удовлетворением, но и с недоумением спросил Федька. — У нас если с телевизором чего-то не ладится, отец говорит, что это какой-нибудь контакт дурака валяет. Так вы меня за дурака, что ли, считаете?

— Нет, нет, Федор, — возразил странный старичок, — человек ты, конечно, несколько недалекий, но не дурак. Наладить с тобой контакт — значит, в какой-то степени нуждаться друг в друге. Чтобы тебе, например, иногда захотелось бы спросить меня о чем-нибудь, повидаться со мной, побеседовать, посоветоваться.

— Я-то согласен. Мне с вами интересно. Да еще мороженым от пуза кормите. А вот вам-то какой от меня контакт?

— А мне тоже интересно с тобой. У тебя какой номер квартиры?

Восторг на Федькином лице растаял. Мальчишка прищурил левый глаз, как бы прицеливаясь в странного старичка, настороженно спросил:

— А чего?

— Предположим, мне захочется с тобой встретиться...

— Мороженое есть?

— И это не исключено. Но меня тревожит другое. Не зря ведь я так долго с тобой тут сижу. Надо разобраться с вашей бандой, пока не поздно.

— Насчет мороженого я, конечно, согласен, — подумав, сказал Федька. — А про банду меня больше не спрашивайте. Дурак я, что ли? Ничего вы от меня не узнаете. Я не болтун какой-нибудь. И права не имею. У нас в банде законы железные. Не хочу, чтобы меня с м е р т н ы м б о е м отлупили.

Странный старичок чему-то улыбнулся, купил еще по два стаканчика, и вскоре, старательно и нежно облизывая палочку-ложечку, мальчишка заговорил:

— В тридцать третьей квартире мы живем. Только отцу ничего не говорите, а то у нас с вами контакт дурака валять начнет. И не заходите, а лучше всего просто меня с улицы крикните. Я услышу, я привычный. Ребята меня всегда так вызывают... А то смешно: пенсионер ко

мне придет! Разговоры всякие начнутся! А бабка вас еще и обозвать может.

— А не смешно, когда пенсионер перед всем домом мальчишку кричать будет?

— Смешно, конечно, — подумав, согласился Федька. — А свистеть вы не умеете? Меня и так вызвать можно.

И опять странный старичок вдоволь, почти до слез посмеялся, промакнул глаза платком, предложил:

— Я уж лучше кого-нибудь из ребят попрошу тебя вызвать.

— Давно бы надо сообразить, — одобрил Федька.

На этом они и расстались, предварительно договорившись, что лучше всего будет, если завтра Федька выйдет во двор в двенадцать ноль-ноль (и не раньше, чтобы не повторилась неприятная история, как с Вовиком Краснощековым).

Отыскав ближайший телефон-автомат, Илларион Венедиктович набрал нужный номер, и озабоченный, почти непоколебимый, так сказать, но подчеркнуто вежливый голос сообщил, что Гордей Васильевич очень занят и к аппарату не подходит.

— Вы только передайте ему...

— Гордей Васильевич просил сегодня не беспокоить его ни в коем случае. Извините. Всего хорошего. Позвоните завтра.

В трубке раздались гудочки, которые показались Иллариону Венедиктовичу беспокойными, даже тревожными. Он внимательно прислушался к ним: да, да, гудочки были тревожными.

Он бросился на остановку такси, но там вытянулась длиннейшая очередь, и тогда Илларион Венедиктович принял решение: добраться до института любым видом городского транспорта, но уже кроме такси, конечно, —

так будет быстрее. Он моментально прикинул, что удобнее всего воспользоваться троллейбусом восьмого маршрута, скорым шагом дошел до остановки и увидел здесь знакомого человека. Это был контролер, от которого он вчера спас Вовика Краснощекова. Они пригляделись, узнали друг друга, поздоровались.

— Сейчас я вашего краснощекого зайчишку поймаю! — сурово сказал контролер, и правый глаз его чуть ли не злорадно сверкнул, а левый, как всегда, остался равнодушным, словно он был не живым, а искусственным.

— Позвольте, позвольте, уважаемый! — Илларион Венедиктович не мог сдержать возмущения. — На каком основании вы без всяких на то оснований...

— Опыт, — спокойно перебил контролер. — Я этих дармоездов изучил досконально и основательнее, чем таблицу умножения. И сейчас для меня ясно как дважды два четыре, что в троллейбусе восьмого маршрута в данный момент нахально и бесплатно едет краснощекий зайчишка, которого вы вчера избавили от законного наказания. Сегодня же вам не удастся избавить от справедливого возмездия этого опытного микроскопического государственного преступника! Он будет задержан мною при очередном мелком злодеянии!

Не берусь описывать, уважаемые читатели, тех противоречивых чувств, которые терзали сердце Иллариона Венедиктовича, и без того истерзанное болью за дорогого друга Гордеюшку. Значит, Вовик обманул! Но это еще полбеды! Значит, он опять собирается, вернее, уже опять обманывает государство! И в этом, хотя бы и не в значительной, а может, и в значительной степени, виноват генерал-лейтенант в отставке Самойлов! Разболтался с негодником, дармоездом краснощеким, мороженое с ним поглощал, а он...

А он легко выпрыгнул из троллейбуса, увидел Иллариона Венедиктовича, от несусветной радости не обратил внимания на мрачнейшее выражение его лица и тут же жалобно ойкнул: рука длинного-предлинного контролера сильно и цепко ухватила мальчишку за плечо. Он же так был счастлив от неожиданной встречи, что, морщась, не интересовался, кто вцепился в его плечо, но вдруг Илларион Венедиктович, помрачнев еще больше, сквозь зубы произнес ледяным тоном:

— У меня нет времени объясняться с тобой, безответственнейшая ты личность. Теперь-то уж ты ответишь в полной мере за свои микроскопические государственные преступления! — И он прошел мимо Вовика и вошел в троллейбус, хотя не мог не слышать за своей спиной отчаянного и плаксивого голоса:

— Да ведь я забыл, просто забыл, честное слово, забыл закомпостировать!!!!!

Троллейбус укатил себе дальше по восьмому маршруту, увозя, может быть навсегда, человека, важность встречи с которым Вовик осознал полностью.

Чтобы не оставлять вас, уважаемые читатели, в неведении, сразу сообщу: с Вовиком на сей раз произошел действительно нелепый случай — мальчишка и вправду не намеревался ехать даром, абонемент в руке держал, но задумался об утреннем происшествии, которое тоже полагал нелепым, до того задумался, что думал до самой остановки... Что из этого получилось, известно.

— Отпустите, пожалуйста, мое плечо, — печально попросил в данном случае бедный Вовик, — больно.

— Плечо я отпущу, — ответил контролер, и, даже не глядя на него, Вовик знал, что один глаз у дяденьки торжествует, а другой будто ничего и не видит. — А тебя задержу. Убежать не пытайся. Кончилась твоя дармоездовская деятельность. Будешь держать ответ перед за-

коном теперь уже как злостный микроскопический государственный преступник типа безбилетного рецидивиста.

Когда человек не виноват, он к незаслуженным обвинениям относится либо с возмущением, либо равнодушно, либо с презрением.

Вовик был до такой — даже представить невозможно — степени равнодушен, что дяденька контролер призадумался, спросил:

— Значит, еще и обиделся, да?

— Нет, — в еще большей степени равнодушно отозвался Вовик. — Не верите — не надо. Вот абонемент у меня в руке — видите? Задумался — и забыл закомпостировать. — Он вспомнил, что́ из-за этого нелепого случая стряслось, и возмутился: — Вам бы только поймать кого-нибудь, а что с человеком происходит, что с ним творится, вам...

— Нам не кого-нибудь поймать, — строго перебил дяденька контролер, — а зай-чиш-ку, желательно опытного, каковым ты и являешься.

— Да, да, для вас я только зай-чиш-ка! А я еще, между прочим, и человек! Да еще и несчастный, к вашему контролерскому сведению!

— Ну и что с тобой, не только зайчишка, а еще и несчастный человек, случилось?

Вовик долго пыхтел от возмущения: ему казалось, судя по тому, что один глаз дяденьки контролера смотрел на него холодно, тот насмехается, но другой глаз смотрел с сочувствием, и мальчишка проговорил доверительным тоном:

— Мне надо было поговорить с Илларионом Венедиктовичем... ну с тем, который меня вчера от вас спас. Я его с утра искал, а вы меня за плечо ка-а-а-ак...

— Но ведь он сам отказался с тобой разговаривать!

— Конечно, отказался! Ведь я его сегодня... — Вовик долго и довольно честно искал подходящее слово, но кроме о б м а н у л ничего не подыскал, а этого слова произнести духу не хватило. — В общем, надо было мне с ним поговорить, а вы меня ка-а-к цап! — И он безнадежно махнул рукой.

Помолчали, глубокомысленно помолчали, озабоченный дяденька контролер и не менее озабоченный Вовик, уделив этому занятию немало времени. Вовик опустил глаза в землю, а дяденька контролер, — мальчишка, и не глядя на него, знал, — смотрел обоими глазами по-разному.

— Может, попробуем разыскать твоего Иллариона Венедиктовича? — услышал Вовик. — И пора нам познакомиться. Меня зовут Григорий Григорьевич. Как говорится, не поешь — не выговоришь. А тебя?

— Вовик я. А как искать? Где искать?

— Проще простого. Фамилию его знаешь?

— Самойлов. — Вовик сообщил фамилию со спокойной совестью, помня, что Илларион Венедиктович имени своего не скрывал, только просил никому не говорить о звании.

— Тогда пошли, — предложил Григорий Григорьевич. — Считай, что мы уже знаем, где он живет. И номер телефона нам тоже известен. Правда, киоск справочного бюро отсюда далековато и удобнее до него дойти, чем доехать.

И пока они идут до киоска городского справочного бюро, мы с вами, уважаемые читатели, вернемся к Иллариону Венедиктовичу. Он в это время получил пропуск в лабораторию Гордея Васильевича, выдать который разрешил сам директор института, ибо все другие сотрудники, ведающие выдачей пропусков, отказали, твердя одно и то же:

— Гордей Васильевич просил его сегодня не беспокоить.

То же самое ему несколько раз повторили по телефону из лаборатории. Но сердце-то старого друга чувствовало, что надо туда проникнуть во что бы то ни стало. Немедленно!

— Какая-то неожиданная крупная неприятность у него с новым прибором, — объяснил директор. — А «Чадомер» находится под особым контролем самых высоких инстанций. Потребность в нем необыкновенная. Посему наш многоуважаемый коллега в серьезном расстройстве. Никого к себе не допускает. Но я знаю о вашей дружбе и желаю благотворной беседы.

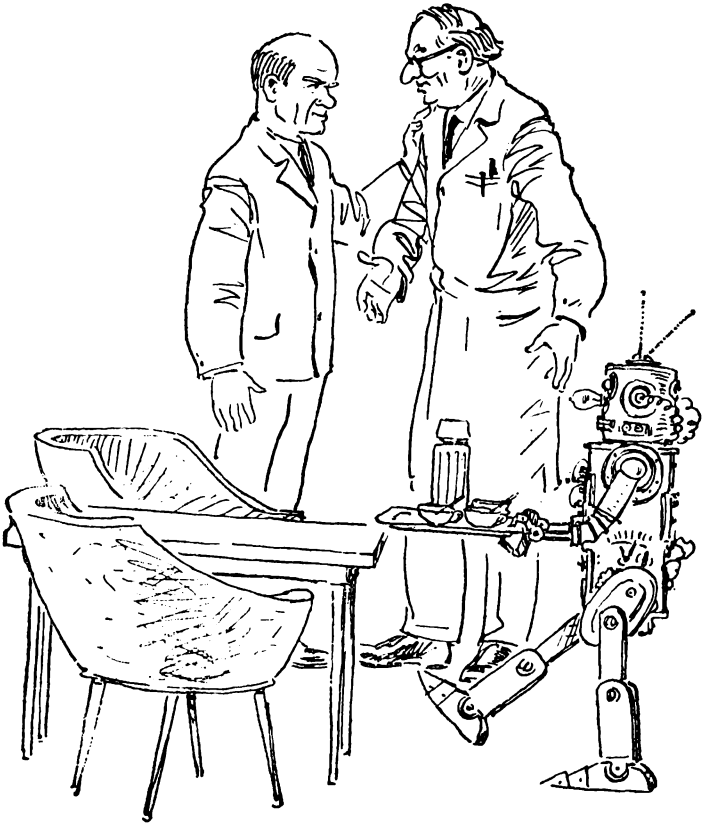
Иллариону Венедиктовичу казалось, что лифт не только не поднимается, а ползет вверх со скоростью значительно ниже черепашьей. Он чуть ли не дрожал от ужаса, что лифт может вот-вот остановиться!

Но лифт был скоростной, действовал исправно, и вскоре переперевolновавшийся Илларион Венедиктович уже входил в лабораторию. Все сотрудники спокойно и, как положено ученым, сосредоточенно занимались своими делами, только один из них, сидевший за столом с телефонами, пытался было преградить дорогу неожиданному посетителю.

Но неожиданный посетитель с неожиданной для его лет ловкостью проскользнул мимо и исчез в кабинете.

— Наконец-то-о-о-о! — буквально закричал Гордей Васильевич, увидя друга. Они обнялись. — Где ты шлялся, старый гуляка? Мои сотрудники с утра названивают тебе... И какая там у тебя старушка завелась, да еще с собакой?

— По старому телефону названивали, — усмехнулся Илларион Венедиктович. — Забыл, что я переехал?



— Забыл, забыл, — виновато признался Гордей Васильевич. — Все у меня в голове перепуталось. Перемешалось!

— А меня к тебе не допускали, — пожаловался Илларион Венедиктович. — Ты что, не мог предупредить насчет меня? А то вон как глупо получилось. Я к тебе, ты ко мне...

— Виноват, виноват, виноват... Говорю, что у меня в голове... ну вроде того, как будто бы хоккейная команда играет с футбольной. Вот и надо мне хоть немного успокоиться. Посему давай сначала молча попьем чайку. Дорогуша, дай-ка нам чайку, пожалуйста, — попросил он маленького робота, стоявшего у дверей.

Тот ответил:

— Вас понял. — Затем он принес термос, два стакана, ложечки, сахар в вазочке, все это расставил аккуратно на специальном столике в углу, налил из термоса чай, сказал: — Прошу вас. Угощайтесь на здоровье.

— Спасибо, Дорогуша.

— Не стоит благодарности. — И робот вернулся на место.

Раз было предложено молчать, Илларион Венедиктович не стал выражать своего восхищения Дорогушей, неторопливо попивал чай, с удовлетворением отмечая, что Гордеюшка на глазах постепенно успокаивается. Сам же он расстраивался все больше и больше, размышляя над тем, как сообщить другу пренеприятнейшую новость о его внуке и вообще сообщать ли сегодня. А если шефчик именно сегодня отдаст своей банде приказ о начале безобразий?

— Дорогуша, нам пока больше ничего не потребуется, — сказал Гордей Васильевич.

— Вас понял, — с места ответил робот.

— Так вот, дорогой мой друг, — тяжело, с видимым усилием заговорил Гордей Васильевич. — Казалось, «Чадомер» был близок к завершению. А мне все представлялось, что есть в нем какой-то изъян. И пока я его не обнаружу и не устраню, прибор будет давать случайные показания. Вчера еще моя затея с «Чадомером» была для меня чуть ли не гениальной. Сейчас же я убежден, что мой прибор — плод работы уже исчерпавшего свои возможности дряхлого мозга.

Вспылить, вознегодовать уже было собрался Илларион Венедиктович, но вспомнил, что старого друга надо успокаивать, и весело проговорил:

— Самокритичность, перешедшая все границы благоразумия, еще хуже зазнайства, дичайшей самоуверенности и даже глупости, вместе взятых!

И Гордей Васильевич, тоже мобилизовав все силы, попробовал тоже хотя бы показаться веселым, но его выдал хриплый от серьезнейшего волнения голос:

— Если будешь так шутить, я могу тебя... ну, не убить, конечно, а... — Он мгновенно помрачнел, и голос его стал еще хриплее: — В общем, дружище, «Чадомер» барахлит и барахлит. Приводили, к примеру, отъявленного лгунишку. У прибора единица измерения вранья — ЛЖА. И что ты думаешь? Вместо ожидаемых ЛЖЕЙ порядка восьми-десяти «Чадомер» устойчиво показывал всего пять с небольшим! Оказалось, что опытный лжец может обманывать и прибор!

— Ну и что? Вы исправили и...

— И снова барахлил! Способность переносить физическую боль. Единица измерения ОЙ. Привели девочку. От укуса комара ревет белугой. А мой «Чадомер» показывает всего сотую долю ОЯ. Неверно рассчитали схему. Ну и так далее, и тому подобное. Сегодня я притащил сюда своего внука-обормота Роберта. Родители называ-

ют его ласково Робиком, а получается, я считаю, пособачьи. Но это к делу почти не относится. У «Чадомера» есть один любопытный показатель — склонность к преступности. Я назвал это качество хапизмом. Единица измерения — ХАП.

— Ну и что?! — Илларион Венедиктович вскочил. — Что, что показал «Чадомер»?

— Чушь на постном масле! Ерунду на маргарине! Ахинею на майонезе!

— Сколько, сколько ХАПОВ показал прибор?

— Шестнадцать, понимаешь, целых шестнадцать ХАПОВ! Практически это должно означать, что Робик чуть ли не готов стать бандитом! Ну, я предполагал, исходя из его обормотизма, что-то в районе ноль целых и девяти десятых, никак не больше. А тут... вот сейчас сотрудники снова проверяют схему. А что толку? В принципе, по-моему, «Чадомер» пока не состоялся... Что скажешь? Надеюсь, не будешь делать вид...

— Скажу, скажу... Вида делать не буду, — глухо ответив, Илларион Венедиктович выпрямился и торжественным тоном продолжал: — Многоуважаемый Гордей Васильевич! Ваш удивительный «Чадомер», по крайней мере, по данным о Робиковом хапизме, показал себя точнейшим прибором.

Гробовым голосом и с угрожающим выражением лица Гордей Васильевич вопросил:

— Ты полагаешь, что сейчас самое время шутить? Я-то думал, что только у меня мозги одряхлели. Прости, конечно. Итак, что ты хочешь сказать?

— Милый Гордеюшка! Тебе дорог «Чадомер»? Нет-нет, ты не выпучивай неестественно глаза, а отвечай мне как ученый! Дорого тебе твое изобретение?

— О-о-о-очень... — горячо выдохнул Гордей Васильевич. — Тебе, только тебе, старому другу, могу признать-

ся: убежден, что в моем «Чадомере» нуждается все прогрессивное человечество!

— Почему же ты недоволен прибором? Почему не доверяешь его точнейшим показаниям?

— Ты продолжаешь, понятия не имею, на каком основании, голословно утверждать, что показания «Чадомера» о Робиковом хапизме точны? Будь любезен доказать! — Гордей Васильевич не попросил, а приказал: — Я слушаю!

Илларион Венедиктович просто не разрешил себе сейчас переживать и ответил сразу:

— Твой Робик, Роберт, он же Робка-Пробка и Робертина, организует банду, которая намеревается как-то грабить людей. Бандитики в восторге от своего шефчика, особенно от того, что он умеет курить и владеет зажигалкой.

Эх, если бы все мы, уважаемые читатели, знали, какое иногда требуется мужество, просто невероятнейшее мужество, чтобы сказать правду хотя бы одному человеку! Ведь правда сначала приносит резкую боль, но зато потом наступает облегчение, и человек становится сильнее, потому что знает правду. А ложь сначала, наоборот, доставляет удовольствие, человеку начинает казаться, что он сильный, зато потом он испытывает сильнейшие муки совести, слабеет. Правда — лечит, ложь — калечит и даже убивает.

— Зажигалка? — еле-еле-еле слышным голосом спросил Гордей Васильевич. — А я-то думал, что потерял ее в огороде, на даче... Спасибо, милый друг мой, за правду... Дорогуша, принеси, пожалуйста, мне из аптечки... ты знаешь что... капель сорок...

— Вас понял, — ответил робот, выполнил приказание, вернулся на место.

Приняв лекарство, Гордей Васильевич более или менее уверенным голосом попросил:

— Рассказывай все...

О чем будет рассказывать Илларион Венедиктович, вы, уважаемые читатели, уже осведомлены. И пока продолжается тягостная для обоих друзей беседа (вернее, души изматывающий разговор), мы посмотрим, как ищут Иллариона Венедиктовича Вовик с Григорием Григорьевичем. Тот по дороге неторопливо, хотя шли они быстровато, рассказывал:

— Всю жизнь я боролся с врагами нашего советского общества. А бороться — это ведь не только задерживать и обезвреживать. Огромное значение имеет еще и воспитательная работа с теми, кто вольно или невольно готовится к тому, чтобы их задерживали и обезвреживали. Вот до войны я работал воспитателем в колонии. Детишки там были особенные, таких сейчас называют трудными. А в колонии ребятишки были чрезвычайно трудные... Потом в армии служил, потом на войне фашистов бил, а после демобилизации поступил в милицию. Пришлось всякое повидать. И жизнью, как на войне, рисковать приходилось. А там — пенсия. Что делать? Чем заняться? Тут-то вот я и приметил вас, безбилетников. Сначала, как говорится, глазам своим не поверил. Да как не стыдно из-за копеечек...

— Случайно сегодня вышло! — взмолился Вовик. — Не буду я больше. Но ведь взрослые-то...

— Взрослые, взрослые... — проворчал Григорий Григорьевич. — С ними вопрос простой... Вот ты часто на мой левый глаз поглядываешь, да? Он у меня искусственный. И выбил мне его не фашист на войне, даже не особо опасный преступник. А мальчишка вроде тебя.

— Ка-а-ак?!?!

— Да вот так. Из обыкновенной рогатки.

— Он ведь не нарочно, наверно...

— Эх, Вовик, Вовик! — Григорий Григорьевич добродушно похлопал его по плечу. — А какая моему глазу разница — нарочно он или не нарочно?

— А вы... вы...

— Чего — вы-вы?.. Узнал я, что дед этого хулигана — заслуженный человек, участник войны, большой ученый... Что, думаю, ему такое горе доставлять? Обормотик-то этот, по-моему, все равно обормотом вырастет. Родители его испортили. А дед тут ни при чем. Хулиган же рано или поздно получит по заслугам... Подожди, я сейчас.

Они остановились у киоска городского справочного бюро. Григорий Григорьевич наклонился к окошечку, что-то сказал и остался в той же, наклонной позе. И когда Вовику подумалось, что тот зря старается, Григорий Григорьевич получил из окошечка листок бумаги, сказал мальчишке:

— Все в порядке. Поехали. Или позвоним сначала?

Он вошел в будку с телефоном-автоматом, набрал номер, и когда ему, видимо, ответили, повернул к Вовику обескураженное лицо. Он то раскрывал рот, пытаясь что-то сказать, потом закрывал, опять открывал и — резко повесил трубку. Подождав немного, он снова набрал номер, и едва, видимо, ему ответили, резко повесил трубку.

— Ничего не понял, — недоуменно сказал он, выйдя из будки. — Что-то кричала старушка, пытаясь перекричать собачку. А собачка старалась перетявкать старушку. Я так думаю: надо ехать.

— Григорий Григорьевич! — Вовик даже остановился. — А почему это вы... ну... со мной вот так?

— Помочь тебе хочу. Не понимаешь, почему — подрастешь, может, и поймешь.

Когда они сошли на остановке, Григорий Григорьевич многозначительно произнес:

— Так что будем надеяться на лучшее, гражданин бывший заяц. А вот и нужный нам дом.

Они вошли в какой-то подъезд, поднялись на какой-то этаж, остановились у какой-то двери, которая вскоре после звонка Григория Григорьевича открылась, и раздался восторженный старушечий голос:

— Проходите, пожалуйста, проходите! Мы вас заждались!

Злобное собачье тявканье сопровождало это любезное приглашение.

Из-за спины Григория Григорьевича Вовик увидел старушку, на руках которой пронзительно и звонко тявкала малюсенькая белая собаченция с большими черными наизлейшими глазами, и пока пытался вспомнить, где же он мог их видеть, непрерывно слышался сверхторопливый голос старушки, сопровождаемый непрерывным пронзительным и звонким со злобой тявканьем:

— Я уже стала волноваться, придете вы или нет. Поручение совершенно пустяковое. Я ухожу к собачьему гипнотизеру по фамилии Шпунт, и если без меня Джульетточка заскулит в комнате, надо немедленно отнести ее на кухню к мисочкам с едой и питьем. Если Джульетточка заскулит у дверей, надо совершенно немедленно сходить с ней погулять и не разрешать общаться с животными. Я постараюсь вернуться пораньше. Джульетточка, радость моя, не скучай!

Хлопнула дверь, и ошеломленный, вернее, остолбенелый Григорий Григорьевич с собаченцией на руках, захлебывавшейся в злобном тявканье, оторопело спросил Вовика:

— Ты почему молчал? Почему ни слова не сказал? Я-то сразу прямо-таки опешил! — Он взял дико визжавшую собаченцию за загривок и брезгливо держал ее в воздухе. — Я тебя в окно выброшу, если не перестанешь злобствовать!

Собаченция, естественно, его не послушалась, и он, бросив ее в комнату, позвал с отчаянием:

— Вовик, Вовик! Догони-ка старушку и объясни, что мы ошиблись квартирой! Она с кем-то нас перепутала! Давай быстро! Да замолчи ты! — закричал он на собаченцию, которая в дверях комнаты тявкала еще пронзительнее и еще злобнее.

Выскочив из квартиры, Вовик по перилам на животе съехал вниз, выбежал из подъезда, оглянулся по сторонам — старушки нигде не было. Он сбегал до одного угла дома, до другого — тот же результат, вернее, никакого результата, — и остановился как вкопанный. В голове застучало сразу три вопроса: который подъезд? который этаж? которая квартира?

— Да что это за денек такой невезучий? — с очень большой досадой прошептал Вовик, насчитав шесть подъездов в четырехэтажном доме. — Мда... положеньице... и что прикажете делать? Выход получался всего-навсего один: ждать, когда появятся Илларион Венедиктович, старушка или Григорий Григорьевич.

В целях экономии времени, уважаемые читатели, и чтобы не заставлять вас ломать голову над тем, что произошло, сразу объясню случившееся.

Вовик с Григорием Григорьевичем попали в бывшую квартиру Иллариона Венедиктовича, из которой он недавно выехал и в которой поселилась большущая семья. В этой семье и жила, вернее же, мучилась, старушка Анастасия Георгиевна — владелица Джульетточки. У старушки было много-много внуков и внучек, которых

она называла **оравой ораторов** (от слова «орать»). Дети росли крикливыми, непослушными, капризными, скандальными, житья от них никому не было, даже соседям.

Анастасия Георгиевна решила воспитывать их, точнее, перевоспитывать, по принципу, сформулированному ею следующим образом: полюбишь собачку — полюбишь и человека, полюбишь человека — может быть, будешь вести себя хотя бы относительно нормально.

Для этого она собиралась каждому внуку и каждой внучке подарить по собачке, чтобы они (внуки и внучки) ухаживали за ними (собачками), воспитывали в них лучшие собачьи качества и сами становились хотя бы чуть-чуть похожими на хороших детей.

Но первая же собачка — Джульетточка — оказалась настолько непослушной, вздорной, скандальной и *тявкливой*, что дети пытались ее чуть ли не придушить или просто выбросить. Анастасия же Георгиевна так полюбила Джульетточку, что, когда внуков и внучек развезли по местам отдыха, решила милую собачку перевоспитать. Ей сообщили, что это легко и быстро можно сделать, если обратиться к собачьему гипнотизеру по фамилии Шпунт. Вот сегодня Анастасия Георгиевна и поехала к нему договариваться: сначала она хотела убедиться, что из себя представляет тот, кому она собиралась доверить свою дорогую Джульетточку.

Из бюро услуг она пыталась вызвать нянечку, чтобы та (или тот) посидела с собачкой, но так как Джульетточка безостановочно тявкала в телефонную трубку, то старушка из ответов ничего не разобрала, а ей говорили, что собачек, даже замечательно прекрасных, бюро не обслуживает. И когда появился Григорий Григорьевич, Анастасия Георгиевна приняла его за нянечку!

Так вот сейчас эта нянечка, длинная-предлинная, высилась в кухне на табурете, потому что Джульетточка

от беспрерывного, но все более озлобляющегося тявканья перешла к практическим действиям, не менее озлобленным, — пыталась цапнуть нянечку.

Григорий Григорьевич ни разу в жизни не бывал в таком, как он мысленно выражался, идиотском положении. Конечно, допрыгнуть хотя бы до его ног злобная собаченция не могла, но и он спрыгнуть с табурета на пол тоже не мог — боялся быть искусанным и даже истерзанным. И он кричал Джульетточке дрожащим и прерывистым от негодования голосом:

— Раздавить тебя мало! Отравить тебя недостаточно! Голодной смертью тебя прикончить маловато! С четвертого этажа тебя выбросить — слишком большая честь для тебя! А еще друг человека считаешься!

Вдруг он вспомнил о Вовике, живо представил, как открывается дверь, входит ни о чем, вернее, ни о ком, не подозревающий мальчик, и в одну из его ног вцепляется или даже вгрызается эта ненормальная четвероногая психопаточка. Тут он заметил на подоконнике большую кастрюлю, стоявшую вверх дном, и в голове его моментально созрел план, надо сказать, великолепнейший план обезвреживания задыхавшейся от бессильной злобы дикой кандидатки в особо опасные преступницы.

С большим трудом сохраняя равновесие, Григорий Григорьевич дотянулся до кастрюли, долго и тщательно примеривался-прицеливался, ловко

спрыгнул с табурета, накрыл Джульетточку кастрюлей и в наиполнейшем изнеможении сел на нее.

Отдышавшись и чуть-чуть-чуть успокоившись, он великодушно пожелал собачке приятного отдыха, а сам стал беспокоиться уже о долгом отсутствии Вовика и причинах этого отсутствия, которые представлялись ему серьезными. Джульетточка между тем стукалась о стенки и дно кастрюли, но звуки оттуда доносились приглушенные.

А Вовик на улице изнывал от неопределенности своего положения. Больше всего его волновало: что сейчас о нем может подумать Григорий Григорьевич?

Тут на его, Вовиково, счастье из подъезда появилась девочка, голова которой была вся в разноцветных бантиках. Девчонок Вовик отчаянно (вернее, с отчаяния) презирал, разговаривать с ними по-человечески не был пока способен, однако на сей раз, подавив глубочайший вздох, был вынужден как можно вежливее спросить:

— Слушай, ты! Где здесь у вас старушенция живет с такой малюсенькой злющей собаченцией?

Но девочка, видимо, привыкла, что иначе мальчики и не умеют разговаривать с девочками, и охотно ответила:

— В нашем доме живет достаточно много старушек с малюсенькими злыми собачками. Знаете, старость располагает к общению с животными и неудивительно, что...

— Ты много-то не болтай! — собрав все свои способности к вежливому обращению, оборвал Вовик. — Собачонцию эту звать что-то вроде... не помню...

— Простите, но я по именам собачек не знаю, — сказала девочка. — И чтобы продолжить разговор, нам необходимо представиться друг другу. Меня зовут Вероника.

— Меня зовут Вовик, — сквозь зубы процедил он. — Собачек как зовут ты не знаешь, а чего ты тогда знаешь? О чем нам тогда разговаривать?

— О, разговаривать можно о многом! — воскликнула Вероника. — Действительно, я не знаю имен, то есть кличек собачек, но зато могу перечислить буквально всех старушек. Я со всеми ими общаюсь, стараюсь каждой помочь, как истинно воспитанная девочка. Вот в первом подъезде, например, живет совершенно изумительная...

Вовика вдруг осенило, и он, уже забыв о всякой вежливости и тем более воспитанности, сказал, как и положено мальчишкам:

— Да не нужны мне твои старушенции в общем-то! Ты мне вот что ответь! Ты случайно не знаешь, в которой квартире живет Илларион Венедиктович Самойлов?

— Ах, такой старенький генерал-лейтенант в отставке! — обрадовалась воспитанная девочка Вероника. — Извините, но я даже не знаю, в каком доме он живет.

— Ну, как ты, голова* с бантиками, не знаешь, где живет такой человек? Да в вашем доме он живет, к твоему сведению!

* На самом деле Вовик сказал б а ш к а. (Здесь и далее примечания автора.)

— Какой вы грубый... — печально проговорила воспитанная девочка Вероника, и все разноцветные бантики на ее голове поникли. — Я просто теряю всякий интерес к вам...

Но Вовик промолчал, сдержался, чувствуя, что сейчас может услышать что-то нужное для себя.

— Несмотря на вашу грубость, — печально продолжала воспитанная девочка Вероника, — я продолжу разговор с вами. Так обязаны поступать воспитанные девочки. Видите ли, я знаю, где ж и л в нашем доме Илларион Венедиктович.

— Как это — ж и л? А сейчас не живет, что ли?

— Вот именно. Прежде чем грубить, надо было подумать. Недавно он переехал на новую квартиру. Понимаете, квартира в нашем доме для него была явно велика. И он, исходя из самых благородных побуждений...

— Да кончай ты свою болтовню! У меня важное дело, а она тут...

Воспитанная девочка Вероника с болью поморщилась, но подробно объяснила Вовику все, предложила даже проводить его, но на радостях Вовик даже не обозвал ее никак, а взлетел на четвертый этаж и позвонил в квартиру № 33.

От нетерпения он подпрыгивал, но за дверью было тихо.

«Неужели эта голова * с бантиками, — пронеслось в Вовиковой голове, — чего-нибудь перепутала или нарочно меня обманула?» — И он звонил, звонил, звонил... Замерев в растерянности, он прислушался и уловил далекий голос, однако слов разобрать не мог. Сначала это повергло его в сильнейшее недоумение, а затем он ощу-

---

* Уважаемые читатели, видимо, сами догадались, какое слово вместо этого пронеслось в Вовиковой голове.

тил страшок: видимо, в квартире что-то случилось. И он с неприятным ощущением уже не страшка, а подлинного страха напряженно ждал, почти прижав ухо к дверной обшивке.

А в квартире, точнее, на кухне, происходило следующее. Григорий Григорьевич кричал Вовику, чтобы тот обождал, а сам никак не мог сообразить, как ему быть с собаченцией под кастрюлей, хотя она (собаченция) уже не подавала признаков активного существования. Но когда звонки прекратились, Григорий Григорьевич решил, что пора действовать, а не размышлять. Он, придерживая кастрюлю руками, осторожно приподнялся, склонился над ней, внимательно прислушался, с удивлением ничего не услышал, резко опрокинул кастрюлю...

Джульетточка лежала на спинке, подняв кверху все четыре лапочки.

— Сдохла, сдохла... то есть задохнулась... — еле-еле еле слышно прошептал Григорий Григорьевич. — Прости меня, если сможешь... миленькая ты моя... я же не хотел твоей кончины... я только спасался от тебя...

Зачем-то взяв кастрюлю в руки, он побрел к дверям, открыл их, впустил обрадованного Вовика и, как говорится, загробным голосом сказал:

— Нет больше нашей дорогой Джульетточки... по моей вине она погибла... в муках ушла из жизни... такое несчастье... горе-то какое...

— Чего это с ней стряслось? — без особой жалости поинтересовался Вовик.

— Я долго сидел на ней, — Григорий Григорьевич приподнял кастрюлю одной рукой, — а под ней была она... в муках... бедная... я не забуду ее никогда... по моей вине... такая гибель...

— Да живая она! — возмущенно воскликнул Вовик. — Поглядите!

Григорий Григорьевич с изумлением смотрел на него, не решаясь оглянуться, а когда набрался решимости для этого, увидел, что Джульетточка, покачиваясь из стороны в сторону на своих тонюсеньких ножках, выходит в прихожую из кухни, и пролепетал:

— Радость-то какая... счастье-то какое...

Собаченция подошла к нему, с трудом потянулась мордочкой вперед и лизнула ему ботинки, повиляв хвостиком.

— Чу... чу... чу... чу-де-са... — с очень большим трудом выговорил Григорий Григорьевич. — Ведь совсем недавно не подавала никаких признаков жизни... а до этого я от нее на табурет влез — искусать меня пыталась... Милая ты моя! — Он взял ее на руки, нежнейше прижал к груди, и Джульетточка благодарно лизнула его в щеку. — Представляешь, Вовик! — осчастливленный, воскликнул он. — Это же был бы ужас, если бы она погибла по моей вине! А что бы я сказал в оправдание хозяйке?

— Илларион Венедиктович из этой квартиры выехал, — недовольно произнес Вовик. — А к кому мы попали, неизвестно.

— Мы попали к Джульетточке, — радостно ответил Григорий Григорьевич, можно сказать, лаская с собаченцией: он терся щекой об ее бывшую когда-то злой мордочку, а она периодически лизала ему щеку.

— Григорий Григорьевич! — с укором воскликнул Вовик. — Ведь мы не эту собаченцию искали, а...

— Пойдем, Джульетточка, покушаем. — Григорий Григорьевич даже внимания не обратил на Вовиков упрек, отправился с собаченцией на кухню и стал с умилением наблюдать, как она лакала молоко из мисочки, часто взглядывая на своего убийцу-спасителя, благодарно

крутила хвостиком. — Давай, давай питайся, сил набирайся! Забудь все неприятное!

Григорий Григорьевич снова взял Джульетточку на руки и принялся осторожными, даже нежными движениями убаюкивать ее, как младенчика, и говорил уже тихо, в ритме колыбельной, чуть ли не напевая: — Я жестоко поступил, чуть собачку не убил. Никуда мы не пойдем, мы хозяйку подождем. Мы узнаем все, что нужно, будем жить с собачкой дружно... Уснула... — удовлетворенно и умиротворенно прошептал он. — Мы ведь ищем твоего Иллариона Венедиктовича. Рано или поздно он вернется домой, и вы встретитесь. Чем же ты недоволен?

— Да не живет он здесь, — невольно тоже шепотом ответил Вовик. — На новую квартиру он переехал. А мы попали к какой-то ненормальной старушенции... И зря тут время тратим!

Видно было, что Джульетточка блаженствовала на руках Григория Григорьевича, и он не менее блаженствовал, если не больше, и смысл Вовиковых слов не сразу дошел до его умиленного сознания, а когда, наконец, дошел, он сказал:

— Новый адрес Иллариона Венедиктовича мы все равно узнаем. Я по старой службе-дружбе обращусь в милицию. Но понимаешь, Вовик, если нас здесь и приняли неизвестно за кого, а мы практически согласились остаться и ждать, то невольно взятые на себя обязательства обязаны выполнить. И собачку одну оставлять нельзя: у нее по моей вине было нервное потрясение.

— У меня тоже скоро будет нервное потрясение, — пробурчал Вовик. — Или с голода в обморок грохнусь.

— Очень хорошо, — поразмыслив, ответил Григорий Григорьевич. — Ты отправляйся домой, пообедай и возвращайся сюда. В любом случае я тебя буду здесь поджидать с моей малюточкой.

— Да не ваша она! — вырвалось у Вовика. — Старушенции она принадлежит! Григорий Григорьевич! — едва не взрыднул Вовик. — Что с вами случилось?

— Со мной случилось счастье, — тихо, но торжественно произнес Григорий Григорьевич. — Ты лучше заинтересуйся, что случилось с Джульетточкой, и это будет небесполезным для тебя. Она... — голос его задрожал от нежности и умиления... — она же пе-ре-вос-пи-та-лась... Вспомни, какой мы застали ее здесь. Злобной, капризной, неблагодарной. Я от нее на табурет залезал. А сейчас...

— Вы считаете, что кастрюлей ее перевоспитали? — ехидно спросил Вовик. — Интересный способ! Переворот в науке!

Не буду, уважаемые читатели, описывать их дальнейшего спора-разговора. Передам лишь его основной смысл. Григорий Григорьевич на примере Джульетточки доказывал, что иногда к избалованным существам не вредно применять довольно жестокие методы наказания, когда все остальные не привели к положительным результатам. Вовик же настаивал на том, что собаченции это собаченции, а человек это человек, его кастрюлей не накроешь и т. д.

Еще мне следует, уважаемые читатели, сообщить вам о том, что произошло с Анастасией Георгиевной у собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт. Он согласился за весьма приличное вознаграждение перевоспитать Джульетточку — вместо наискверне йшего характера привить ей почти ангельский.

Анастасия Георгиевна усомнилась в этом заявлении: оно представилось ей подозрительно самоуверенным, а сам обещатель — крайне подозрительной личностью. Тогда тот, показавшись ей еще более крайне подозрительным, еще более самоуверенно заявил:

— Позвольте, я для демонстрации своих выдающихся способностей усыплю вас. Кем бы вы хотели стать во сне?

— Конечно, Джульетточкой, — ответила Анастасия Георгиевна, — но доброй, послушной, отзывчивой.

Собачий гипнотизер по фамилии Шпунт мгновенно усыпил старушку, но, сколько ни пытался, чтобы она во сне хотя бы немножко потявкала, ничего из этого не получалось. Тогда он попробовал разбудить ее, но тут она как раз стала изредка потявкивать, но никак не просыпалась.

Обескураженный и предельно растерявшийся собачий гипнотизер по фамилии Шпунт уже мечтал только об одном: узнать у старушки адрес или номер телефона, чтобы отправить ее домой, но Анастасия Георгиевна продолжала крепко-крепко-крепко спать и даже уже не тявкала, а громко и сладко посапывала, изредка радостно похрапывая.

И так как все это будет продолжаться еще довольно длительное время, мы с вами, уважаемые читатели, отправимся в лабораторию Гордея Васильевича, где он со своим старым другом Илларионом Венедиктовичем горестно обсуждал глупую и общественно опасную затею своего внука Робика, он же бывший Робка-Пробка, а ныне шефчик Робертина, организатор банды малолетних обормотов.

Глава под номером Шесть и под названием

Воспитание детей — сверхнаиважнейший вопрос современности,

или

Банда Робертины пытается приступить к преступным действиям

Гордей Васильевич, Илларион Венедиктович и робот Дорогуша давно уже пребывали в глубокой задумчивости.

— Когда же это случилось? — вдруг резко и так громко спросил Гордей Васильевич, что у Дорогуши испуганно мигнули глаза-лампочки. — Когда именно, в какой несчастный момент очаровательный малыш начал превращаться, причем безостановочно, в будущего шефчика — организатора банды из малолетних преступников-оборотиков?

— Прошу извинения, — сказал Дорогуша, — позвольте напомнить, что рабочий день окончен. Желаю приятного отдыха. До свиданья.

— Спасибо, Дорогуша, — машинально поблагодарил Гордей Васильевич. — Баловали его, конечно, страшно, немыслимо баловали, антигуманно. В том числе, конечно, и я. И что мне сейчас прикажешь делать? Какие применять меры?

— Прошу извинения, — сказал Дорогуша, — позвольте напомнить, что рабочий день...

— Дорогуша, отключи батареи питания и включи их через двенадцать часов.

— Вас понял.

— Пример послушания! — восхитился Илларион Венедиктович.

— Робот! — насмешливо ответил Гордей Васильевич. — Из него тоже можно бандита сделать, кстати... Главное, с родителями толковать бесполезно. Они в своем обормоте души не чают, млеют от умиления, стоит ему вытворить любую глупость. И сам-то я всего этого до последнего времени почти не замечал. Отрастил он себе редкой красоты шевелюру и решил, что голова дана человеку именно для этого... Нет, нет, ты мне объясни, Иллариоша, откуда он всей этой дряни набрался? Когда успел? Шеф! Организатор банды!

— Пораньше надо было «Чадомер» изобретать.

— «Чадомер» только укажет опасность, а как ее ликвидировать, будут решать сами воспитатели. Я вот сейчас, честное слово, убежден, что настоящая, по всем правилам, порка прочистила бы моему внуку мозги, если, конечно, они у него имеются в достаточном количестве.

— На это я тебе вот что отвечу, — насмешливо произнес Илларион Венедиктович. — Выпороть внука по всем правилам тебе не удастся, потому что ты этих правил никогда толком и не знал. А посему необходимым опытом для проведения данной процедуры ты не обладаешь... Беда нас, стариков, — уже серьезно продолжал он, — а может, и счастье, в том-то и заключается, что мы о себе самих почти не думаем. Все о них, о них, о потомчиках! Они и привыкли. Вот тебе сейчас только бы радо-

ваться и радоваться. Чудо какое изобрел! А у тебя на душе...

— Работы еще невпроворот, Иллариоша.

— Не прибедняйся, Гордеюшка. Главное-то уже сделано. И я ведь тебя оч-чень понимаю. Убежден, что заботы твои мне ближе, чем даже твоим ближайшим сотрудникам.

— Мои сотрудники, — с обидой произнес Гордей Васильевич, — преданные науке люди и...

— И я так считаю, — осторожно перебил Илларион Венедиктович. — Просто мне хотелось, чтобы ты не только умом, но и сердцем почувствовал, что мы с тобой бóльшие единомышленники, чем может показаться на первый взгляд. Задумал я оч-чень необычнейшее мероприятие. Решил я посвятить остаток жизни детям, понимаешь, детям в принципе, а не только своим личным потомчикам, — тихо, словно Дорогуша мог подслушать, доверительно рассказывал Илларион Венедиктович. — Только ты отнесись к моим словам со всей серьезностью, по-научному строго. Задумал я, повторяю, нечто оч-чень необычайное, но, на мой взгляд, и перспективное. И назвал я это мероприятие биолого-психолого-педагогическим экспериментом. Представляешь, среди этих, к примеру, бандитиков-обормотиков появляюсь я... мне лет десять, прозвище Лапа, как в далеком детстве... а в остальном я прежний, то есть генерал-лейтенант в отставке. И начинаю я действовать... Гордеюшка, я с удовлетворением и даже гордостью отмечаю, что ты даже не усмехнулся ни разу.

— Над больными не смеются, — сочувственно объяснил Гордей Васильевич.

Илларион Венедиктович до того растерялся, обиделся и тут же возмутился, что с вызовом начал:

— А ты полагаешь...

— Да! Если ты хочешь, чтобы я отнесся к твоей затее со всей серьезностью, по-научному строго... Пожалуйста! Завтра же я покажу тебя психиатрам! Нет, ты не сердись, Иллариоша...

— Я просил тебя подумать, а ты сразу...

— Но ведь науке неизвестно...

— А «Чадомер» до того, как ты его изобрел, был известен науке? — уже запальчиво воскликнул Илларион Венедиктович. — Когда ты впервые высказал идею о таком приборе, все ли в нее поверили? Не советовали тебе обратиться к психиатрам?

— Но «Чадомер» — прибор! А как ты станешь десятилетним? Что с тобой потом будет?

Илларион Венедиктович опечалился, ответил неохотно, вяло:

— Это совершенно другой вопрос. А мне необходимо получить не только твое принципиальное согласие на возможность редчайшего биолого-психолого-педагогического эксперимента, но и твою моральную, дружескую поддержку. Неужели ты не сможешь поверить в целесообразность моей идеи? Если ты сомневаешься в ней как ученый, то почему она не привлекает тебя как деда, наконец?

— Дед-то из меня получился никудышный, — устало и уныло проговорил Гордей Васильевич, и только тут Илларион Венедиктович понял: да ведь его друг просто-напросто **зверски устал!!!** Пережить за день два потрясения, да тут еще он, вместо того, чтобы утешить друга или хотя бы отвлечь, пристал к нему со своей фантастикой!

— Чисто по-дедовски, — уже совсем устало и в самой высшей степени уныло продолжал Гордей Васильевич, — я мыслю примерно следующим образом. Жизни своей не пожалел бы, как мы не жалели ее с тобой на войне,

чтобы любой негодяйчик или негодяечка выросли хорошими людьми. Я ведь начинал свою медицинскую деятельность, если ты помнишь, детским врачом. Еще тогда, видимо, во мне подспудно мелькала идея будущего «Чадомера», вернее, мысли о его необходимости. Ведь со временем я его усовершенствую, сделаю универсальным: он будет предсказывать и возможные болезни, которые грозят пациентику или пациенточке... И бросил-то я замечательную благороднейшую работу педиатра только потому, что нервы не выдержали. Представляешь, умирает у тебя на глазах этакая крохотулечка и еще сказать не умеет, где и что у нее болит... Эх, дети, дети... Значит, ты, Иллариоша, возпамерился из своего стариковского возраста сразу каким-то, пока никому не известным способом перейти в детский? — Гордей Васильевич неожиданно чуть-чуть улыбнулся и даже несколько оживился. — И всем своим жизненным опытом, умом постараешься воздействовать на сверстников?

— Примерно так, — совершенно серьезно отозвался Илларион Венедиктович.

— И ты с кем-нибудь советовался по поводу этого опасного своими последствиями эксперимента?

— Нет, по-настоящему только вот сейчас с тобой. А почему опасного своими последствиями? Опасного для кого?

— Если твой биолого-психолого-педагогический эксперимент удастся... — жестко произнес Гордей Васильевич и долго молчал, словно боялся или не хотел закончить мысль. — Неужели тебе, военному специалисту, и в голову не приходило, что возможность превращения взрослых в детей может стать новым видом оружия?

— Прости, но я думал только о возможности возвращения в детство, — виновато пробормотал Илларион Венедиктович.

— А о последней работе нашего дорогого Ивана — о выведении зверюшек-игрушек — ты, надеюсь, знаешь не хуже меня?

— Я к нему и собирался обратиться.

— Чтобы новая игрушка получилась? — усмехнулся Гордей Васильевич. — Маленький такой генералик-лейтенантик в отставочке?.. Да не сердись, не сердись, старина! Могу я немного пошутить?

— Шути себе на здоровье, ну, а при чем здесь все-таки новый вид оружия?

— А вот при чем. — Гордей Васильевич говорил сдержанно, но с явно ощутимым внутренним волнением. — Сейчас все наши враги ломают свои подлые головы над одним вопросом. Не дай бог, в ужасном страхе размышляют они, что люди мира, все прогрессивное человечество добьется запрещения любого вида оружия! А без войны враги наши не могут. Им все равно надо нас уничтожить! Для этого они и существуют! И, конечно же, они ищут это новое оружие! Может быть, самое опасное, самое изощренное, самое...

— Извини, извини, — торопливо перебил Илларион Венедиктович. — Помнишь, я рассказывал тебе, что видел во сне Смерть-фашистку. Она ведь мне о чем-то вроде этого толковала, тоже высказывала опасения, что люди добьются запрещения всех видов оружия. И тогда, уверяла она, безмозглая и безглазая фашистка, наступит война, не просто борьба, а именно война за умы и сердца людей. Вот в ней-то главный упор будет сделан на детей. Ибо на их умишки и сердчишки, полагают враги, легче воздействовать. И к этому, думается, надо уже сейчас готовиться.

— Мы и готовимся! — в необычайном возбуждении воскликнул Гордей Васильевич. — Мы должны быть готовыми отразить любое нападение на нас! К сожалению,

к несчастью, к подлинной беде нашей, нет ничего проще, рассчитывают враги, чем испортить так называемое подрастающее поколение! И выгоднее всего испортить его уже в детстве!!! Вот мы с тобой сейчас сидим, думаем, как бы сделать так, чтобы потомчики наши **гарантийно** выросли подлинными гражданами своей страны. А где-то ТАМ тоже сидят, тоже военные и ученые, и строят о детях наших самые сверхнаиподлейшие планы: как бы сделать так, чтобы наши дорогие потомчики выросли настоящими обормотами... Вот теперь о твоем биолого-психолого-педагогическом эксперименте. Наш дорогой Иван — человек сугубо штатский, и когда он изобретает своих зверюшек-игрушек, ему в научную голову и не придет, что за его изобретением будут охотиться, ЕСЛИ УЖЕ НЕ ОХОТЯТСЯ, все крупнейшие разведки мира, особенно знаменитые «Целенаправленные Результативные Уничтожения».

— Кое-что я начинаю понимать, — растерянно признался Илларион Венедиктович.

— Сейчас все поймешь! — пригрозил Гордей Васильевич. — Представь себе, если хватит воображения, такую ситуацию. Появилось на территории мирной страны вражеское военное соединение, вооруженное самым наисовременнейшим оружием. И не успели эти головорезы приступить к своему подлому делу, как все превратились в детишек! Бегают голенькими, потому что детской-то одежды командование им не выделило! — рассмеялся Гордей Васильевич. — Кричат, визжат, играют, дерутся между собой, и мирная страна, которую они собирались поработить, может жить спокойно.

Илларион Венедиктович был неподвижен, как робот Дорогуша, сказал глухо:

— Значит, ты обнаружил нечто общее между изобретением Ивана и моим желанием вернуться в детство?

— Конечно. Вот «Чадомер» — прибор, так сказать, самого мирного назначения. А зверюшки-игрушки рано или поздно будут утверждены как имеющие оборонное значение. Причем важнейшее.

— Но ведь никто до сих пор...

— Вот именно — до сих пор! — в голосе Гордея Васильевича прозвучало раздражение. — А я убежден: не может быть, чтобы «Целенаправленные Результативные Уничтожения» ДО СИХ ПОР не заинтересовались идеей создания зверюшек-игрушек и не увидели, ЧТО можно из нее извлечь для военных целей...

— Хорошо, хорошо, то есть совершенно отвратительно! — вскричал Илларион Венедиктович, но почти сразу же сник и спросил чуть ли не беспомощным тоном: — И неужели дети будут лишены замечательнейшего изобретения?

— Ни в коем случае, — убежденно заверил Гордей Васильевич. — Воспитание детей — сверхнаиважнейший вопрос современности. Вот поэтому, дорогой мой, ни на секунду нельзя забывать о том, что мы в ответе за будущее наших потомчиков. Мы обязаны оградить их от любых вражеских происков. А враги следят за каждым нашим шагом. И каждый наш шаг, если мы что-нибудь п р о в о р о н и м, они тут же используют в своих наиподлейших целях!

— Если воспитание детей — сверхнаиважнейший вопрос современности, — задумчиво сказал Илларион Венедиктович, — то почему ты против моей попытки вернуться в детство? Неужели ты не видишь в этом биолого-психолого-педагогическом эксперименте никакого смысла? Подожди, подожди! — не попросил, а потребовал Илларион Венедиктович. — Ведь проводили же крупнейшие медики на себе даже смертельные опыты!

— Когда у них не было иного выхода. Я ведь отлично понимаю тебя, Иллариоша. Да, мы иногда, а может, и довольно часто, не умеем глубоко заглянуть в душу ребенка. А еще чаще он и сам не может объяснить, что с ним происходит. Когда же ты, предположим, окажешься среди них **своим**, ты соберешь массу интереснейших и даже уникальных сведений. Подожди, подожди! — не потребовал, а приказал Гордей Васильевич. — Но все это надо делать с умом! Вот мы сейчас же позвоним Ивану, может, он из-за границы уже вернулся. А ты немножко остынь.

Набрав номер, Гордей Васильевич долго сидел с трубкой в руке, взглядами давая понять другу, что не отвечают, хотел уже положить трубку на место, но тут же усталое лицо его расплылось в улыбке, он радостно заговорил:

— Здорово, Иванушка!.. Как съездил?

И лицо его вдруг стало менять одно выражение за другим: удивление, восторг, чуть ли не ужас, затем самый настоящий ужас, растерянность... Согласно кивая и уже не так радостно он сказал:

— Поздравляю тебя, дружище... Сыну, конечно, приветы и поздравления от нас с Иллариошей, он вот тут сидит рядом... Договорились... И ты ему нужен... Завтра у тебя в лаборатории сразу после обеда... Всего тебе, вернее, вам, самого наилучшего... Да, да, до завтра...

Гордей Васильевич долго не мог уложить трубку обратно на рычаг, будто рука его не слушалась, а он просто слишком сильно задумался и не менее сильно растерялся. Когда трубка оказалась (не без помощи Иллариона Венедиктовича) на месте, Гордей Васильевич долго смотрел на него каким-то опустошенным взглядом, покашлял, словно прочищая горло, но голос все равно прозвучал хрипло и глухо:

— Не забудь, завтра у Ивана в лаборатории после обеда встречаемся... вот так...

— Что там случилось?

— Ни в сказке сказать, ни пером описать. Представляешь, за границей Иван встретил... вернее, к нему сам явился... Представляешь ситуацию... Сын к нему явился. Серж. Сергей, значит, по-нашему. А ведь я этого Сержа маленьким на коленях держал... Считали его погибшим под первой бомбежкой...

— А что ж ты помрачнел? Ведь радость-то...

— Да, радость, конечно, великая, — совсем мрачно согласился Гордей Васильевич. — НО! — крикнул он. — Серж этот — агент иностранной разведки!.. Закрой рот, Илларионша... Вот так. Иван разговаривал со мной, когда его шпион принимал ванну.

— Агент?!?!?! — еле-еле-еле-еле выговорил Илларион Венедиктович. — Ш... ш... ш.... ш...

— Не шипи. Да, шпион. Ему разрешили вернуться. Во всем собирается раскаяться и так далее. Иван, естественно, на седьмом небе... НО-О-О-О-О!!!

— Гордеюшка, объясни мне причину твоего почти дикого вопля.

— Изволь. Я лучше тебя знаю Ивана. Человек он необыкновенной, просто уникальнейшей доброты и доверчивости... А чего вдруг агент иностранной разведки вспомнил через столько лет об отце? Может, об этом ему напомнила разведка, в которой он служит? А? Может, она, разведка, захотела, чтобы сын ТАКОГО ученого вернулся к отцу?

— Прости, дорогой... — Илларион Венедиктович явно замялся, у него от смущения даже щеки порозовели. — Но ведь... а наши органы безопасности? Неужели ты их... опытнее? Ты вот, видите ли, что-то заподозрил, а они...

Неужели ты думаешь, что агенту иностранной разведки, пусть даже сыну ТАКОГО ученого, позволят...

— Да не об агенте я! — вспылил Гордей Васильевич. — Ты прав: не мне о нем беспокоиться. Я о нашем дорогом Иване тревожусь. Ведь ему не пережить, если... Вот ты сегодня сердцем почувствовал, что мне, твоему другу, плохо. И сердце тебя не обмануло. А несколько минут назад, когда я слушал восторги Ивана, — он положил левую руку на грудь, — я почувствовал, что моему другу грозит беда. Сейчас же я абсолютно уверен в этом.

Рассуждения Гордея Васильевича, торопливые и сбивчивые, сводились к тому, что органы государственной безопасности потому так и называются, что обезопасят ученого Ивана Варфоломеевича от любой неприятности, какую только может приготовить для него иностранная разведка. Но как **отца** берется оберегать Ивана Варфоломеевича он, его старый друг. Раз болит сердце за товарища, значит, он нуждается, может, и сам того не подозревая, в помощи.

— Надо знать Иванушку, — убежденно и взволнованно заключил Гордей Васильевич, — и подлейшие методы иностранных разведок.

Через некоторое время Илларион Венедиктович (а они уже шли по улице) признался:

— Вынужден согласиться с тобой, хотя и не все понимаю в твоих предчувствиях и подозрениях. Но если этому Сержу-Сереже разрешили вернуться к отцу, значит, ВСЕ обдумано и точно рассчитано. Я вот почему-то больше беспокоюсь о тебе, Гордеюшка. Ты в заботах об Иване совсем забыл о своем внуке.

— Не забыл я своего обормота! — резко возразил Гордей Васильевич. — Он у меня, извини, в печенке застрял и ворочается! Возьму я обормота в оборот! Он ведь

по натуре еще и трусоват. Банду он затеял по причине своей отлично развитой глупости и еще более развитой безответственности. Единица измерения трусости по «Чадомеру» — ДРОЖЬ. Прибор показал у моего обормота восемь единиц вместо ноль целых три-четыре примерно десятых. Это мы и учтем.

Расстались друзья озабоченными, встревоженными. И, конечно, не за себя болело сердце Гордея Васильевича, и не за себя болело сердце Иллариона Венедиктовича.

Будем надеяться, уважаемые читатели, что переживали они не зря, что как раз эти страдания и приведут их со временем к большим радостям.

А мы с вами сейчас должны посмотреть, что творится с Вовиком и Григорием Григорьевичем, Джульетточкой и Анастасией Георгиевной, крепко-накрепко усыпленной собачьим гипнотизером по фамилии Шпунт.

Прекрасно обстояли дела у Григория Григорьевича с его новой сердечной привязанностью — Джульетточкой. Они просто наслаждались общением друг с другом, дважды подолгу ходили гулять (без поводка!), собачка покорно и весело семенила ножками около самой ноги своего убийцы-спасителя. Они часто обменивались понимающими и умиротворенными взглядами.

Не вынес Вовик этого ужасного зрелища, раздирающего ему душу, сказал почти яростно:

— Я уж лучше буду на улице ждать!

— Правильное решение, — радостно одобрил Григорий Григорьевич. — А еще лучше — сходи-ка домой пообедать.

Как мне однажды уже доводилось напоминать вам, уважаемые читатели, о пословице «Беда не приходит одна», так это и с Вовиком получилось. На сей раз новая беда пришла к нему в образе воспитанной девочки

Вероники, голова* которой вся была в разноцветных бантиках.

— Вовик! Вовик! — едва возникнув из подъезда, умоляюще воскликнула она. — Вовик! Вовик! — так обрадовалась она, словно у них было назначено свидание и она не надеялась, что он придет. — Возьмите, пожалуйста, меня под свою защиту!

— Да отстань ты...

— Я не обращаю внимания на вашу, для меня уже ставшую привычной, грубость, — жалобно сказала воспитанная девочка Вероника, садясь на скамью рядом с Вовиком, который тут же моментально и демонстративно отодвинулся. — Именно так должны поступать воспитанные девочки. Я убеждена, что ваша грубость носит чисто внешний характер, а на самом деле вы добрый и, вполне возможно, мужественный человек. Прошу вас, возьмите меня, пожалуйста, под вашу защиту!

Вовик от таких слов, каких ни от кого ни разу в жизни не слышал, напыжился, расправил плечи, выпятил, как говорится, грудь колесом, наинебрежнейшим тоном поинтересовался:

— Чего там еще с тобой стряслось?

— Ах, у-у-ужас! А-а-а-ах, какой невообразимый у-у-ужас!! Представляете, мне угрожают бандиты!!!

— Сочиняй больше! Какие бандиты? На что ты им сдалась?

— Они задумали п о х и т и т ь меня! — И даже все разноцветные бантики на голове воспитанной девочки Вероники задрожали от страха. — ПО-О-О-Охитить и требовать за меня в ы к у п! Неужели вы не слышали по телевидению, — поразилась она, — что такой способ при-

---

* Уважаемые читатели, надеюсь, помнят, какое слово вместо этого употреблял Вовик.

меняется бандитами в капиталистических странах? Выкрадывают какого-нибудь выдающегося деятеля или ребенка и нагло...

— Да погоди ты, погоди ты, погоди! — Вовик не успевал толком вникнуть в смысл торопливого-торопливого потока слов. — Рассказывай медленно и понятно.

— Извольте, — с обидой согласилась воспитанная девочка Вероника. — Но сначала, пожалуйста, согласитесь сопровождать меня! Ведь вы такой крупный, видимо, сильный и, надеюсь, смелый!

Странное сочетание испуга и восторга не охватило, а схватило Вовика. Напоминаю: подобной характеристики своей особы он еще пока никем не удостаивался, и хотя этого мнения придерживалась всего-навсего девчонка, тем не менее было от чего снова напыжиться, рас-

править плечи и выпятить грудь колесом. Тут он впервые пожалел, что не умеет общаться с девчонками: ведь эта, у которой вся голова * в разноцветных бантиках, не похожа на других и толкует не о какой-нибудь ерунде, а о бан-ди-тах! Хорошо, если она просто врушa, и ему легко будет выглядеть перед ней сильным и смелым: ему-то было доподлинно известно, что он не крупный, а довольно толстый, а смелость свою он еще не имел случая проверить, но вот...

— Но вот боюсь, — с явным сожалением и еле заметным сарказмом сказала воспитанная девочка Вероника, — что в неминуемой и жестокой драке с бандитами вам будет несколько мешать ваша чуть излишняя полнота. Но этот недостаток, — в голосе ее проскользнуло уважение, — вы вполне можете восполнить храбростью и высоким сознанием своего долга воспитанного мальчика перед невинной жертвой.

— Где это ты так говорить наловчилась? — недовольно спросил Вовик, мельком подумав, не рвануть ли ему домой, вкусно и сытно поесть, а не тратить время, нервы и силы на всякие бантики с бандитами. — Я тебя просил нормальным языком все рассказывать и по порядку, а ты тут развела болтовню... Вот скажи мне толком, откуда ты узнала о бандитах, — раз. Чего они с тобой и для чего собираются делать — два. И почему ты привязалась именно ко мне — три. У вас в доме мальчишек, что ли, нет? И почему у тебя вся голова в разноцветных бантиках — четыре.

— Начнем с наименее существенного и легкого — с бантиков. — И сразу стало ясно, что отвечать она будет самым обстоятельнейшим образом. — У нас гостит бабушка Ирэна. Не Ирина, а Ирэна! Она до сих пор счи-

---

* Здесь Вовик употребил именно это слово!

тает меня маленькой и находит величайшее удовольствие в том, чтобы украшать мою голову разноцветными бантиками. И чтобы доставить радость старому, бесконечно любящему меня человеку...

— Ты... ты покороче не можешь?!

— А какая в этом необходимость? Я предпочитаю обстоятельные ответы, иначе может возникнуть множество дополнительных вопросов... Теперь о бандитах. В нашем микрорайоне обитает ужасно страшное существо, — не по внешнему облику, отличающемуся великолепной шевелюрой, — а по сути своей. Это внук известного военного врача и не менее известного ученого. Раньше это ужасно страшное существо звали Робкой-Пробкой, сейчас оно придумало себе новое прозвище — Робертина. В высшей степени глупо и безвкусно! Но — одевается! Все, все только импортное! — восторг и презрение чередовались в голосе воспитанной девочки Вероники. — Сейчас он организовал банду, а она избрала его шефом. Конечно, никаким демократизмом на бандитских выборах и не пахло. Просто Робертина всех запугал, к тому же он ку-у-у-урит! Вот он и задумал п о х и т и т ь меня, потребовать в ы к у п и на эти деньги всем бандитам купить зажигалки. Но самое потрясающе у-у-ужасное, просто сумасшествие какое-то, что я этому шефу нрав-люсь! По-моему, он давно влюблен в меня и буквально не дает мне прохода. Пре-сле-ду-ет! Догадываюсь, что Робертина имеет насчет меня серьезные намерения. Жениться ему, естественно, еще рано, но ведь это такой тип, что...

— Знаешь, что?!?!?! — Вовик от очень сильнейшего возмущения еле-еле пересилил яростное желание вырвать из волос воспитанной девочки Вероники хотя бы половину разноцветных бантиков и рас-ТОП-тать их! — Хватит молоть ерунду!

— Любовь, к вашему сведению, не ерунда! И если вы не испытывали этого высокого и прекрасного чувства...

— И не собираюсь испытывать! Нужно мне это... как его?... чувство, как... как пе-ту-ху трос-точ-ка!

Из каждого голубого глаза воспитанной девочки Вероники выскользнуло по одной слезинке, и каждая ненадолго задержалась на щеках.

— Пе... пе... петух с тросточкой... — прошептала она. — Какая пошлость... Неужели вы ничего-ничего-ничего не знаете о любви? Не читали о ней? Не видели в кино или театрах? Неужели вы не заметили этого высокого и прекрасного чувства хотя бы в телевизионных передачах? Не наслаждались стихами и песнями о любви? Как мне жаль вас... Была бы я грубой, я так бы и бросила вам в лицо: эх вы, петух с тросточкой!.. Но мне жаль, ах, как мне жаль вас...

Вовик и сам сейчас жалел себя. Конечно, не нашлось бы силы, которая могла заставить его признаться (пусть даже мысленно!) в том, что ему (подумать — так стыд берет!) приятно слушать эту, вся голова в разноцветных бантиках... И не вырвать хотя бы половину из них ему сейчас хотелось и тем более не рас-ТОП-тать их, а... Никому, никогда, даже самому себе не признается он, какое желание возникло у него в сердце... Вовик тут же настолько испугался и застыдился этого желания, что почувствовал себя способным немедленно броситься в драку с бандитами, а там — будь что будет.

А тут еще, как назло, как нарочно, видимо, для того, чтобы измучить его, бедного, истерзать, унизить его, несчастного, воспитанная девочка Вероника молчала. То трещала, словно несколько сорок враз, а тут молчала и молчала.

«Видно, здорово на меня обиделась... А вдруг она

сейчас уйдет?!?! — неожиданно и очень-очень сильно испугался Вовик. — Возьмет да и... и... никогда больше... никогда...»

— Чего ты обиделась? — осторожненько прошептал Вовик. — Да знаю я про эту самую любовь. И читал, и видел, и разговоры всякие слышал... Вот смотришь в кино или по телеку на нее и ждешь, чтоб поскорее она кончилась, и показывали бы что-нибудь интересное... Давай рассказывай дальше. — Он хотел произнести это снисходительно, а получилось почти-почти умоляюще, и он из краснощекого сразу стал краснолицым и немного красноухим.

Воспитанная девочка Вероника ответила достаточно равнодушным тоном:

— Могу продолжить, если вы так настаиваете. Хотя теперь у меня нет оснований надеяться, что мы с вами поймем друг друга. Вот вы употребили по отношению ко мне слово привязалась, рассчитывая им обидеть меня или даже оскорбить. А это — благородное понятие. Еще нужно заслужить, чтобы я к вам привязалась... Далее. Конечно, в нашем доме много мальчиков, но вы же знаете, какие вы все... — И разноцветные бантики на ее голове насмешливо задрожали. — Бабушка Ирэна утверждает, что сейчас истинных рыцарей днем с прожектором не найдешь. Вы же поначалу показались мне способным уж если не на истинное рыцарство, то по крайней мере на обыкновенную порядочность... Далее. Вас удивляет мой слог, язык, обороты речи, словарный запас? Просто я много читаю, общаюсь с образованными людьми, сама готовлюсь стать высокообразованным человеком... Итак, согласны вы меня сопровождать? — тем же достаточно равнодушным тоном спросила она. — Или вас еще что-нибудь интересует?

— Все мне ясно, — самым наиунылым тоном ответил

Вовик. — А как это — сопровождать? Куда? Зачем? Когда?

— Быть при мне неотлучно вот с данного момента. Ведь меня могут з а х в а т и т ь в любой момент! И не могу же я целыми днями и вечерами сидеть дома, боясь выйти пройтись?

— Хорошо, хорошо, хорошо, — еще наиунылее сказал Вовик, хотя ничего, даже приблизительно, хорошего не испытывал, в душе у него была одна пустота. — Не понимаю я... — с болью признался он, и у него даже в горле пересохло от тяжелых переживаний, основным и наиболее мучительным из которых было сознание своего полного бессилия перед воспитанной девочкой Вероникой. — Ну, захватит тебя этот Пробка-Робка...

— Произносится наоборот: Робка-Пробка. Но сейчас он шеф банды по прозвищу Робертина.

— Ну, Робертина тебя захватит. А куда он тебя денет? Кто ему какой выкуп за тебя даст? Позвонят родители или бабушка в милицию и...

— Робертина никакой милиции не боится, — голос воспитанной девочки Вероники стал гордым, а все разноцветные бантики на ее голове приподнялись. — Его дед имеет огромные заслуги перед государством, и его, деда, нельзя даже нервировать. Посему Робертина никого не боится. В прошлом году, например, Робка-Пробка, случайно, правда, выбил из рогатки глаз одному пожилому человеку. И его, жесточайшего хулигана, в милицию даже не вызывали! Не перебивайте меня! — капризно прикрикнула она *. — Представляете, К Т О мне угрожает?! Вот я и прошу вас стать моим избавителем! Вступить в неминуемую жестокую драку с бандитами и спасти

---

* Так, уважаемые читатели, воспитанные девочки не поступают. Примите это, пожалуйста, к сведению.

меня! Ведь я лишена возможности даже посоветоваться с кем-нибудь. Я бандитами предупреждена. Либо спасайте меня, либо я покорно буду ждать своей у-у-у-у-ужасной участи...

Напряженно соображая, так напряженно, что заболело в висках, Вовик постарался проговорить самым решительным тоном, на какой только был способен:

— Зато я знаю, с кем мне посоветоваться. По-моему, Робка-Пробка вас всех просто обдуривает и запугивает. Вот тебе пример! С глазом-то! Это же мой знакомый Григорий Григорьевич, который сейчас у одной старушенции собаченцию караулит! Ему глаз-то Робка-Пробка выбил! И не попало этому хвастливому бандиту только потому, что Григорий Григорьевич его деда пожалел! А ты: даже в милицию Пробку-Робку не вызывали!

— Это совершенная правда?

— Еще какая! Григорий Григорьевич мне сам сегодня рассказывал!

— О, это значительно меняет мое мнение о Робертине, — задумчиво и не без сожаления проговорила воспитанная девочка Вероника. — Если он такой беспардонный лжец и хвастун, то ему вообще верить опасно.

— А чего я тебе говорил?

— Но сопровождать меня все равно необходимо. Я убеждена, что, если рядом со мной не будет мужественного человека, меня схватят!

— Сегодня ты можешь дома посидеть? — безнадежным голосом спросил Вовик и деловито объяснил: — Понимаешь, занят я сегодня, честное слово. В тридцать третьей квартире караулит собаченцию Григорий Григорьевич, а старушенция не идет и не идет.

— А, это у Анастасии Георгиевны! Ее собачка самая злобная и капризная во всем нашем микрорайоне. По всей вероятности, хозяйка ее уехала к собачьему гипно-

тизеру по фамилии Шпунт. Я вчера для нее узнавала его адрес и телефон.

— Скажи-ка мне быстро номер телефона этого гипнотизера и подожди меня здесь! — горячо попросил Вовик. — Я только сбегаю к Григорию Григорьевичу, а потом мы с тобой обо всем договоримся!

— Рада оказать вам любую услугу, — охотно согласилась воспитанная девочка Вероника, и Вовик помчался в тридцать третью квартиру, твердя про себя номер телефона.

Едва открыв двери, Вовик сообщил его и имя старушки Григорию Григорьевичу, объяснил, куда она уехала.

— Мы с Джульетточкой ни в каких гипнотизерах не нуждаемся! — обрадовался тот, опуская на пол собаченцию, и тут же позвонил по телефону собачьему гипнотизеру по фамилии Шпунт. Разговор с ним возмутил Григория Григорьевича, и, рассказывая Вовику о нем, он то и дело вскакивал, пробегал по комнате, снова вскакивал и несколько успокоился лишь тогда, когда Джульетточка жалобно заскулила.

Оказалось, что Анастасия Георгиевна спит крепчайшим сном и уже невозможно определить, человечьим или Джульетточкиным, ибо этот, с позволения сказать, гипнотизер все перепутал и сам ничего понять не может. Помочь ему в состоянии только сама собачка, которую и необходимо немедленно доставить к пострадавшей.

— Какой же он гипнотизер?! — продолжал возмущаться Григорий Григорьевич, обращаясь к Джульетточке. — Он человека разбудить не может, а мы при помощи обыкновенной кастрюли вылечились!

— Собаченция вам оказалась дороже меня, — с очень горькой обидой сказал Вовик, а вспомнив воспитанную девочку Веронику, добавил: — Не смею вас задержи-

вать. Простите, а когда же мы будем и будем ли мы вообще искать Иллариона Венедиктовича?

— Обижаться тебе нечего, — сердито отозвался Григорий Григорьевич, бережно беря тянувшуюся к нему Джульетточку на руки. — Во-первых, в историю с Анастасией Георгиевной мы попали именно из-за того, что искали твоего Иллариона Венедиктовича. Во-вторых, никого никогда и нигде нельзя оставлять в беде, если имеешь возможность помочь. В-третьих, завтра же с утра нам будет известен нужный адрес и телефон. Так что иди и спокойно занимайся своими делами. А завтра часиков в девять приходи ко мне. Сейчас напишу тебе адрес. Телефона у меня нет и уже, видимо, не будет.

По лестнице Вовик спускался не спеша: во дворе его ждала еще более сложная забота — воспитанная девочка Вероника. Даже самому себе он не смог бы сказать ничего определенного: рад он знакомству с ней или сожалеет о нем. Если бы не этот Робка-Пробка с его бандой!..

И — неминуемая жестокая драка... Вовик-то в жизни дрался всего четыре раза, и все четыре раза ему здорово досталось: в двух случаях расквасили нос, в двух случаях поставили крупных размеров синяки, и оба под правым глазом. Так что ввязываться в драку, да еще с несколькими бандитами, не было никакого смысла — только позориться перед воспитанной девочкой Вероникой.

Она встретила Вовика с таким скучающим видом, словно ни капельки его и не ждала. Он сразу же и очень-очень сильно обиделся, но сдержался и чуть ли не виноватым тоном сообщил:

— Завтра в девять утра я по важному делу должен встретиться с Григорием Григорьевичем. Ну, с тем самым... И не знаю, когда освобожусь.

— Неужели вы вообразили, что я вас стану упрашивать? — И все разноцветные бантики на голове воспитанной девочки Вероники удивленно, почти презрительно закачались.

— А ты что, надеялась... — начал было Вовик возмущенно, но тут же осекся и пробормотал: — Не виноват же я, что у меня с утра важное дело? Должен ведь я разыскать генерал-лейтенанта в отставке! От него моя судьба зависит, было бы тебе известно!

Воспитанная девочка Вероника понимающе взглянула на него, тихо и сочувственно улыбнулась, сказала:

— Я вовсе не намерена мешать вам. Располагайте временем по своему усмотрению. Надеюсь, вы не забудете моей просьбы. Меня вы можете найти завтра в шестнадцатой квартире. Желаю вам всего наилучшего.

— Я тебе тоже, — пролепетал Вовик, и хорошо, что воспитанная девочка Вероника, уходившая медленно и гордо, не видела, как он из краснощекого превратился в краснолицего, красношеего и красноухого. Он даже не заметил, как мимо прошел с Джульетточкой на руках Григорий Григорьевич, а тот не заметил мальчишки, потому что беспрестанно обменивался с собачкой многозначительными взглядами.

А Вовик, низко опустив тяжелую от множества несчастных и тревожных мыслей голову, с некоторым удивлением, но равнодушно отмечал, как от разных переживаний непривычно колотится сердце, однако больше всего поражался тому, что не может никак подняться со скамьи — до того у него ослабли ноги. Подумать только: он не ел целый день! Это он-то с его замечательнейшим аппетитом, с его-то умением и опытом сытно и вкусно поесть!

Он попытался вспомнить события прошедшего дня, и ничего не получалось: все у него в голове, тяжелой от

множества несчастных и тревожных мыслей, *преептуалось*. То ему представлялось, что он с Григорием Григорьевичем весь день разыскивал воспитанную, вся голова в разноцветных бантиках, девочку Веронику, то поражался неожиданно возникшей дружбе Илариона Венедиктовича с Джульетточкой, то не мог сообразить, как спасти Анастасию Георгиевну от Робки-Пробки, который собирался похитить ее и требовать выкупа от собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт...

Но поразительнее всего было то, что Вовик и не хотел есть, что его и не тянуло домой. Ему ничего не хотелось. Вернее, сидеть бы вот так, бессильно вытянув совершенно ослабевшие ноги и не поднимая головы, тяжелой, как вы помните, уважаемые читатели, от множества несчастных и тревожных мыслей, и подошла бы к нему — вся голова в разноцветных бантиках — воспитанная девочка Вероника и спросила бы своим странным, необычным языком:

— Простите, не могли бы вы уделить мне, несмотря на вашу большую занятость, хотя бы немножечко времени и, если я этого достойна, чуточку внимания?

И когда Вовик ответил бы небрежно, очень устало, что пожалуйста, так уж и быть, уделю вам и время, и внимание, потому что именно так поступают истинные рыцари, которых сейчас днем с прожектором не найдешь, она сказала бы со слезами в голосе и в голубых глазах:

— Знаете, в кинотеатре «Кристалл» идет очень замечательный фильм о любви. Не могли бы вы доставить мне истинно огромное удовольствие и великодушно пригласить меня...

— Ни за какие коврижки! — ответил бы он с презрением, даже и не взглянув на нее. — Иди смотреть про любовь со своим Пробкой-Робкой!

И Вовик не встал, а вскочил и яростно зашагал прочь от этого дома, где в шестнадцатой квартире живет, вся голова в разноцветных бантиках, воспитанная девочка Вероника, до которой ему нет никакого дела и видеть которую он больше не намерен, потому что даже думать о ней ему почти... ну, честно говоря, не очень приятно.

Пошарив по карманам, Вовик не обнаружил ни одного абонемента ни на один из видов городского транспорта и ни одной копеечки! Он тщательно вывернул карманы — пусто... Да что же это за денек такой выдался?!?! И не обида, не растерянность, а самая настоящая злоба полностью овладела Вовиком, и еще он ощутил наисильнейшую потребность кому-то за что-то немедленно и очень страшно отомстить! Вот сейчас бы ему встретиться с робки-пробкиной бандой! Он бы им...

Топать домой пешком! В такую-то даль!! Голодному!!! Несчастному!!!! Обиженному!!!!! Вот назло всем сядет он в один из видов городского транспорта, кроме такси, конечно, и поедет зайцем!!!!!! И пусть его задержит Григорий Григорьевич со своей собаченцией!!!!!!! А если Илларион Венедиктович снова вздумает спасти Вовика, то он, микроскопический государственный преступник, откажется от защиты!!!!!!!! Пусть его лучше в милицию заберут, пусть в тюрьму посадят, вот тогда, может быть, эта, вся голова в разноцветных бантиках, и поймет, кого она навсегда потеряла...

И топал Вовик, еле-еле-еле-еле переставляя обессиленные ноги, готовый на всю улицу разрыдаться от жалости к самому себе.

Теперь мы, уважаемые читатели, можем со спокойной совестью оставить Вовика, пусть себе топает, переживает и даже страдает: это ему только на пользу. От переживаний и страданий, от топанья пешком он, как говорится, не умрет, зато похудеть может.

Мы же вернемся к двум действующим лицам нашего повествования, которых давно покинули и с которыми давно пора встретиться, тем более, что в последний раз мы видели их за границей, а сейчас они уже дома, в родной стране.

Иван Варфоломеевич еще в самолете, когда объявили, что воздушный корабль Аэрофлота взял курс на Родину, со сжавшимся от счастья сердцем подумал: вот ему награда и утешение за всю его одинокую жизнь, за все несчастья и беды, горечи и неудачи, поражения и разочарования, которых немало выпало на его долю... Последние годы жизни он проживет рядом с родным единственным сыном... вот он здесь, тут, откинулся в кресле и держит родного отца за слабую руку своей сильной рукой...

— Скоро будем дома, Сереженька... скоро, скоро!

— Спасибо, папа.

Через некоторое время Иван Варфоломеевич заметил, что мысленно т о р о п и т не только самолет, но уже и машину, которая встретит их с Сережей в аэропорту, чтобы как можно скорее оказаться *дома*. Он представил себе эту счастливейшую картину: вот Сережа суетится с ним на кухне, готовя ужин, вот они садятся за стол и говорят, говорят, говорят до поздней ночи... Ведь сын впервые будет дома с отцом! Отец впервые будет дома с родным единственным сыном!

— Успокойся, папа, — погладив его слабую руку своей сильной рукой, шепнул Сережа. — Все идет отлично. Ведь скоро мы будем до-ма... понимаешь?

— Понимаю... до-ма, — отозвался Иван Варфоломеевич так умиротворенно, словно этим одним движением руки и этими двумя словами сын погасил все терзания

и мучения отца. — Знаешь, Сережа, я возьму у соседей картошки, что-то найдется в холодильнике, да и магазины у нас рядом...

— Ты сам ходишь в магазин?! — вырвалось у Сережи. — У тебя нет прислуги?

— А зачем мне она? — удивился Иван Варфоломеевич. — Два раза в неделю, а иногда и чаще, ко мне приходит старушка, прибирает квартиру, что-нибудь мне готовит вкусненького, а по магазинам, и особенно на рынок, я люблю ходить сам. Для меня это отдых. Кстати, а почему ты до сих пор не женат?

— Знаешь, папа, я вел такой одинокий образ жизни, что даже друзей у меня фактически не было, — печально ответил Сережа *. — Смешно, но когда у меня имелась возможность, я обязательно заводил маленькую собачку, как правило, злую, капризную, и, как ребенка, воспитывал ее... Много читал, до изнеможения занимался спортом. И понятия не имел, что такое семья, домашний уют. И мечтать о нем я начал только тогда, когда стал думать о тебе, о родине... Но вот почему не женился ты?

— Даже и в голову подобное ни разу не приходило, — откровенно признался Иван Варфоломеевич. — Сначала война, потом много лет неугасимой надежды, что все вы живы... верил в чудо много-много лет... Особенно почему-то верилось, что жив именно ты. И — работа. Я трудился, не сочти за хвастовство, просто самозабвенно. Поэтому кое-что и удалось... Скоро, скоро уже, Сереженька!

Когда объявили, что самолет идет на посадку, Сережа зашептал:

---

* В дальнейшем, уважаемые читатели, я буду называть его так в присутствии одного Ивана Варфоломеевича, а во всех остальных случаях — Сергеем Ивановичем.

— У меня к тебе одна просьба, папа. Не удивляйся, пожалуйста, и уж, конечно, не обижайся, если я первое время не буду на каждом шагу восхищаться, восторгаться, радоваться. Знаешь, профессиональная привычка скрывать свои чувства. Я не сразу отвыкну от себя того, каким я был там, откуда мы с тобой, к счастью, улетели. Ты понял меня?

Кивнув несколько раз, Иван Варфоломеевич подумал: «Кто же еще поймет тебя, мой мальчик? Кроме меня, отца? Я даже предчувствую, готов к тому, что не все у нас с тобой сразу пойдет гладко. Ведь мы из разных миров, из разных государств. Для тебя, милый, многое будет сначала не только непонятным, но и неприемлемым. Но рядом буду я, и все образуется, все будет хорошо... замечательно все будет!»

Иван Варфоломеевич настолько сам успокоил себя, что мысли его неожиданно обратились к эликсиру *грандиозус наоборотус,* который поможет создать в самом недалеком будущем зверюшек-игрушек. Эликсир в голове у него и в записной книжке, можно сказать, готов. Осталось провести некоторое количество опытов, и можно ознакомить научный мир с любопытнейшим, скромно выражаясь, открытием. И как не благодарить судьбу, что сын станет свидетелем такой победы отца!

Хотя Иван Варфоломеевич не просил встречать его, в аэропорту собралась большая группа сотрудников лаборатории.

Сережа с удивлением взглянул на отца, тот в недоумении пожал плечами, но все тут же объяснилось: за время отсутствия руководителя проведен удачнейший опыт, и у сотрудников не было терпения откладывать столь радостную новость хотя бы до завтра.

— Дорогие коллеги! — ответил растроганный Иван Варфоломеевич. — Благодарю вас за новость, но и я кое-

что привез. Завтра у нас праздник! А теперь позвольте поделиться с вами моей отцовской радостью. Знакомьтесь — мой сын Сережа. И пока — никаких вопросов. Вы только подумайте: рядом со мной, вот он, мой сын! Сергей Иванович Мотылечек! Прошу любить и жаловать!

И когда, казалось, поздравлениям так и не будет конца, Сергей Иванович жестом попросил всех молчать и, видимо, с трудом сдерживая волнение, проговорил:

— Мы с папой сердечно благодарим вас за встречу и поздравления. А мне позвольте...

«Он медленно опустился на колени и долгим поцелуем приник к траве на родной земле», — как потом рассказывал Иван Варфоломеевич, а сейчас он с восторгом и умилением думал: «Не сдержался, мальчик, не выдержал, милый! Забыл свою профессиональную привычку — не выдавать чувств. Да разве можно сдержать любовь к родине?!»

Дома, едва осмотрев квартиру, Сережа заметил:

— Для большого ученого ты живешь слишком уж скромно. У нас... прости, папа, **там** ты бы имел по крайней мере особняк.

— Там... — с горечью повторил Иван Варфоломеевич. — А **здесь** зачем мне особняк? В нем лучше разместить детский садик. У нас их до сих пор недостаточно. Ты, Сереженька, сначала приглядись ко всему, старайся постепенно все понять, ко мне почаще обращайся.

— Во всяком случае, я буду с тобой предельно откровенен, — сказал Сережа. — Итак, первый вечер мы проводим вдвоем.

Но все получилось не так, как было задумано. Не успел Сережа принять ванну, как к ним п о в а л и л и с поздравлениями чуть ли не из каждой квартиры. Они остались вдвоем только поздним-поздним вечером.

— Милые, добрые, деликатные люди, — с уважением отметил Сережа. — Никто не приставал с расспросами, а я так боялся этого.

— Тебе бояться ничего не надо, — посоветовал Иван Варфоломеевич. — Главное, не надо торопиться с выводами. Вот я закончу опыты, ты закончишь свои дела, и мы ненадолго махнем куда-нибудь.

— Давай, папа, сначала закончим дела, а потом будем думать об отдыхе. Значит, могу я завести собачушку?

— Да хоть кроликов разводи!

— Ну, а дома у нас, папа, надеюсь, появятся зверюшки-игрушки раньше, чем у других? — Сережа рассмеялся. — Или это будет секретное производство?

Иван Варфоломеевич пожал плечами:

— Это не мое дело. Да и засекречивать тут нечего. Я уже говорил тебе, Сереженька, что я счастлив, имея возможность посвятить свою жизнь любимому делу. Пойми, что вот-вот осуществится моя да-а-а-авнишняя мечта, и я доставлю детям необыкновенную радость.

— Желаю тебе успеха, папа. Я принесу чай.

Увлажненными глазами смотрел Иван Варфоломеевич вслед Сереже, а когда тот вернулся, сказал:

— Я счастлив, что ты будешь свидетелем завершения моих трудов... Вкусная заварка... А когда мы будем думать о твоей работе?

— Ты же сам советовал мне не торопиться. Подумаю.

Сладко, широко и громко зевнув, Иван Варфоломеевич удивленно и виновато произнес:

— Прости. Вдруг страшно захотелось спать. Ни с того ни с сего. Я никогда так рано...

— Дорога, папа. И переживаний было достаточно. Я и то...

— Придется лечь, — полувопросительно сказал Иван

Варфоломеевич и зевнул еще слаще, еще шире и еще громче. — Видимо, это радость обессилила меня. Прости, Сереженька, я лягу. А собирался...

— Я тоже, папа, посижу еще совсем немного.

Но, уложив отца в постель, Сережа действительно долго не сидел, а прошел в кабинет и принялся внимательно его осматривать.

И я пока не знаю, уважаемые читатели, что же происходило: то ли сын интересовался, в какой обстановке жил без него отец, то ли агент иностранной разведки приступил к выполнению задания?

А нам с вами перед завершением этой главы предстоит вернуться на несколько часов назад и посмотреть, что же происходит в квартире собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт, где крепко-накрепко заснула Анастасия Георгиевна.

Хозяин, маленький, юркий, раздражительный, сквернохарактерный, сам чем-то, извините, напоминал своих пациенток. Он беспрестанно вертелся на стуле, торопливо семенил по комнате и многословно, бестолково рассказывал Григорию Григорьевичу, нежно прижавшему к груди испуганную Джульетточку, о том, что произошло с Анастасией Георгиевной, а почему с ней **это** произошло, он и понятия не имел. В ответ же он услышал суровый голос:

— Подсудное дело, гражданин. Если вы сейчас же не разбудите пострадавшую, я вызываю «скорую помощь» и в любом случае сообщаю о вашей халтурной деятельности в милицию. Вы отличаетесь либо нижайшей квалификацией, либо профессиональной непригодностью вообще!

— Не пугайте меня! — взмолился собачий гипнотизер по фамилии Шпунт. — У меня и так повышенная нервозность! Не вам судить о моей квалификации, а репута-

ция моя безупречна! Мне принадлежит важнейшее научное открытие! Я первым доказал, что комнатные животные дуреют, в основном, от телевизора! Многочасовых т о р ч а н и й у голубого экрана их маленькие нервные системочки не выносят! Давайте собачушку, идем смотреть старушку! Я заговорил стихами — не к добру! И рифма-то какая, так и просится на ум: не к добру — помру! Ох, как я взвинчен, как я взвинчен!

— Развинчу! — грозно пообещал Григорий Григорьевич, и они прошли в кабинет, где он внимательно рассмотрел лицо спавшей на кушетке Анастасии Георгиевны, так же внимательно прислушался к ее дыханию и удивленно констатировал: — Прекрасный сон!

— Сон-то прекрасный, — уныло согласился собачий гипнотизер по фамилии Шпунт. — Но случилось что-то непонятное. Вы в курсе того, как устроен человеческий мозг? Вот у нее что-то с ним.

— Устройство человеческого мозга я примерно знаю, — грозно заверил Григорий Григорьевич. — А вот с устройством человеческой совести вы в курсе? Она у вас в лечении не нуждается! Потому что начисто отсутствует!

— Клевета!!! Сейчас я снова взвинчусь!!!

— Рррразвинчу!!! Почему на всех видах городского транспорта зайцем ездите?

— Я и в такси бесплатно езжу! — гордо воскликнул собачий гипнотизер по фамилии Шпунт. — Я внушаю шоферам, что они будто бы берут у меня деньги, а иногда я даже и сдачу получаю! Это, к вашему сведению, называется научными опытами! Я тренируюсь!

— Отвечать будете за свои тренировки! Жульничеством это называется, к вашему сведению!

— Но вас-то я ни разу не обманывал!

— Потому что не удавалось!

— Давайте собачушку, начнем будить старушку!

— Джульетточки я вам не доверю, — отчеканил Григорий Григорьевич. — Где у вас телефон? Я вызываю ноль-три, будете препятствовать — вызову ноль-два!

— Но без собачушки мне не разбудить старушки! Кстати, а почему она такая скромная?

— Потому что я ее сегодня вылечил, — с оттенком гордости сообщил Григорий Григорьевич.

— Не может быть! Я единственный в городе излечиваю этих четвероногих психопаточек!.. Ну, а как вам удалось?

— Кастрюлей. Обыкновенной кастрюлей зеленого цвета.

— Не морочьте мне голову! Мне необходимо, чтобы собачушка затявкала!

— Джульетточка, Джульетточка! — ласково позвал Григорий Григорьевич. — Потявкай, пожалуйста! Ну! Тяв, тяв!

Собачка подумала и выполнила просьбу своего убийцы-спасителя.

— Не так! Не так! — недовольно прокричал собачий гипнотизер по фамилии Шпунт. — Злобно надо тявкать, злобно! — Он встал на четвереньки, попрыгал и потявкал, встал и устало произнес: — Примерно так.

С удивлением смотря на него, Джульетточка затем вопросительно взглянула на Григория Григорьевича. Тот кивнул, и Джульетточка, как прежде, разразилась злобным, пронзительным тявканьем.

Анастасия Георгиевна, не открывая глаз, попробовала тихо и неуверенно ответить ей, но медленно открыла глаза, долго смотрела в потолок, видимо, пытаясь что-то вспомнить, прошептала:

— Мне показалось, что я слышала голосочек Джульетточки. Где она? А я где?

Помогая ей сесть, Григорий Григорьевич невозмутимейшим тоном объяснил:

— Вот ваша очаровательная Джульетточка, излеченная мною при помощи кастрюли от всех нервных недугов, а также злобности и прочего нехорошего. Вы находитесь в квартире бессовестного человека, который ездит бесплатно на всех видах городского транспорта, в том числе и на такси. Заяц-дармоезд-гипнотизер. А еще выдает себя за собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт. Все у него ненастоящее, я так полагаю.

— Позвольте, позвольте, но хотя бы фамилия-то у меня все-таки настоящая!

— Очень сомневаюсь, — уверенно произнес Григорий Григорьевич, помогая Анастасии Георгиевне встать.

Со временем, уважаемые читатели, вам предстоит убедиться, что он во всем был прав.

Глава под номером семь и под названием

Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство,

или

роль случайностей в жизни человека

Вам, верно, приходилось замечать, уважаемые читатели, что иногда, а может, и довольно часто, случайности в жизни человека играют достаточно огромную роль.

И в нашем повествовании, особенно в данной главе, будет несколько случайностей, и некоторые из них самым коренным образом изменят ход событий или ускорят его.

Вот, казалось бы, какую можно найти связь между малосольными огурчиками и возвращением генерал-лейтенанта в отставке Иллариона Венедиктовича Самойлова в детство?

А случилось именно так. Кроме необыкновенной любви к мороженому Илларион Венедиктович испытывал еще одну гастрономическую страсть — он обожал малосольные огурчики. Он приготовлял их сам, то есть сам выбирал их на рынке, долго и придирчиво выбирал, затем с такой же тщательностью выбирал разные специи — чеснок, укроп, смородиновый лист. А дома начи-

налось с в я щ е н н о д е й с т в и е. Сначала приготовлялся рассол, в него каждый огурчик укладывался отдельно, вымытый, осмотренный со всех сторон и обласканный...

Огурчики получались превосходными по вкусу, необыкновенными по запаху, и Илларион Венедиктович, которому врачи давно запретили употреблять в пищу много соли, только тут иногда и отводил душу.

И в этот знаменательнейший в его жизни день, когда сама судьба просто заставила его сделать первый шаг к возвращению в детство, Илларион Венедиктович за обедом как-то уж очень особенно увлекся замечательными огурчиками, оправдывая себя тем, что засол получился на редкость удачным.... И еще одна немаловажная деталь: врачи ограничили Илларионa Венедиктовича и в употреблении жидкости, то есть ему нельзя было много пить даже обыкновенного чая. Поэтому после обеда он и обошелся одним стаканом, вымыл посуду, прибрал на кухне и отправился, как вчера договорился с друзьями, в лабораторию Ивана Варфоломеевича.

А тот, подведя с сотрудниками итоги работы над эликсиром *грандиозус наоборотус* и придя к единодушному мнению, что в принципе изобретение готово, в честь такого выдающегося события разрешил коллегам отправляться по домам и отдыхать кто как пожелает. Сам Иван Варфоломеевич остался в лаборатории, надеясь в спокойной обстановке посидеть с друзьями и о многом с ними посоветоваться.

Вот тут-то и случилась совершенно случайная случайность (не имеющая ПОКА никакого отношения к малосольным огурчикам Илларионa Венедиктовича). Первую порцию эликсира *грандиозус наоборотус* в количестве ста пятидесяти граммов Иван Варфоломеевич налил в мензурку, очень похожую на обыкновенный стакан. Содержимое мензурки следовало перелить в специаль-

ную колбу и поставить ее в холодильник. А тут и еще одна, правда, очень мелкая, случайность: мензурка стояла рядом с кувшином из прозрачного стекла, в котором была обычная питьевая вода.

Иван Варфоломеевич что-то замешкался, потом вдруг засуетился, разволновался, потому что все его существо было переполнено радостью и каким-то неясным беспокойством, и, чтобы успокоиться к приходу друзей, занялся скучнейшей, но требующей сосредоточенности работой — проверкой расчетов.

В это время и пришел изнывающий от жажды Илларион Венедиктович. и в это же время Ивана Варфоломеевича вызвал к себе директор института для небольшого, но важного и срочного разговора.

Увидев мензурку, похожую на обыкновенный стакан (наполненную эликсиром *грандиозус наоборотус*!), да еще стоявшую рядом с прозрачным кувшином воды, Илларион Венедиктович совершенно машинально и залпом выпил его (вернее, ЕЕ, мензурку!), налил воды из кувшина, но пить не стал, вспомнив, что должен ограничивать себя в употреблении жидкости.

Вернулся чем-то явно недовольный или озабоченный Иван Варфоломеевич, следом за ним явился тоже чем-то явно недовольный или озабоченный Гордей Васильевич с огромным роскошным букетом цветов, и пока они с Илларионом Венедиктовичем ставили цветы в кувшин, хозяин лаборатории перелил эликсир *грандиозус наоборотус* (вернее, обыкновенную воду!) в специальную колбу и поставил ее в холодильник.

Случилась в высшей степени случайная случайность: генерал-лейтенант в отставке Самойлов Илларион Венедиктович первым принял солидную дозу эликсира *грандиозус наоборо-*

тус, еще не проверенного даже на мышах и морских свинках!

И внешне и по вкусу эликсир напоминал обыкновенную воду *, воздействие его на живой организм, тем более, организм человека, было никому неизвестно, даже Ивану Варфоломеевичу.

— Так вот, друзья мои, — озабоченно проговорил он, — вам-то я могу сообщить по секрету: принято решение пока результаты моей работы не оглашать. А жаль. Завтра мы приступаем к решающим опытам.

— Разумное, справедливое решение, — с заметной радостью одобрил Гордей Васильевич. — Ты ведь и сам еще не понимаешь всего значения своего открытия. Границы его применения...

— Нет, нет, я понимаю, Гордеюшка, — печально перебил Иван Варфоломеевич. — Конечно, мышами и морскими свинками мы не ограничимся. Мне просто не терпится подарить детям необыкновеннейшую радость!

— Есть предложение, — весело вступил в разговор Илларион Венедиктович. — Хотя мы и пришли, старина, поздравить тебя с успехом, но главное-то в чем? С возвращением сына тебя поздравляем! И расскажи нам об этом поподробнее.

— Пожалуйста, пожалуйста, друзья мои! — сразу оживился Иван Варфоломеевич. — Расскажу самым наиподробнейшим образом и с удовольствием! Вот только соображу, с чего начать.

— А я ведь его немножечко-то помню, правда, совсем-совсем немножечко, — задумчиво произнес Гордей Васильевич. — На коленях он у меня сиживал. В деревне, на даче, мы с ним купались и рыбачили... Но сколько

---

* Поэтому, уважаемые читатели, Илларион Венедиктович ничего и не заметил.

лет прошло! Слушаем тебя, Иванушка, — он посерьезнел, даже посуровел, — начинай.

Иван Варфоломеевич самым наиподробнейшим образом поведал обо всем том, о чем вы, уважаемые читатели, знаете. Рассказал он и о вчерашнем вечере, когда радость так рано свалила его в постель, о том, как он великолепно выспался, как замечательно они с Сереженькой сегодня позавтракали.

— Вот когда он в аэропорту медленно встал на колени, — заканчивал Иван Варфоломеевич, растроганный до умиления, скрыть которого и не пытался, — и долгим поцелуем приник к траве на родной земле, я, простите меня, старика, едва не расплакался.

В ответ ему было молчание, долгое, непонятное и достаточно неприятное.

— Вы что? — удивился и обиделся Иван Варфоломеевич. — Вы чего молчите? Конечно, история необычная, для равнодушного человека даже неправдоподобная, но вы-то, мои друзья... неужели сердца ваши не подсказывают вам...

— Сердце мое полно боли за тебя, — глухо отозвался Гордей Васильевич. — Радость твоя, милый ты мой Иванушка, святая. Обрел сына... — И он опять замолчал с низко опущенной головой.

— Но почему вы... — Видно было, что обескураженный Иван Варфоломеевич начинает сердиться, вернее, нервничать. — Почему сердце твое болит за меня, а не радуется?! Говорите прямо! — прикрикнул он. — Что вы от меня таите? Оба! Будто вы что-то задумали! Неужели вы полагаете, что иностранному агенту разрешили вернуться только потому, что он мой сын? Что попросту пожалели меня? Да?

— Ты сначала успокойся, — ласково, но настойчиво попросил Илларион Венедиктович. — Мы собрались, что-

бы побеседовать неторопливо, обстоятельно, откровенно, как и подобает старым друзьям, и всесторонне обсудить важные для всех нас вопросы. А ты, извини, сразу и распетушился. История с твоим сыном, конечно, и необычная, и удивительная, но мало ли чего в нашей жизни не бывает!

— Вот именно, вот именно... — пробурчал несколько успокоившийся Иван Варфоломеевич, но тут же вскочил. — Я верю, слышите вы, оба! Верю, что родина благотворно воздействует на Сереженьку! Не может быть, слышите вы, оба, не может быть, чтобы из его души вытравили все русское, все, все, если хотите, советское! Пусть он попал **туда** несмышленым мальчуганчиком, пусть из него пытались воспитать фашиста, но когда он поживет у нас, поживет со мной, наконец, с вами, старые ворчуны, пообщается... Ведь кровь-то у него моя и его матери. Ну, а как бы вы на моем месте поступили? Отказали бы ему, да? Дескать, хоть ты и мой сын, но...

— Такой, прости, маразматической глупости нам и в головы прийти не могло! — не перебил, а прямо-таки обрезал друга Гордей Васильевич. — Ты все сделал абсолютно правильно. Но мы тебе, Иванушка, и слова толком сказать не успели, а ты нас уже вовсю обвиняешь, да еще неизвестно, в чем!

— Так говорите! А не играйте в молчанку!

Гордей Васильевич, тяжко и громко вздохнув, переглянулся с насупившимся Илларионом Венедиктовичем и неторопливо, подчеркнуто неторопливо, сдерживая себя, и все-таки с очень сильным волнением начал:

— Болеем мы за тебя, Иванушка, серьезно, особенно я. Вопрос о твоем сыне, как о бывшем иностранном агенте, нас не касается. Для этого есть соответствующие организации. Им прошлое Сержа...

— Се-ре-жи!!!

— Прости, Сережи. Так вот, его прошлое достаточно известно, а мы...

— Да он и сам ничего скрывать не собирается! Если бы вы, особенно ты, Гордей, видел, как он медленно опустился на колени... Впрочем, я не намерен вас уговаривать. В конце концов вы просто обязаны поддержать меня! Сегодня вы, слышите вы, оба у меня в гостях! У нас с Сереженькой в гостях! — совсем нервно крикнул Иван Варфоломеевич. — И только попробуйте отказаться!

— Благодарим за приглашение, обязательно будем, — негромко и мягко сказал Илларион Венедиктович. — Только никак не возьму в толк; чего ты действительно петушишься?

— Неужели вы не понимаете, что своим недоверием к моему сыну вы до глубины души оскорбляете не только его, но и меня?!

— Балда ты после этого, прости, — громко, но почти ласково проговорил Гордей Васильевич. — Честное слово, обыкновенная балда.

— А вы кто?

— А мы верные друзья балды, — весело ответил Илларион Венедиктович и сразу серьезно продолжил: — Шутки шутками, но какие мы, извини, к черту, друзья, если не способны быть откровенными до конца и не обижаться, учти, на эту откровенность! Будь любезен беседовать с нами без п е т у ш е н и я. Пойми, мы всей душой разделяем твои радости — и научную, и отцовскую тем более.

— Мы не видели тебя таким счастливым никогда, — поддержал Гордей Васильевич. — Но и таким п е т у ш и н ы м мы вообще тебя не могли представить. Короче: радуйся, раскисай от счастья и отцовского, и научного. Однако не забывай, какое в твоих руках изобретение.

— Зверюшки-игрушки, — недоуменно и растерянно проговорил Иван Варфоломеевич. — Детская радость...

И в наступившей, теперь уже настороженной и даже тревожной, тишине голос Гордея Васильевича прозвучал грозным предупреждением:

— У тебя не возникало мысли, что твой эликсир может быть использован на человеке?

— Мелькала, мелькала такая мысль, — совсем растерянно признался Иван Варфоломеевич. — Но именно мелькала, так сказать, мгновенно промелькивала, не более. Но серьезно развивать эту идею я не намерен. Слишком уж фантастично. Да и к чему? Какое практическое значение может иметь реализация этой идеи? И почему именно ты задумался о ней? Сделай одолжение, объясни!

— Во-первых, не мне одному такая идея пришла на ум. Во-вторых, если она пришла на ум хотя бы одному, то обязательно еще кого-нибудь заинтересует. Вот Иллариоша уже собирается испробовать твое изобретение на себе.

— Ерунда какая...

— Пусть. Пока это выглядит сказочно, но заманчиво. С помощью твоего эликсира Иллариоша вознамерился снова стать маленьким, вернуться то есть в детство, и перевоспитывать современных потомчиков. Вот тебе один из вариантов применения твоего эликсира.

Иван Варфоломеевич, сколько ни сдерживался, но как-то смешно прохихикал и спросил:

— Это правда, Иллариоша?

— Я не хотел бы говорить об этом с этаким, прости, хихиканьем, — рассердился Илларион Венедиктович. — И не уполномочивал уважаемого ученого выступать от моего имени. Я надеюсь, Иван, обсудить с тобой мое намерение совершенно серьезно.

— Ну... обсудить, конечно, можно, но... — Иван Варфоломеевич улыбнулся невольно и с нотками явного удовлетворения в голосе продолжил: — Друзья мои, вы заблуждаетесь. Своих зверюшек-игрушек я противопоставляю зарубежным игрушкам-пушкам. Я верю, что помогу детям стать счастливее. Но... но... — он беспомощно развел руками. — Но если найдутся злые умы, бесчеловечные и жестокие...

— Найдутся, найдутся! Если уже не нашлись! — резко перебил Гордей Васильевич. — Не извольте сомневаться!

И опять наступило молчание, на сей раз какое-то неопределенное, но с ощутимой напряженностью. Все трое старались придать своим лицам этакое невыразительное выражение, и каждый будто бы сосредоточенно чем-нибудь занимался. Иван Варфоломеевич поправлял цветы в кувшине. Илларион Венедиктович перешнуровывал ботинки. Гордей Васильевич безуспешно пытался вертикально установить карандаш на столе и первым нарушил сверхтягостное молчание, которое казалось уже длящимся бесконечно:

— Вот мы и высказались. Почти. Будем надеяться, что не поссорились.

— А я не намерен расставаться в таком вот настроении, — резко сказал Илларион Венедиктович. — Тем более, вечером мы встречаемся. Не будем же мы при Сергее Ивановиче сидеть этакими надутыми индюками. Итак, до вечера!

Он встал, а Гордей Васильевич сидел хмурый, суровый и бормотал:

— До вечера, до вечера... Это само собой... Но сейчас я все-таки обязан... Иванушка, друг мой милый, дорогой мой друг... будь готов со всему. Чует мое сердце что-то недоброе, болит оно за тебя. И какой же я друг,

если скрою от тебя свою тревогу! Будь начеку, Иванушка! Что-то грозит тебе!

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Иван Варфоломеевич раздраженно, помолчал и еще спросил, но уже устало: — Что ты все вокруг да около?

— Этого словами не передать, — глухо ответил Гордей Васильевич. — Я только предчувствую. Ты стал какой-то беззаботный, что ли. Будто забыл, в какое время мы живем, что происходит в мире.

— А мне надоели твои общие фразы! Чего тебе от меня надо — конкретно?.. Сережу, Сережу моего ты хочешь опорочить! Не вина, а беда моего мальчика, что у него так сложилась судьба! — почти выкрикивал Иван Варфоломеевич. — А я выполню свой долг до конца! В этом ты позволил себе усомниться?

— Ус-по-кой-ся, — четко и раздельно произнес Илларион Венедиктович. — Тебе не сказали ровным счетом ничего обидного, а ты... Даже если недобрые предчувствия и обманывают Гордеюшку, он же в этом нисколечко не виноват.

И опять наступило молчание, теперь уже очень тягостное, даже мучительное. И никто не пытался делать никакого вида, сидели неподвижно, уставясь глазами в пол. Если попробовать определить, кому из троих было тягостнее, даже мучительнее, то вряд ли это получится. Народная мудрость гласит: у каждого своя печаль, то есть хорошему человеку нисколько не легче от того, что горе другого человека больше. Но если Иван Варфоломеевич, несмотря ни на что, все-таки был в глубине души счастлив, а Илларион Венедиктович все-таки собирался осуществить свою идею — вернуться в детство и тем самым нанести удар Смерти-фашистке, — то Гордей Васильевич жестоко страдал, видя, что друг его ослеп от радостей.

Гордей Васильевич именно сейчас, во время очень уж тягостного, даже мучительного молчания, решил: он перероет все свои огромные архивы и найдет фотографию маленького Сереженьки, где-то она должна быть!

— Вечером встречаемся, — спокойно, будто ничего и не случилось, сказал он вставая. — Не подведем тебя, Иван. А то Сергей Иванович решит, что у тебя нет настоящих друзей. Во сколько приходить?

— Часам к семи, — не поднимая головы, ответил Иван Варфоломеевич. — А меня простите. Я обещаю обо всем подумать.

— Проведем вечер как всегда! — весело воскликнул Илларион Венедиктович. — Гарантирую, что и ты, и Сергей Иванович останетесь довольны.

А на улице он укоризненно сказал:

— Зря ты, Гордеюшка... Бесполезный ты затеял разговор. Во всяком случае, абсолютно не вовремя. Ивана обидел. Не способен он подозревать своего сына.

— А я и не требую этого! — сразу рассердился Гордей Васильевич. — И разговор я затеял не зря, и абсолютно вовремя. А если Иван обиделся, то сие только на пользу ему. У меня нет ни грана сомнения, что *грандиозус наоборотус* просто о б я з а н ы засекретить. И нет у меня ни грана сомнения, что Иван по простоте душевной, доверчивости своей невероятной **выболтает** все Сергею Ивановичу... И ты только представь себе, как Иван переживет известие, что он привез шпиона с заданием выкрасть его собственное изобретение, даже если этот разведчик и не его сын? А Иван убежден, что если Сергея Ивановича пустили к нам, то он обязательно его родной сын!

— Тебя что больше беспокоит: то, что иностранная разведка выдает своего агента за сына Ивана, или только то, что он шпион?

— Как ты не можешь понять, что меня беспокоит только Иван?! Ты что, забыл, что я врач? Ему не пережить ни одного из вариантов. И я хочу добиться одного: кто бы тот — Серж или Сереженька — ни был, он не должен ничего знать о *грандиозусе наоборотусе* от самого Ивана... Но вечером мы с тобой должны быть ух какими веселыми и беззаботными!

Расставшись с другом, Илларион Венедиктович сразу просто бросился к киоску с газированной водой, выпил четыре стакана, но почти не почувствовал облегчения от жажды. ЧТО-ТО ПРОИСХОДИЛО В ЕГО ОРГАНИЗМЕ. Он то испытывал желание идти быстрее-быстрее-быстрее, но через сотню метров останавливался, чтобы отдышаться, то, услышав где-то звуки ударов по мячу, еле сдерживался, чтобы не броситься туда и — го-о-о-ол!

«Как будто я возвращаюсь в детство, — радостно подумал он, не подозревая, конечно, что так оно и было на самом деле. — Жаль, что разговор об этом с Иваном придется отложить на неопределенный срок».

Но удивительнее всего было то, что даже сейчас Илларион Венедиктович ни капельки не сомневался: мечта его все равно осуществится. Откуда взялась эта непреходящая уверенность, даже ничем неоправданная самоуверенность, он не знал, да и не задумывался. Он просто был убежден в обязательном исполнении своего ставшего сокровенным желания.

Вспомнив, что жажду хорошо утоляет чай, — а жажда его все возрастала и возрастала, — Илларион Венедиктович бегом (!!!) помчался домой и у подъезда был вынужден чуть ли не упасть на скамью, чтобы отдышаться.

И тут случилась вторая случайность, правда, не такая уж и значительная: оказалось, что он прибежал к дому, из которого недавно выехал на новую квартиру.

А перед ним — на другой скамье — сидел не кто-нибудь, а краснощекий Вовик Краснощеков.

Вид у него был, как говорится, убитый.

И чтобы вы, уважаемые читатели, поняли, почему у него был именно такой вид, нам необходимо вернуться назад. Как вы, может быть, помните, Вовик должен был явиться на квартиру Григория Григорьевича к девяти часам, что он и сделал без опоздания.

На дверях квартиры была прикреплена бумага, а на ней написано: «Вовику».

Он отковырнул кнопку, развернул бумагу и прочел:

> «Вовик! Душа моя не выдержала тревожных переживаний, и я не мог не поехать навестить мою Джульетточку, которой, по-моему, плохо. Можешь найти меня у Анастасии Георгиевны. Там обо всем и договоримся в смысле поисков известного тебе лица, но адрес которого не известен.
>
> Г. Г.»

«Началось!» — печально подумал Вовик, который, между нами говоря, принял наитвердейшее решение больше не встречаться с воспитанной девочкой Вероникой не столько потому, что опасался жестокой, неминуемой драки с бандитами, а потому, что... Ну, что, по-вашему, уважаемые читатели? А? По-моему, он почти испытывал к ней то чувство, которое она называла высоким и прекрасным. А так как он понятия не имел об этом чувстве, то испугался его и решил никогда ни за что не встречаться с той, у которой вся голова в разноцветных бантиках. Но, приняв наитвердейшее решение, он тут же на одном из видов городского транспорта (не заметив, на каком!) поехал к дому, где жила ОНА. И — позвонил в шестнадцатую квартиру...

Если вы, уважаемые читатели, не испытывали этого высокого и прекрасного чувства, вам Вовика не понять. Но все-таки попытайтесь.

Дверь ему открыла очень высокая старушка, одетая в длинное, до полу, бордового цвета платье, в пенсне.

— Ве... Ве... Ве... — еле-еле-еле выговорил Вовик. — Вероника дома?

— Я бы на вашем месте, молодой человек, сначала поздоровалась, — сказала старушка, — и представилась, ибо я, увы, не имею чести знать вас. Но ваше поведение, тоже увы, меня нисколько не удивляет. Современные молодые люди, двадцать раз увы, понятия не имеют не только о подлинном рыцарстве, но и о простой, обыкновенной вежливости.

— Подлинных рыцарей, — сказал Вовик, — в наше время днем с прожектором не найдешь.

— О! — восторженно воскликнула старушка. — Это моя мысль! Следовательно, я ее разделяю. Ах, все в наше время перепуталось, перемешалось, многое стало наоборот. Поэтому позвольте представиться: бабушка Ирэна.

— Вовик, — с неожиданной учтивостью сказал он и даже вроде бы сделал попытку поклониться. — Рад с вами познакомиться.

— Позвольте предложить вам чашечку кофе, уважаемый Вовик?

— Не-е-ет... Мне это... Ве... Ве... Ве... — у него опять стал заплетаться язык, как часто бывает с людьми, которые впервые испытывают одно высокое и прекрасное чувство.

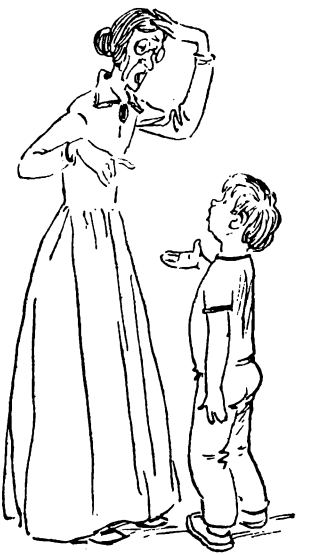
— Ве-ве-ве, как вы изволили выразиться, нет дома. Понимаете, у нее есть знакомый хулиган с иностранным именем...

— Робка-Пробка?! Робертина?!

— Примерно так. Вот у нее с ним что-то вроде хулиганского, а может, даже и бандитского свидания. Она обожает этого негодяя! — возмущенно рассказывала бабушка Ирэна, не подозревая, что каждым словом ранит бедного Вовика, у которого даже румянец на щеках совершенно исчез. — А вам, Вовик, нравится Ве-ве-ве, как вы ее называете?

— Нра... — *выдавилось* у Вовика, и он чуть не задохнулся от стыда и снова мгновенно стал краснощеким и красноухим.

— О! — бабушка Ирэна закрыла глаза, пошатнулась и оперлась рукой о стену, видимо, для того, чтобы не упасть, открыла глаза: в них был ужас. — Несчастный! Вы, Вовик, несчастнейшая личность! Вырвите Ве-ве-ве не только из сердца, если она уже успела и сумела туда проникнуть, но и из памяти! Ве-ве-ве, да будет вам известно, коварна! Ре! — бабушка Ирэна подняла вверх длиннейший указательный палец правой руки. — Комендую вам не общаться с ней! Она принесет вам не просто горе, а бедствие! Она лгунья, каких свет не видывал и больше, надеюсь, не увидит! Ложь ее безгранична! Например, родители дали мне обыкновенное, нормальное имя Ирина. Так Ве-ве-ве всех уверила, что я какая-то Ирэна! И самое ужасное заключается в том, что все, даже я сама, поверили в это!



— Я могу уйти? — еле слышно выговорил Вовик.

— Не смею вас задерживать, — с сожалением сказала бабушка Ирина-Ирэна, — но позвольте один вопрос? Что она вам насочиняла про свои, извините, дурацкие бантики?.. Так вот вам правда о них! Каждое утро она заставляет меня проводить это нелепое мероприятие! Чтобы потом врать, что **мне** это приятно!

Вовик начинал предчувствовать, что разговор вполне может оказаться бесконечным, но уйти не мог и пролепетал:

— Она же воспитанная...

— О-о-о! — простонала бабушка Ирина-Ирэна, хотела пошатнуться, но, видимо, раздумала. — Она, к вашему сведению, бедняга вы несчастная, п р и к и д ы в а е т с я таковой.

— Но ведь Вероника...

— Какая Вероника?! Эта Ве-ве-ве? Да Верочка она обыкновенная!

— Хватит! — чуть ли не завопил Вовик и совсем еле слышно добавил: — Не надо...

— О, как я вас понимаю! — с громадным сожалением воскликнула бабушка Ирина-Ирэна. — Как я вас хочу пре-дос-те-речь! Прочь, прочь, прочь от нее!!! Берегитесь! Она **залжет** вас! Бегите от псевдовоспитанной девочки Вероники! Спасайтесь от коварной девочки Верочки!

Конечно, Вовик и сам был горазд соврать при случае, и ловко, но он не подозревал, что вранье может быть таких размеров, как Вероникина-Верочкина ложь. Он и верил и не верил бабушке Ирине-Ирэне.

Вот так-то и бывает в жизни, уважаемые читатели: когда сам подвираешь, других обманываешь, и если это у тебя получается довольно неплохо, ты, конечно, дово-

лен... А вот когда тебя самого оставят в дураках, тебе это не нравится!

И Вовик спускался по лестнице оглушенный, опустошенный, с больной головой. Он до того ничегошеньки не соображал, что опустился на ступеньку, не знал, куда идти, зачем, для чего, а перед глазами у него мелькали разноцветные бантики, насмешливо мелькали, издевательски... Он пришел к ней, сопровождать ее, а она ушла к Робке-Пробке, который хотел захватить ее...

Опять у Вовика разболелась голова, ноги ослабли, но он заставил себя встать, потому что уже замерз, и усилием воли запретил себе снова опуститься на ступеньку. Ведь самое ужасное, просто сверх-сверх-сверх-ужасное, состояло в том, что ему хотелось увидеть эту лгунью Веронику-Верочку! * А она, вся голова в разноцветных бантиках, ушла к Робке-Пробке...

Вовик и не заметил, как спустился с лестницы, вышел из подъезда и сел на скамью, опять абсолютно ничего не соображая, даже не пытаясь осознать, где он находится, что с ним стряслось и что надо делать. Он понимал только одно: у него большое-большое-большое горе, какого он еще ни разу не знал в жизни... И он уже не испытывал высокого и прекрасного чувства к той, которая его безжалостно обманула, а просто страдал...

И даже когда напротив опустился на скамью Илларион Венедиктович, Вовик не сразу сообразил, где он видел этого человека, а когда узнал генерал-лейтенанта в отставке, тоже не сразу понял, что ему от этого человека требуется.

А Илларион Венедиктович сидел, бессильно расставив колени, низко опустив голову, упершись руками в

* Если, уважаемые читатели, точно передать силу этого желания, здесь мне потребовалось бы поставить 128 восклицательных знаков.

скамью, словно боясь упасть на землю. Ему не просто хотелось пить, его мучила страшнейшая жажда, такая страшнейшая, что, казалось, внутри у него все пересохло и раскалилось.

— Пи-и-и-и-ить... — прохрипел он. — Пи-и-и-ить... быстро... прошу... пи-и-и-ить...

Вот тут у Вовика хватило соображения бегом взлететь по лестнице, сказать открывшей дверь Анастасии Георгиевне, что там, внизу, у подъезда, плохо одному человеку, что он быстро просит принести попить.

Когда Вовик мчался обратно, перепрыгивая через несколько ступенек, с графином в одной руке и со стаканом в другой, боялся, как бы... как бы... как бы... Но все обошлось благополучно, и, главное, к Вовику вернулась способность соображать.

Только выпив, буквально влив в себя, почти не глотая, четыре стакана подряд, Илларион Венедиктович не скоро и нелегко отдышался, сказал все еще хриплым голосом:

— Вот спасибо, Вовик. Если бы не ты... Ну просто спас меня... Такая жуткая жажда... — Он уже медленно, наслаждаясь каждым глотком, постепенно выпил весь графин и сказал своим обычным голосом, только тихо: — Понимаешь, полакомился сверх меры малосольными огурчиками и... Ну, здравствуй, Вовик... Что же ты вчера подвел меня?

— Извините, проспал, — признался Вовик. — Я вас вчера целый день искал, но попали мы в вашу старую квартиру.

— За честный ответ благодарю. Но все-таки... Между нами говоря, я оч-чень расстроился.

— Так ведь я тоже!

— А если я назначу тебе встречу на завтра и опять на семь ноль-ноль?

— Пожалуйста, пожалуйста! — обрадованно воскликнул Вовик. — Я... я... — он тут же смутился. — Мне сегодня надо с вами посоветоваться. Понимаете, тут один тип решил организовать банду...

— Знаю, знаю... — повергнув Вовика в полнейшее недоумение, задумчиво проговорил Илларион Венедиктович. — Робка-Пробка. Он же Робертина. Внук моего старого боевого друга, тоже генерал-лейтенанта. А ты что, собираешься в эту банду вступать?

— Да нет, нет! — отмахнулся Вовик. — Тут целая история получилась. Они хотели одну девочку похитить, просить за нее выкуп, а она просила меня сопровождать ее, вступить в неминуемую жестокую драку с бандитами, а оказалось, что она сама дружит с Робкой-Пробкой. Вот я и не знаю...

— Ты отнеси графин и стакан, — сказал Илларион Венедиктович, — я что-то себя неважно чувствую. Проводишь меня домой, и по дороге мы все обсудим. Девочку эту не Вероникой зовут? Точнее, не Верочкой?

Вовик так и плюхнулся на скамью, едва не выронив из рук графин и стакан, оторопело спросил:

— Откуда вы все знаете?!

Илларион Венедиктович загадочно улыбнулся и довольным тоном напомнил:

— Отнеси посуду. Не забудь поблагодарить от моего имени. И не задерживайся, пожалуйста. Мне что-то очень не по себе.

Едва Вовик вошел в квартиру, как услышал плачущий голос Анастасии Георгиевны:

— Вы опытный злодей и в принципе, понимаете, в принципе, истязатель пожилых людей!

— Да помилуйте... — звучал в ответ виноватый и растерянный голос Григория Григорьевича.

Вовику бы не входить в комнату, а оставить графин со стаканом прямо тут, в прихожей на полу, и убежать, бегом убежать! Но ведь Илларион Венедиктович просил от его имени поблагодарить за воду! Бегом убежать нельзя было еще и потому, что не мог же он оставить Григория Григорьевича в тяжелом положении. Вот сейчас он быстренько узнает, в чем там дело, и...

И он вошел в комнату, и увидел уже знакомую для него картину: Джульетточка на руках Григория Григорьевича млеет от удовольствия, они ласкаются, понимающе переглядываются... А вокруг них, не обращавших на нее ни малейшего внимания, передвигалась плачущая Анастасия Георгиевна и то просила, то требовала, то приказывала:

— Верните мне мое сокровище! Отдайте мне мою радость! Не лишайте меня самого близкого существа! Коварный человек, прислушайтесь к своему сердцу! Может, в нем есть хотя бы капля жалости! — Увидев Вовика, она чуть ли не обрадовалась, но голос ее зазвучал еще плачевнее: — Помогите мне, милый мальчик! Сбегайте, пожалуйста, в отделение милиции! Оно недалеко, за углом! Я звонила, но по телефону никак не могла доказать, что здесь происходит вопиющее ограбление! Хуже — здесь происходит похищение!

— Ничего я не граблю, никого я не похищаю, — смущенно и виновато пробовал остановить поток ее слов Григорий Григорьевич. — Если хотите, идемте в милицию вместе, втроем. Вы, я и она! И учтите, я ни в чем не грешен. И Джульетточка сама благодарна мне за излечение и за мои чувства к ней.

— Какие у вас могут быть чувства, кроме низменных?!

— Воз-вы-шен-ны-е!

Хотел Вовик сказать несколько слов Григорию Григорьевичу и уйти, но Анастасия Георгиевна крепко взяла мальчишку за руку одной рукой и, другой рукой показывая на собаченцию, заговорила уже совсем рыдающим голосом:

— Посмотрите на нее! Что она может понимать, маленькая и миленькая? А он зачем сегодня вломился сюда? Кто его звал? Кто просил? Кто разрешил? Неужели у него нет хотя бы остатков совести? Да он просто запугал ее своей кастрюлей!

— Кастрюля ваша! — возмущенно возразил Григорий Григорьевич. — И не запугал, а вылечил! Я ее вылечил, а не ваш собачий гипнотизер!

— Шпунт — жулик! — уже сурово проговорила Анастасия Георгиевна. — Я не удивлюсь, если он окажется даже агентом иностранной разведки. У него все, все, все подозрительно. Мальчик! — Она еще крепче сжала Вовикину руку. — Вы будете свидетелем! Вот видите, он не отдает мне мою собачку в моей квартире!

— Не буду я никаким свидетелем! — решительно отказался Вовик, но руки вырвать не мог. — Отпустите меня! — взмолился он. — Меня же человек ждет! Больной! Григорий Григорьевич, меня у подъезда Илларион Венедиктович ждет! Это я ему графин с водой носил! Он плохо себя чувствует! Он за воду просил поблагодарить от его имени! А она меня держит!

— Немедленно отпустите мальчика! Он же не имеет никакого отношения к нашим отношениям. Вовик, да вырви ты свою руку!

— Мальчик, прошу тебя... Или просто отдайте мне мою Джульетточку! Вам она только для развлечения,

а я с ее помощью буду плохих детей перевоспитывать! **Ораву ораторов!**

— Вот вам будто бы **ваша** Джульетточка, — грозно произнес Григорий Григорьевич, подавая собаченцию бывшей хозяйке, та протянула к ней руки, и Вовик выскочил из комнаты.

Когда он прыгал вниз по лестнице через несколько ступенек, он уже предчувствовал недоброе, почти догадывался, что примерно ему грозит, но не хотел думать об этом, понимал что обо всем узнает сейчас же, едва выбежит из подъезда...

Иллариона Венедиктовича на скамье не было, а к ней подходила воспитанная девочка Вероника *, вся голова в разноцветных бантиках, и все они как-то удовлетворенно, самоуверенно и хвастливо покачивались.

— Добрый день, Вовик, — довольно приветливо сказала она, — что это вы зачастили в наши края? Не могу поверить, чтобы такой, как вы, оказался способен помочь беззащитной воспитанной девочке и сдержал свое обещание.

— Никакая ты не воспитанная, никакая ты не беззащитная, — сквозь зубы процедил Вовик, — и зовут тебя не Вероника, а Верочка, и ходила ты сейчас на свидание с Робкой-Пробкой!

— Все понятно, — печально и осуждающе взглянув на него, протянула она. — Все, все, все понятно! А бабушка Ирэна будто бы Ирина. Так?

— Так, — упавшим голосом отозвался Вовик. — Я сейчас приходил... к тебе. Ты просила. А ты ушла к Робке-Пробке. А я потерял Иллариона Венедиктовича.

---

* Для удобства изложения, уважаемые читатели, она пока так и будет именоваться, потому что истинная сущность ее до сих пор неизвестна.

Ему стало плохо. Он сидел вот здесь. Я ненадолго ушел, вернулся, а его нет... А он мне нужен...

— Он уехал на такси, — сочувственным тоном сообщила воспитанная девочка Вероника. — К нашему дому подкатила «Волга» с клеточками, из нее кто-то вышел, а генерал сел в нее... Да, я была вынуждена пойти на свидание с Робертиной! — гордо призналась она. — И такому, как вы, этого не понять. Я пыталась позитивно воздействовать на шефа, отговорить его от преступного замысла. Но Робертина — настоящий бандит, хотя с его великолепными волосами мог бы стать прекрасным эстрадным певцом. Он сказал, чтобы я была готова. Я пыталась всеми доступными мне средствами, в частности воспитанностью, выведать у него хотя бы время моего похищения. В ответ он нагло и совершенно в бандитском стиле хохотал. Намекал, что меня, может быть, будут пытать.

— Зачем?!

— Как зачем?! У них это принято! Бандиты похищают жертву и пытают ее, ну, хотя бы голодом, жаждой, запугиваниями, а иногда и избивают.

— Враки все это! — решительно отверг Вовик, сам испугавшись своей решительности. — Не верю я тебе больше ни капельки!

— Поступайте как вам будет угодно, — услышал он в ответ печальный голос. — Я вас ни к чему не принуждаю. Запомните только одно: нет ничего легче и проще, чем обидеть и оскорбить воспитанную девочку. Она беззащитна перед любым злом, особенно — клеветой. Вот и меня никому ничего не стоит обидеть, оскорбить, **оболгать.**

К стыду своему и ужасу, Вовик отчетливо сознавал, что не только не способен сейчас вот, сразу, уйти, бегом убежать, а готов уже поверить этой воспитанной девочке

Веронике! И как же ему хотелось, чтобы она была именно такой! Но воспоминание о Робке-Пробке чуть ли не передернуло его: неужели она настолько коварна, что сама пошла к нему?! И тут в голове у него проскочили две мысли, одна колючее другой, будто это не мысли проскочили, а раскаленные тонюсенькие иголочки — раз! раз! — пронзили мозг. Как он мог оставить доброго Григория Григорьевича в трудном положении? И почему его не дождался Илларион Венедиктович, который и о банде знает, и о воспитанной девочке Веронике?

«Постой, постой, постой», — попросил Вовик себя, что означало: не торопись, не торопись, не торопись, а иначе одним словом можешь испортить все — уйдет она, и попробуй потом встретиться с ней. Проще всего сейчас было бы не сердить ее, пусть врет, пусть сочиняет, лишь бы не уходила...

Но самого себя не послушался Вовик, спросил:

— А почему Илларион Венедиктович о тебе то же самое говорит, что и бабушка твоя?

Все разноцветные бантики на голове воспитанной девочки Вероники поникли, и она сказала усталым голосом:

— Не знаю. Понятия не имею. И не интересуюсь этим. Они очень взаимно уважают друг друга. Когда бабушка Ирэна гостит у нас, они часто встречаются. Ах, какое мне дело до того, что болтают обо мне злые люди! И вы, любезнейший Вовик, думайте обо мне, что вам только заблагорассудится! И клевещите на меня кому сочтете нужным! Не бойтесь, вам это ничем не грозит, потому что я беззащитна. Вам же незнакомо ни чувство жалости, ни сострадания. А я вам заранее все великодушно прощаю.

А он жалел ее, очень жалел, он только не мог сообразить: чем же и как помочь ей, как отучить ее так здо-

рово врать? Ведь он был не в состоянии понять, для чего она так много врет!

— Ты что собираешься делать? — пересилив и стыд, и робость, чуть ли, вернее, не страх, спросил Вовик. — Тебя ведь бандиты даже пытать собираются! Надо что-то делать!

— Буду ждать своей неотвратимой судьбы, — жалобно и покорно, но с достоинством ответила воспитанная девочка Вероника, а Вовик почти потребовал:

— Говори прямо, сопровождать мне тебя или нет? — Боясь отрицательного ответа, жестокого отказа, он торопливо продолжал: — Если ты о бандитах по-серьезному, давай что-нибудь придумывать. Быстро. Робку твоего Пробку возьмут в оборот.

И, как ни странно, говоря все это, Вовик не переставал думать о Григории Григорьевиче и Илларионе Венедиктовиче, понимая, что виноват и перед тем и перед другим.

А стоявшая перед ним девочка, какой бы она ни была, воспитанной там или наоборот, беспокоилась лишь о себе самой и прекрасно, безошибочно знала, как ей надо поступать в любом случае жизни, чтобы не только защищаться, но и нападать и — побеждать. Глаза ее медленно наполнились слезами. Они потекли по щекам, и слезинки стали разбиваться об асфальт...

— Не вздумайте утешать меня! — громко прошептала она, вытирая лицо платочком. — Я давно поняла, что вам фактически нет до меня никакого дела. Выдавая себя за серьезного человека, вы и не пытаетесь даже представить, какой опасности подвергаюсь я. Вы предпочитаете собирать обо мне клеветнические сведения и смакуете их. Мне не доставляет ни малейшего удовольствия и ваш грубый тон.

— Да как еще с тобой разговаривать?? — Вовик от возмущения, растерянности и бессилия сам был готов разреветься, да так, чтобы слезы его ПРОБИЛИ асфальт, а из окон высунулись бы перепуганные жильцы. — Ты же всего меня запутала да еще чего-то и требуешь! А нормально разговаривать ты можешь или нет?

— Дайте мне слово благородного человека, — достав из сумочки зеркальце и внимательно разглядывая в нем заплаканное лицо, которое буквально на глазах теряло следы недавней расплаканности, ответила воспитанная девочка Вероника оскорбленным тоном, — что вы во всем будете подчиняться мне.

— Под... чиняться? — насторожился Вовик. — Зачем?

— Чтобы я могла быть уверена, что на вас можно положиться.

— А зачем... это... и как?

— Ну, есть такой известный образованным людям словесный оборот! — раздраженно воскликнула она и высокомерно объяснила: — Он обозначает, что я, например, могу быть уверена, что вы меня никогда ни за что не подведете.

Вовик надолго задумался.

А мы с вами, уважаемые читатели, должны пока оставить его с воспитанной девочкой Вероникой, пусть они себе выясняют свои сложные взаимоотношения. У нас есть дела поважнее. И, прежде чем приступить к описанию самого важного дела, вернемся ненадолго, буквально на две-три страницы, в квартиру Анастасии Георгиевны.

Здесь она и Григорий Григорьевич заинтересованно и мирно беседовали, а Джульетточка с не меньшей заинтересованностью прислушивалась.

Объяснялось это просто: оба они были хорошими людьми, не желали друг другу ничего плохого, оба лю-

били одну и ту же собачку, оба любили детей и все пытались сделать для того, чтобы воспитать их по крайней мере нормальными.

Но хотя Джульетточка и прислушивалась заинтересованно к беседе, но все-таки мешала ей. Ибо стоило Анастасии Георгиевне взять собачку на руки, как она начинала дергать всеми четырьмя лапочками, дико взвизгивать и... оказывалась в глубочайшем обмороке.

Очутившись же на руках Григория Григорьевича, она оживала, радостно взвизгивала и ласкалась к нему.

Когда это повторилось пять раз, Анастасия Георгиевна спросила с робкой надеждой:

— А если я ее — кастрюлей?

— Не уверен в положительном результате, — возразил Григорий Григорьевич. — Я ее кастрюлей излечил в основном от злобности и внушил ей, видимо, необходимость послушания.

— Но неужели мне придется снова обращаться к этому собачьему гипнотизеру, похожему на шпиона?

— Зачем? Он все равно жулик. Давайте мы с вами вместе будем искать выход из положения. Для этого мы должны быть откровенными единомышленниками. Начнем. Я полюбил Джульетточку всей душой.

— Но я-то полюбила ее раньше и тоже всей душой! Я не напоминаю уже, например, о том, что купила ее. Дело не в деньгах, а законная хозяйка ее — я.

— Формально — да, — уточнил Григорий Григорьевич. — Фор! — повторил он. — Мально! Хозяйка вы. А фактически — мы с Джульетточкой полюбили друг друга. Ведь я одинокий человек, и она может сделать меня счастливым до конца моих или ее лет.

— Вполне понимаю и даже отчасти разделяю ваши чувства, — с очень большой болью в душе согласилась Анастасия Георгиевна. — Но ваши чувства, согласитесь,

содержат в себе и значительную долю эгоизма. Вы с Джульеточкой думаете только о себе. А мне она необходима не столько для себя, то есть в узкокорыстных целях, а для перевоспитания *оравы ораторов*. Если вы помните, так я называю огромную компанию своих вечно орущих внуков и внучек.

И она подробно рассказала о придуманном ею способе перевоспитания маленьких родственников с помощью собачек.

— Значительная мысль, — одобрил Григорий Григорьевич. — И если вы не возражаете, я бы с большой радостью стал вашим помощником в этом благородном деле.

— Лучшего помощника мне и не найти! — восторженно и благодарно воскликнула Анастасия Георгиевна. — Но, но, НО! НО как быть с Джульеточкой? Я не представляю себе жизни без нее! Мои мысли и чувства принадлежат только ей!

— Но ведь ей с вами плохо.

— Стало плохо! Из-за вас! А было — прекрасно!

— Что вы предлагаете? — сердито, но с уважением спросил Григорий Григорьевич.

— Понятия не имею. Я всего лишь хочу, чтобы она была со мной.

— В глубоком обмороке?

Анастасия Георгиевна медленно встала, подошла к серванту, достала пузырек, стаканчик, отсчитала шестьдесят две капли, разбавила их водой, медленно выпила и спросила:

— А вы что конкретно предлагаете?

Нежно прижав Джульеточку к груди, Григорий Григорьевич тяжело поднялся, проговорил глухо:

— Я лично ничего не предлагаю. А она хочет быть со мной.

— Значит, никакого, устраивающего нас троих, выхода нет?

Григорий Григорьевич и Джульетточка посмотрели в глаза друг другу долгим страдающим взглядом, и он (не взгляд, конечно, а Григорий Григорьевич) взволнованно ответил:

— Жизнь этого маленького, бесконечно дорогого мне существа в ваших руках. Хотите его погубить — губите. Хотите поломать ему жизнь — ломайте. Хотите его спасти — спасайте, то есть отдайте мне... А вам мы сегодня же купим... да, да, да, мы найдем вам... И вы ее полюбите! Потом мы купим вторую, третью, четвертую... ровно столько купим собачек, сколько у вас *ораторов!* И начнем их перевоспитывать! Плюс к этому мы с вами разоблачим собачьего жулика по фамилии Шпунт! А еще я научу вас излечивать от нервных заболеваний собачек одной из ваших кастрюль!

Долго сидела в скорбном молчании Анастасия Георгиевна. Скорбно молчал и Григорий Григорьевич, понимая, что сейчас любые, самые сердечные слова окажутся лишними. Понимал он и горе Анастасии Георгиевны, но надеялся, что она найдет в себе силы победить его ради перевоспитания *оравы ораторов.*

— Ради перевоспитания внуков и внучек я готова даже на самые немыслимые жертвы, — тихо, но очень решительно прошептала она. — Я рассчитываю на вашу помощь и великодушие.

— Я сегодня же принесу вам, — проникновенно отозвался Григорий Григорьевич. — Совершенно уверен, что ОНА вам понравится, потому что выбирать ЕЕ мы будем с Джульетточкой! И я совершенно убежден, что сегодня же вы при помощи одной из ваших кастрюль вылечите ЕЕ сами! А завтра мы примемся за разоблачение собачьего жулика по фамилии Шпунт.

— Он крупный преступник, — убежденно, брезгливо проговорила Анастасия Георгиевна, — у него все, все, все подозрительно... Я буду ждать вас, — голос ее дрогнул. — А тебе, Джульетточка, я желаю успехов и счастья в личной жизни. Вспоминай меня хотя бы изредка. Я же тебя никогда не забуду. До конца дней моих мне будет недоставать тебя.

Я был бы глубоко неправ и несправедлив, уважаемые читатели, если бы счел, что Григорий Григорьевич вышел от Анастасии Георгиевны в безоблачном настроении: дескать, добился своего, дорогая Джульетточка со мной, мне ни до кого и ни до чего и дела нет. Спускался он по лестнице озабоченный и даже удрученный, понимая, в каком состоянии осталась там одна Анастасия Георгиевна. Сознавал он и то, конечно, что она совершила благородный, граничащий с душевным подвигом поступок. Значит, он обязан достойным образом вознаградить ее — во что бы то ни стало приобрести собачку еще злее, еще капризнее, еще коварнее, еще *тявкливее,* чем была когда-то Джульетточка.

И тут вдруг неожиданно на самой последней ступеньке лестницы его настигла замечательная мысль. Она была до того замечательной и в то же время простой, что Григорий Григорьевич, размышляя над ней, прошел мимо Вовика (уже второй раз!), не заметив его. И Вовик, вконец запутанный своей воспитанной собеседницей, — вся голова в разноцветных бантиках, а ЧТО в самой голове у нее, никогда не понять, — тоже не обратил внимания на Григория Григорьевича (хотя это было бы очень кстати, потому что тот знал новый адрес и телефон Иллариона Венедиктовича).

Сам же Григорий Григорьевич до того был взволнован пришедшей ему на ум замечательной и в то же время простой мыслью, что очнулся, когда уже подходил

к дому, в котором жил подозрительный субъект, официально известный как собачий гипнотизер по фамилии Шпунт, а фактически являющийся крупным жуликом, транспортным зайцем-рецидивистом, а по мнению Анастасии Георгиевны, даже и агентом иностранной разведки. Но пока Григорий Григорьевич шел не попытаться разоблачить его, а, наоборот, обратиться к нему за помощью: не продаст ли он собачку.

Описание их встречи и ее результата мне придется, уважаемые читатели, перенести в следующую главу, потому что сейчас наступило время, когда нам предстоит узнать кое-что более важное, а вернее, почти самое важное в нашем повествовании.

Когда Вовик задержался в квартире Анастасии Георгиевны, Илларион Венедиктович почувствовал себя до того плохо, что ухватился руками за спинку скамьи, чтобы не упасть на землю. Правда, силы тут же, частично конечно, вернулись к нему, он даже ощущал их медленно нарастающий прилив, но, увидев в нескольких шагах от себя такси, из которого вышел пассажир, попросил шофера отвезти его в госпиталь. Там работало немало врачей, давно знавших Иллариона Венедиктовича, и он просто решил посоветоваться, уверенный, что его временное недомогание — следствие чрезмерного употребления жидкостей. И еще он не забывал, что вечером обязательно должен быть у Ивана Варфоломеевича. Да и жаль, что не удалось окончательно договориться с Вовиком о встрече... Но что это такое? Он чувствовал себя великолепно! Ему даже захотелось выйти из машины и пройтись пешком!

— В госпиталь не надо, — сказал он шоферу виноватым тоном, — ложная тревога. Я сам себя напугал. Была минутная, может, мгновенная слабость, а я... стыдно! — и назвал свой адрес.

— Ничего стыдного нет, — ответил шофер, пожилой, с унылейшим выражением бесцветных глаз мужчина, — особенно, если в возрасте. Беречься надо ото всего.

Настроение у Иллариона Венедиктовича было какое-то замечательное и необычное. Трудно было поверить, что всего несколько минут назад он едва не потерял сознание.

— Как это — ото всего беречься? — запоздало спросил он таксиста. — Как это — не стыдиться минутной слабости?

— Да вот так, — неопределенно, но недовольно ответил шофер. — Ото всего надо беречься, что здоровью навредить способно.

Илларион Венедиктович промолчал. **В его организме что-то происходило.** Преодолев желание идти пешком, он вышел из такси у своего дома и на скамье возле подъезда увидел знакомую фигурку — Федьку, почувствовал, что необыкновенно рад встрече, до того рад, что удивился.

Но Федька был сумрачен, долго отмалчивался, чуть ли не отмахивался в ответ на дружелюбные вопросы Иллариона Венедиктовича, пока тот резко не произнес:

— Давай выкладывай, зачем я тебе понадобился. А то пришел, сидит бука букой, а я, видите ли, должен его уговаривать! Слушаю.

— Меня как раз и уговаривать-то не надо, — тихо ответил Федька. — А молчу я со страху. Ужас у меня получился. Вот и не знаю, говорить или нет.

— Со страха? От ужаса? Кто это тебя, бедненького, так напугал? Робка-Пробка?

— Во-во! — Федька даже голову в плечи втянул, словно ожидая удара по затылку. — Завтра начинаем действовать, а я вдруг подумал: а зачем мне это надо? Да мне все это до лампочки! Сначала-то я не соображал

совсем. Понравилось мне, что зажигалка у меня будет! А чего мне с ней делать? Все бандиты меня сильнее. Мне любой напинать и настукать может! Куда уж мне, такому...

— Не тараторь, Федор, не тараторь, — остановил его Илларион Венедиктович. — Ты не свои ощущения и соображения, а конкретные факты выкладывай. Что, например, означает фраза «завтра начинаем действовать» и почему ты не боишься, что тебя за разоблачение банды будут, как ты выражался, лупить смертным боем?

— Как — не боюсь?! — Федька прижался к нему плечом, и тот почувствовал, что мальчишка мелко дрожит, обнял его одной рукой и проговорил тоном приказа:

— А ну, успокойся! Рассказывай все по порядку. И не дрожи. Учись быть мужественным. Мужчиной будь, Федор. Гарантирую, что никто тебя и пальцем не тронет. Я разговаривал с дедом вашего шефчика, тот обещал приструнить его, отбить охоту заниматься самодеятельным бандитизмом.

Вот что сообщил Федька. Сегодня утром неожиданно был назначен сбор банды. Собрались в каком-то пустом гараже. У Робертины был ключ от замка. Не считая шефа, пришло семь человек, а считая Федьку, восемь. На завтра запланировано два похищения. Сначала схватят какую-то девчонку, а у ее бабушки *вытрясут валюту*. Потом *возьмут* какого-то толстого Вовика. Что с ним будут делать, Федька не понял, но испугался здорово, потому что Робертина сказал, что это будет проверка бандитов *на деле*, и кто не выдержит, получит, но не зажигалку, а чего — Федька опять не понял, но испугался еще здоровее. А главное, что ему, самому маленькому, поручили заманить ту девчонку, которую будут похищать, к гаражу. А если с девчонкой будет толстяк Вовик, то надо его дразнить и обзывать, а еще лучше —

вдарить толстяку, чтобы тот дал сдачи, а Федька позвал бы бандитов на помощь...

— Тут я со страху икать начал, — испуганно рассказывал бедный Федька. — А они давай хохотать, думали, дураки, что я их специально смешу. Потом им хохотать надосло, а мне икать не надоело, у меня икалось все больше и больше. Всего меня дергало еще. Икну и дернусь. Дернусь и опять икну. Тогда Робертина сказал, что шутки пора прекратить, и стукнул меня по затылку. Икаться у меня перестало, а дергаться я начал еще сильнее. Тогда Робертина опять меня по затылку, да так здорово, что у меня со страху рот закрылся, будто зубы и губы мне клеем смазали. Носом дышу ну прямо как паровоз, а рот не открывается ни в какую. Тогда Робертина сказал, что я или осел, или веду себя... подозрительно, что ли... Это как?

— Да подозрительно! — Илларион Венедиктович, до этого с большим трудом удерживавшийся от смеха, не выдержал и рассмеялся. — Ну, решили, что ты нарочно молчишь, не подчиняешься шефу и доверять тебе нельзя. И он стукнул тебя по затылку в третий раз? Еще больнее?

— Ага, ага, ага, — грустно подтвердил Федька. — Тогда рот у меня открываться стал, а вместо слов ерунда какая-то получалась. Хочу сказать, что я, мол, маленький, отпустите меня, не выйдет, мол, из меня бандита, а получалось: «Ям... ям... ям...»

— Это значит, что ты заикаться стал, — объяснил Илларион Венедиктович. — Ну и что Робертина?

— У-у-у! — Федька от страха зажмурился и долго молчал, не открывая глаз. — Тогда он сказал, что меня надо *проверить* или лик... ви... ди... ровать!

— Это каким образом?

— По-моему, это — лупить без конца. А проверить! — Федька жалобно пискнул. — Шляпу у кого-нибудь сорвать!

— И что ты ответил на такое подлое предложение?

— Чего я ответить мог? «Ям... ям... ям...»! Тогда Робертина и говорит, что надо меня, предателя, лупить, пока я его слушаться не буду. Еще он сказал... — голосок у Федьки стал совсем тоненьким, — что если у меня мозги не заработают, то живым из гаража не выйду!!!

— Безобразие какое! — возмутился Илларион Венедиктович. — Болтовня, конечно, несусветная, но ведь ни чести, ни совести, ни жалости! И все старше тебя?

— И сильнее! Вот и напустились восемь штук на меня одного. Я и подумал, что если каждый *вдарит* мне по разу, то от меня одна одежда останется. Тут у меня со страху, не знаю, говорить или нет, живот заболел. Так больно стало! — Федька и сейчас обеими руками схватился за живот. — Хочу им сказать, куда мне надо, а получается одно: «Мневуб... мневуб... мневуб...» Хотел понятнее сказать, что мне, мол, в туалет надо, а у меня еще хуже получилось: «Мневтул... мневтул... мневтул...»

— И долго ты так мучился? — сочувственно спросил Илларион Венедиктович.

— Не помню. Чуть не год, мне показалось. Бандиты все вокруг меня стоят, злые все, рычат, как волки, а меня со страху прямо раздирает или разрывает, уж не помню. Голова совсем ничего не соображает. Я — к дверям, но не сам бросился, а меня прямо бросило туда. А Робертина спиной к дверям встал, руки в стороны и кричит, что никуда я, предатель, не выйду. И вдруг голова моя засоображала. Ведь если я сейчас до «мы» не успею, то всю жизнь меня, знаете, кем обзывать будут?!?! И я прямо головой Робертине в пузо! И вылетели мы с ним оба из гаража! Только Робертина упал, а я — дёру

изо всех сил! Ну, думаю, или мировой рекорд по бегу сделаю, или... И тут у меня вдруг все прошло, будто и не было...— Федька и сейчас вздохнул с огромным облегчением.— Ведь все у меня со страху было. С ужаса.

— А тебя преследовали? Бежали за тобой?

— Да где им за мной угнаться! Немного попробовали и отстали, может, все еще бегут. А я вот сюда прибежал почему-то. Какой же я бандит, когда такой трусливый? Вот попробуй я к ним без шляпы появись. Убьют!

— Никто тебя не убьет!— рассердился Илларион Венедиктович.— И вовсе ты не трусливый! А они! Собираетесь вы завтра где и когда?

— У гаража в двенадцать.

— Слушай, Федор, меня внимательно,— задумчиво сказал Илларион Венедиктович.— И не перебивай, пожалуйста, сейчас у меня времени мало, а нам с тобой требуется оч-чень серьезно договориться. Во-первых, да будет тебе известно, что я генерал-лейтенант в отставке, как дед вашего Робертины. И с дедом мы старые друзья. Во-вторых, я знаю этого толстого Вовика. Не оч-чень уж он и толстый, кстати. В-третьих, и это самое главное, являйся завтра, слышишь, обязательно являйся к гаражу в двенадцать. Предстоит ликвидация банды!

— Вот они,— с писком выдохнул Федька.— Меня ликвидировать! Я домой!

— Ни с места, Федор...— И крепкая рука Иллариона Венедиктовича удержала Федьку.— Я встаю, иду, ты — за мной и срывай с меня шляпу. Понял? И — дёру, как ты выражаешься. А завтра, запомни, к двенадцати будь у гаража и ничего не бойся! Все остальное я беру на себя! Даю тебе честное генеральское!

Илларион Венедиктович встал и неторопливой походкой направился прочь, через плечо наблюдая за тем, как несколько мальчишек бегут к Федору. Впереди — Робка-

Пробка, его длинные, кудрявые, прекрасные волосы развеваются. «Неужели Федор и сейчас трусит?» — обеспокоенно подумал Илларион Венедиктович и тут же почувствовал, что с его головы сорвали шляпу. Он не сразу обернулся, сначала недоуменно ощупал голову, словно убеждаясь, что шляпа действительно исчезла, и лишь после этого оглянулся вокруг, увидел, что Федька с бандитами свернули за угол, и тогда спокойно вернулся к подъезду.

В прежнем его доме лифта не было, и теперь он с удовольствием пользовался им, хотя жил всего на третьем этаже.

А тут ему вдруг захотелось подняться пешком, и, знаете ли, не по-стариковски, отдыхая чуть ли не на каждой площадке, а этак — легко, вроде бы без особенных усилий. Он и зашагал быстро, потом еще быстрее, идти было легко, но как-то неудобно: все казалось, что ботинки вот-вот спадут с ног. Было совершенно очевидно, что или ботинки разносились, или ноги уменьшились в размерах! Илларион Венедиктович остановился и тихо, с удовольствием посмеялся такому странному ощущению. Настроение было столь замечательное, что он, не переставая тихо смеяться, с удовольствием, если можно так выразиться, к о в ы л я л со ступеньки на ступеньку, осторожно подтягивая одну ногу к другой. «Да шнуровки просто ослабли!» — наконец-то догадался он, но когда дома в коридоре стал расшнуровывать ботинки, ничего подобного не обнаружилось. И он опять не придал этому странному факту абсолютно никакого значения.

Ему как-то необычно легко двигалось, и он походил, наслаждаясь незнакомым ощущением, по квартире, раздумывая о том, как проведет вечер у Ивана Варфоломеевича, и ЧТО они с Гордеюшкой п р е п о д н е с у т банде Робки-Пробки-Робертины! Получат по заслугам банди-

тики, извините, сопливые! А Федор-то какой молодец! Есть в нем что-то доброе, хотя он и участвовал в истязании черного котеночка, и глуповат, правда, в достаточной степени. И если он завтра не струсит, явится к гаражу... Илларион Венедиктович замер на месте: а к какому гаражу?! Где этот гараж — место сборища банды — находится?! Ведь если завтра туда явится, переборов страх, развитый в нем довольно сильно, Федор, а они с Гордеюшкой ничего не предпримут, то у Вовика будет большая неприятность, а с бедным Федором опять получится «мневуб... мневтул...»!

И честному, в высшей степени обязательному человеку, генерал-лейтенанту в отставке ничего не оставалось делать, как вместо отдыха перед *ответственным* вечером у Ивана Варфоломеевича с его *импортным* сыном идти на розыски мальчишки.

Размышлять над тем, что же это такое странное случилось с ботинками, было некогда, к тому же Илларион Венедиктович вспомнил, что зимой покупал летние туфли, и они оказались малы, очень уж жали. Зато вот сейчас неудачная покупка пришлась в самый раз!

Раздался телефонный звонок: Иван Варфоломеевич просил не опаздывать.

— Ты же знаешь мою прямо-таки болезненную пунктуальность, — с обидой сказал Илларион Венедиктович, но на всякий случай оговорился: — Однако сегодня у меня непредвиденные заботы. И если я немножечко задержусь, заранее приношу извинения.

Но Иван Варфоломеевич был до того взволнован и, как почувствовал Илларион Венедиктович, в не меньшей степени обеспокоен за исход *ответственного* вечера, что все-таки почти требовал не опаздывать.

И как часто случается в жизни, именно тогда, когда промедление совершенно нежелательно, тебя словно на-

рочно задерживает каждая мелочишка. Илларион Венедиктович надолго замешкался с галстуком, перевязав его несколько раз, и каждый раз что-то не получалось — узел то прятался под воротничок, то опускался значительно ниже положенного. И так случилось **с несколькими галстуками!** Тогда Илларион Венедиктович решил, что во всем виновата рубашка. Увы! Он переменил **несколько рубашек**, а результат был один и тот же: галстук сидел не как положено!

Скрепя сердце наиаккуратнейший Илларион Венедиктович заставил себя примириться с этим безобразием, и когда уже подходил к двери, почувствовал, что у него с п о л з а ю т брюки! Он принял и это за очередную нелепость судьбы, подтянул ремень потуже и наконец-то вышел из квартиры.

Федора ему быстро разыскали мальчишки. Тот запрыгал от радости, увидев Иллариона Венедиктовича, возбужденно затараторил:

— Уважают меня теперь бандиты-то, ух, как уважают! Оказалось, Робка-то Пробка вас знает! Говорит мне, что ты хоть соображаешь, дурак, с кого шляпу сорвал? Я ему и отвечаю, что еще неизвестно, кто дурак, а шляпу я с генерала сорвал. Не буду же я с пенсионерами разными связываться!

— Расскажи-ка мне, Федор, быстренько, где этот гараж находится.

По всем приметам, это был гараж Гордеюшки.

— А шляпу вашу, — восторженно сообщил Федька, — назвали — итог операции номер один! Я ее дома под ванну засунул, чтоб никто не заметил!

— Прощай, шляпа, — весело сказал Илларион Венедиктович, — до свиданья, Федор, до завтра.

Он бодро зашагал к кинотеатру, возле которого всегда продавались цветы, выбрал букет из крупных садовых

ромашек и еще бодрее зашагал дальше. Можно было воспользоваться любым из видов городского транспорта, в том числе и такси, конечно, но ему хотелось идти пешком и — быстро. ЧТО-ТО ПРОИСХОДИЛО В ЕГО ОРГАНИЗМЕ! Видимо, он выздоровел сразу от всех своих недомоганий, которые недавно довели его до того, что во сне ему дважды являлась Смерть-фашистка, требовавшая не делать ничего хорошего людям, особенно детям. Фига тебе, пустоголовая!

Илларион Венедиктович остановился в изумлении. Почему именно фига? Что это за выражение для генерал-лейтенанта в отставке?!. Однако, еще раз мысленно сказав Смерти-фашистке «Фига тебе!», Илларион Венедиктович быстро и бодро зашагал дальше, испытывая одно лишь маленькое неудобство: привыкший, чтобы воротничок довольно плотно облегал шею, а галстук был завязан туго, сейчас Илларион Венедиктович чувствовал, что воротничок как бы болтается вокруг шеи, а узел галстука упирается в подбородок.

В квартире Ивана Варфоломеевича в это время заканчивались приготовления к встрече дорогих друзей.

— Я так и не смог узнать, где продают комнатных собачек. Ты ведь разрешил мне завести этакую миниатюрную злючку? — спросил Сережа.

— Хоть крокодила! — рассмеялся счастливо и громко Иван Варфоломеевич. — Вот интересно, Сережа, мои старые орлы вместе прилетят или по отдельности? — с заметной грустью спросил он. — Если вместе, значит они сговорились, значит, что-нибудь задумали, будут вести себя неестественно...

— Но — почему? — искренне удивился Сережа. — И что они могут задумать? По-моему, ты абсолютно зря нервничаешь. Все обойдется.

— А я хочу, чтобы не только все обошлось, а чтобы они приняли тебя как моего родного сына, а не...

— Папа, некоторое время, может быть, и длительное, им будет трудно привыкнуть ко мне. И надо постараться их понять.

— А чего тут понимать, да еще длительное время? — Иван Варфоломеевич действительно разнервничался. — Ко мне вернулся сын... — Услышав дверной звонок, он быстро встал, чуточку помедлил, прежде чем выйти в прихожую.

Это пришел Гордей Васильевич, о чем-то поговорил с Иваном Варфоломеевичем, а когда появился в комнате, долго разглядывал Сергея Ивановича, потом пожал ему руку и оживленно, даже несколько торопливо, сказал:

— Сережа, я, во-первых, сразу буду с тобой на «ты», а во-вторых, буду, есть такое выражение, пялить на тебя глаза. Не обращай внимания. Ты ведь у меня на коленях сиживал, я тебя на рыбалку брал. Понимаешь, когда я вчера узнал о твоем возвращении, все думал: а вдруг да что-нибудь в твоем облике осталось от того мальчуганчика? У Ивана ни одной фотографии не сохранилось. А я надеюсь все равно разыскать в своих обширных архивах. Я ведь сам тебя несколько раз фотографировал.

— Я с интересом взглянул бы на свое изображение! — Сергей Иванович сразу разволновался. — Я часто пробовал, изо всех сил напрягал память, чтобы вспомнить хоть что-нибудь... хоть кого-нибудь... Я ведь даже лица матери не помню... Сейчас же для меня главное — привыкнуть.

— А потом и полюбить! — воскликнул Иван Варфоломеевич. — Гордеюшка, я считаю, что Сереженьке не надо торопиться, пусть приглядится ко всему.

— Ты вообще поменьше приставай к нему с советами и замечаниями. Мы, старики, горазды поучать, а толку от наших поучений иногда — кот наплакал. Конечно, пусть привыкает постепенно.

— Я даже за то, чтобы он и с личными привычками по возможности не расставался. Вот захотелось ему комнатную собачку иметь — пожалуйста!

— Собачку? — удивился Гордей Васильевич. — Зачем? Не переваривaю я этих собачьих микробов!

— Так тебе никто и не предлагает! — возмутился Иван Варфоломеевич. — Что ты всем свои...

— Папа! — с мягким укором перебил Сергей Иванович. — Я прекрасно понимаю Гордея Васильевича. Недаром же я просил у тебя разрешения...

Тут, очень кстати, и появился Илларион Венедиктович, внешний вид которого сразу вызвал всеобщее недоумение и дружелюбный смех.

Новый гость не обратил на это никакого внимания, вручил Сергею Ивановичу букет крупных садовых ромашек со словами:

— Был бы помоложе, съездил бы за полевыми.

— Прошу к столу! Прошу к столу! — засуетился Иван Варфоломеевич. — Сережа его скудости подивился, а я ему...

— Нотацию прочел! — насмешливо добавил Гордей Васильевич, действительно не сводивший с Сергея Ивановича проницательного взгляда. — Много нам, старикам, нельзя, но по одной, Иванушка, за твое счастье! Сережа, с возвращением!

И разговор потек самый непринужденный, без напряжения, без тягостных или неловких пауз, когда надо торопливо и мучительно придумывать, как продлить беседу. То есть друзья честно, но без всяких усилий выполнили уговор: проведем вечер, как проводили всегда.

Конечно, вспоминали и войну, временами даже забывали о Сергее Ивановиче, и это было для Ивана Варфоломеевича отрадно: значит, им хорошо, как всегда здесь бывало. А Сергей Иванович слушал с видимым интересом, даже удовольствием, изредка спрашивал, и его спрашивали о разного рода современных заграничных мелочах.

Однако хозяин все-таки нервничал, суетился, все пытался, когда наступала пауза, свернуть разговор к тяжелой Сережиной судьбе. Сам Сергей Иванович к этому не стремился, отвечал коротко и исчерпывающе, и наконец Илларион Венедиктович самым добродушным тоном предложил:

— Давай, Иванушка, оставим сегодня твоего сына в покое. Пусть уж он нас потерпит, да и видимся мы не в последний раз. Надеемся, что Сергей Иванович и у нас с Гордеюшкой побывает.

— Сочту за честь, — учтиво, но вместе с тем искренне отозвался Сергей Иванович. — Я ведь отлично понимаю, что я для вас...

— Только сын нашего друга, — осторожно перебил Илларион Венедиктович, а Гордей Васильевич добавил:

— Мы вообще, Сергей Иванович, беспокоимся только за Ивана, а вмешиваться в вашу судьбу не считаем возможным.

— А чего обо мне беспокоиться? — сердито спросил Иван Варфоломеевич. — На что намекаешь?

— Ни на что он не намекает, — по возможности весело ответил Илларион Венедиктович. — Просто мы хотим, чтобы ты не обалдел от радости и чтобы это не отразилось на твоей работе.

Иван Варфоломеевич только хотел что-то сердито возразить, как Сергей Иванович удивленно спросил Иллариона Венедиктовича:

— Почему вы закатали рукава пиджака?

— Такое впечатление, — тоже удивился Гордей Васильевич, — что ты в чужом пиджаке и чужой рубашке.

— Вид у тебя, извини, нелепый, — как бы подвел итог Иван Варфоломеевич.

— А настроение у меня замечательное, — беззаботно и вроде бы невпопад ответил Илларион Венедиктович, — и со здоровьем у меня в последнее время дела обстоят лучше не надо! Вот сюда пешком топал! В обед, понимаете ли, приналег на свои любимые малосольные огурчики, а потом, не поверите, целый графин воды почти за один прием выпил!

— Чем больше будешь жидкостей пить, тем меньше тебе останется жить! — хотел пошутить Гордей Васильевич, а получилось это у него грубовато. — А много будешь употреблять соли, не избежать тебе в суставах боли!.. Покажись, покажись-ка врачам, а еще лучше — ложись на обследование.

— Невоспитанная ты личность, — весело отозвался Илларион Венедиктович. — У всех такое оч-чень отличнейшее настроение, а ты о болезнях! Если хочешь знать, то я давно не чувствовал себя таким здоровым! (О дневном обмороке он почему-то совершенно забыл.)

— Ты же худеешь! — не унимался Гордей Васильевич.

— Много двигаюсь, много времени провожу с детворой на свежем воздухе и, я тонко намекаю, вовремя ложусь спать. Пора, Гордеюшка, нам откланиваться.

Конечно, Иван Варфоломеевич бурно запротестовал, даже обижаться собрался, но Сережа *ублажил* его, сказав:

— Позвольте, дорогие и уважаемые ТОВАРИЩИ, я впервые употребляю это слово, сердечно поблагодарить вас не только за прекрасный вечер, но и за ваше

отношение к моему отцу. Я воочию убедился, как много вы для него значите и как бы ему было трудно без таких друзей.

— Спасибо, Сережа, на добром слове, — задумчиво глядя на него, произнес Гордей Васильевич. — Я же от себя и от имени нашего друга Иллариона должен отметить, что и милый, добрейший, умнейший, нежнейший Иван многое и для нас значит, и нам без него было бы в жизни... Высокопарно, но, точно выражаясь, его работа, весь он сам — просто вдохновляющий пример отношения к науке, к долгу гражданина своей Родины.

Безуспешно пытаясь скрыть растроганность, Иван Варфоломеевич ответил:

— Кукушка не будет хвалить петуха, потому что петух явно переоценивает значение кукушки.

— А кукушечка-то скромничает, — сказал, вставая, Илларион Венедиктович. — Я выражусь кратко: мы любим Иванушку и никогда никому его в обиду не дадим.

— Кто это может обидеть меня? — сразу насторожился Иван Варфоломеевич. — У меня вот еще один защитник появился — сын!

И опять его успокоил Сергей Иванович. Положив руку на его плечо, он проговорил:

— Я все сделаю для того, чтобы наше воссоединение, папа, принесло тебе как можно больше пользы. Я буду смотреть за каждым твоим шагом, постараюсь стать для тебя незаменимым, хотя бы необходимым помощником.

— Да хватит, хватит обо мне! — отмахнулся Иван Варфоломеевич. — Мне сейчас только работать да работать!

Сергей Иванович вызвался проводить гостей, но они дружно и твердо отказались, честно признавшись, что по дороге им необходимо поговорить о своих делах на завтра.

В прихожей Илларион Венедиктович успел незаметно подтянуть ремень на брюках, которые опять спадывали. **В его организме что-то происходило,** и он впервые за день подумал об этом с некоторым беспокойством.

По улице друзья долго шли молча.

— Ну? — не выдержал Илларион Венедиктович. — Каково твое впечатление?

— Никакое, — сердито буркнул Гордей Васильевич. — Серая личность. И не похож он ни на отца, ни на мать ни одной черточкой. От моей подозрительности и твоего благодушия толку ни на грош. Нам остается только ждать и надеяться на лучшее. Боюсь, боюсь, боюсь я за Ивана. Слишком уж он доверчив и открыт.

Тогда Илларион Венедиктович осторожно спросил:

— А тебе известно, что банда Робки-Пробки уже провела операцию под номером один?

— Да ну?! Когда? Чего они натворили?

— Пока пустячок. Принудили одного мальчуганчика сорвать с меня шляпу.

— Ну, я ему...

— Слушай внимательно, Гордеюшка. — Илларион Венедиктович с большим трудом поспевал за широко шагавшим другом, так как казалось, что туфли вот-вот останутся на асфальте. — Завтра в двенадцать банда собирается в твоем гараже.

— Это я сам дал зачем-то обормоту ключ!

— Намереваются они похитить девочку, требовать за нее у бабушки выкуп, а потом еще и одного моего знакомого мальчика тоже зачем-то похитить.

— Выпороть его, что ли? — растерянно спросил Гордей Васильевич. — А? Прямо в гараже перед бандитами снять с их шефа импортные джинсы и отечественным ремнем...

— Уж если пороть, то уж всю эту, извини, сопливую банду! — рассмеялся Илларион Венедиктович, останавливаясь и вставляя ногу в спавшую с нее туфлю. — Утром созвонимся и договоримся о совместных действиях. Я обещал ввязаться в эту историю.

— Черт его знает что! — воскликнул Гордей Васильевич — Единственное, что есть в Робке-Пробке действительного ценного, так это красивая шевелюра! Ну и ходил бы себе, красовался, а он в бандиты полез! Вон твой автобус. Вполне успеешь. Будь здоров! Я пойду действовать! Мысль у меня обнаружилась!

Хорошо, что, увлеченный какой-то мыслью, Гордеюшка сразу свернул за угол: для того чтобы встать на ступеньку автобуса, Иллариону Венедиктовичу пришлось снять туфли и держать их в руках. Компостируя абонемент, он, можно сказать, запутался в рукавах пиджака и не замечал, с каким ужасом или презрением смотрели на него немногочисленные пассажиры.

Он чувствовал во всем теле, особенно в голове, свинцовую тяжесть, неимоверную усталость и почти необоримое желание заснуть сейчас же, немедленно, вот тут, в автобусе... Чтобы этого не случилось, он старался вспомнить что-нибудь веселое, сложное или тревожное и стал гадать, назначил ли он Вовику встречу на завтра в семь ноль-ноль... Так и стоял, с большим трудом удерживаясь на ногах, до локтей подвернув рукава пиджака, который стал ему чуть ли не до колен, подвернув брюки и держа туфли в руках, генерал-лейтенант в отставке Самойлов.

Как в тумане, как в полусне, брел он, пошатываясь, пугая редких прохожих своим видом. На его счастье, не встретилось ни знакомых, ни соседей.

Он не помнил, как вошел в квартиру, как оказался в постели. Спал он крепко.

Пробуждение Иллариона Венедиктовича было прекрасным и ужасным одновременно.

Мне не найти слов, уважаемые читатели, чтобы достоверно описать, что́ он испытывал в это незабываемое для него утро, ибо ни со мной да и ни с кем из вас ничего подобного не случалось.

Генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов проснулся десятилетним мальчиком.

Сначала он просто ничего не понимал, лежал, наслаждаясь необычным ощущением легкости, почти невесомости.

«Значит, я уже вернулся в детство? — мысленно спросил он себя. — Ты не помнишь, как это чудо произошло?»

И самое странное, самое удивительное, самое необъяснимое заключалось в том, что он воспринял это как должное, как исполнение обыкновенного желания. Он мечтал вернуться в детство, вот вернулся — все правильно.

Соскочив с постели голенький, он сразу отправился искать что-нибудь из одежды внуков, еле-еле разыскал среди игрушек трусы, натянул их и подошел к зеркалу.

— Здравствуй, Лапа, — сказал он своему отображению — десятилетнему мальчику, подбородок и щеки которого были покрыты *седой* щетиной.

«Свершилось, — оч-чень спокойно и даже удовлетворенно подумал он. — Конечно, должен быть ряд недостатков. К примеру, седая щетина. Давай-ка, мальчик, сначала побрейся, а дальше будет видно».

Выбрился Илларион Венедиктович тщательнее обычного, хотя на стуле пришлось не сидеть, а стоять на корточках. Все вещи вокруг казались непривычно большими.

На часах было шесть. В семь ноль-ноль Илларион Венедиктович вроде бы обещал встретиться с Вовиком

Краснощековым, а в двенадцать ноль-ноль быть у гаража на сборище банды Робки-Пробки.

Но ведь **Иллариона Венедиктовича Самойлова,** генерал-лейтенанта в отставке, больше **не существовало!** Вместо него на свете **снова** стал существовать десятилетний мальчик по прозвищу Лапа.

И если из Лапы вырос генерал-лейтенант, то, может быть, из генерал-лейтенанта — *грандиозус наоборотус!* — получится неплохой мальчик?

Он долго смотрел в зеркало, потом решительно и громко приказал:

— Лапа! Приступить к исполнению обязанностей! Желаю тебе счастливого детства!

Глава под номером восемь и под названием

Первые впечатления от повторного детства,

или

что случается, когда Федьке необходимо в "мы"

И так, уважаемые читатели, позвольте надеяться, что вы, как я, каждый из вас в разной степени, естественно, заинтересовались происшедшими событиями и тоже, как я, любопытствуете: а что же будет дальше и чем все это кончится? Честное слово, не знаю, пребываю в полном неведении, только могу предполагать кое-что, да и то приблизительно.

Но, прежде чем продолжить повествование, и не забывая, что оно задумано, в основном, как **дидактическое**, считаю необходимым остановиться на одном немаловажном вопросе.

Однажды моя знакомая, очень хорошая девочка, дала мне почитать замечательную книгу. Я прочел ее и, кроме того, о чем написано, узнал еще и о том, чем питалась девочка, когда читала. Сначала она ела борщ или щи: между страницами засох капустный листочек с

жиром — пятно в полстраницы. На второе была жареная или отварная рыба: между страницами присохла рыбья косточка. На третье, судя по отпечатку дна стакана на рисунке, девочка пила компот. Ела она и пирожное, лузгала семечки, и особенно доставалось книге, когда девочка читала-ела или ела-читала ягоды!

Другую, не менее замечательную, книгу дал мне почитать тоже очень хороший мальчик. Наслаждаясь этой замечательной книгой, я легко устанавливал, когда мальчик мыл руки (редко!), а когда нет (часто!), и даже угадывал, чем у него были руки измазаны.

Мною приведено только два примера отвратительного отношения к книгам. А сколько существует еще самых разнообразных, один другого омерзительнее, способов порчи их?!

Мне жаль и книги, и горе-читателей. Конечно, обидеть книгу легче, чем человека. Она добра и доверчива, и когда ее терзают, даже пожаловаться не может, не то что защититься. А вот о т о м с т и т ь за отвратительное отношение к себе она может, да еще как! Книги мстят горе-читателям, вернее, своим врагам-читателям, тем, что отдают им не все богатства, заключенные в страницах!

Настоящему читателю, любознательному, внимательному, терпеливому и обязательно уважительно относящемуся к каждой страничке, книга отдает себя всю, и он становится умнее, добрее, веселее, серьезнее, короче говоря, становится настоящим человеком.

Это, к сожалению, неизвестно и никогда не будет известно горе-читателям. В лучшем случае они используют книгу для более или менее приятного времяпрепровождения. Ну, сие примерно то же самое, что мух ловить. Только мух ловить труднее, но зато и полезнее, чем

почти зря листать страницы и наносить им непоправимый вред.

Обо всем этом я был вынужден сообщить вам, уважаемые читатели, с единственной целью — запомните, если не знали раньше: читать — так читать, есть щи — так есть щи, ловить мух — так мух ловить!

Сказанное выше, конечно, имеет отношение и к книге, которую вы сейчас держите, надеюсь, в чистых руках и не едите щи или не пьете компот и семечки не лузгаете.

Дело в том, что в события, которые произошли и произойдут в нашем повествовании, надо обязательно вдумываться, несмотря на их некоторую занимательность, а временами и откровенную развлекательность. А если вам вдумываться не хочется, закройте данную книгу, возьмите другую, поинтереснее, или смотрите мультики по телевизору. Спасибо за внимание, уважаемые читатели, пошли, как говорится, дальше.

Но прежде вернемся немного назад, во вчерашний день, несколько событий которого остались мною неосвещенными.

Нам, к примеру, необходимо узнать, чем закончился разговор Вовика и воспитанной девочки Вероники, у которой вся голова в разноцветных бантиках.

Помните, она просила его дать честное слово, что он ее никогда нигде и ни за что не подведет, и мальчик надолго замолчал?

А после долгого молчания он медленно и неуверенно произнес:

— Я бы дал честное-пречестное слово, если бы знал, кто ты такая.

— Чтобы наш разговор, который вполне может оказаться последним, не был бесконечным и безрезультатным, слушайте внимательно, — строго сказала воспитан-

ная девочка Вероника. — Если вы действительно намеренные спасти меня от грозящей опасности, приходите сюда ровно к двенадцати дня. Не явитесь — это будет означать, и я тому не удивлюсь, что моя несчастная судьба вас ни капельки не беспокоит, даже не волнует! — И воспитанная девочка Вероника стала отдаляться от Вовика обиженной, но вместе с тем и независимой походкой, однако все разноцветные бантики на ее голове покачивались насмешливо и даже с долей презрения.

Сейчас, а точнее, в продолжение минут восьми, Вовик ненавидел воспитанную девочку Веронику и тоже презирал ее. Но страдал от этого! Конечно, и упоминать, наверное, не стоит, что сейчас, а точнее, в продолжение минут восьми, он был убежден, что завтра сюда не придет, и вообще... Восемь минут промелькнули, и он уже мечтал, чтобы завтра наступило как можно быстрее.

А что делать до завтра? Известно, что! Можно вот так столбом стоять и думать, и размышлять, и гадать, и соображать, кто она такая... Но Вовик уже знал, что думать, размышлять и гадать о ней бесполезно. Он стал еще краснощечее, потом стал краснолицым, а затем и красношеим, уши побагровели: Робке-Пробке, она ведь... нравится! А он ей?! А она — ему, Вовику?!?!?! Он почти мгновенно побледнел... Стыд и страх прямо-таки не охватили, а сдавили его, и он не двигался с места лишь потому, что все его сдавленное стыдом и страхом существо стремилось л е т е т ь в шестнадцатую квартиру — будь что будет!.. Однако ноги не послушались, будто понятия не имели о стремлении их владельца, а сами направились в другой подъезд и стали подниматься (вернее, поднимать Вовика) по лестнице.

Он смутно сообразил, что делает доброе дело — идет помогать Григорию Григорьевичу. Это смутное соображение несколько прояснилось и освободило, частично,

конечно, Вовика от наитягчайших ощущений и переживаний. И, ни на секунду не забывая о воспитанной девочке Веронике, он был способен уже думать о другом. Ему надо было, обязательно и необходимо, увидеть Иллариона Венедиктовича. А сделать это можно было, кстати, лишь при помощи Григория Григорьевича.

— Он ушел, мальчик, примерно с полчаса назад, — сообщила Анастасия Георгиевна с заплаканным лицом и плачущим голосом. — Они ушли... Он и она, Джульеттточка! Посидите, пожалуйста, со мной, мальчик! Вас ведь, кажется, зовут Вовиком? Побудьте со мной, пожалуйста, если можно! Я в такой тоске, в таком горе, в такой, стыдно признаться, ревности... Никогда бы не поверила, что мое сокровище способно столь неожиданно разлюбить меня!

И как бы ни просила Вовика Анастасия Георгиевна, он ушел бы. Но тут он услышал:

— Знаете, во всем нашем огромном доме меня понимает в смысле моих отношений с Джульетточкой только один человек — милая, очень, очень, очень воспитанная девочка Вероника!

— Вероника?! — так обрадовался, обезумел, ошалел Вовик, что не прошел, а пробежал на кухню, куда жестом пригласила его хозяйка. — Вы ее знаете?!

— О! Я счастлива знакомством с ней. Присаживайтесь, Вовик, пожалуйста. Хотите чаю?

— Еще как хочу! А она...

— Понимаете, все ее считают злой, непослушной, неискренней, удивляются, как я могу общаться с ней, даже презирают меня за это. Но она ведь такая маленькая...

— Про нее еще говорят, что она лживая, — осторожно сказал Вовик, разомлевший от счастья.

— На нее возвели столько клеветы, особенно ее бабушка Ирэна! А она... — Анастасия Георгиевна молит-

венно сложила руки на груди. — Вам, Вовик, она, видимо, понравилась, да?

— Да... — И Вовик не услышал собственного голоса: ведь он впервые откровенно признался в этом не только самому себе, но и постороннему человеку.

— Я сразу заметила ваше высокое и прекрасное чувство! — восхитилась Анастасия Георгиевна. — Такой нам больше не найти! Я принесу варенье. Вас не шокирует, что я принимаю вас на кухне? Я просто привыкла быть здесь с самыми близкими. И с НЕЙ мы здесь провели немало счастливейших, незабываемейших часов...

Она ушла, а Вовик вскочил, еле сдерживаясь, чтобы не запрыгать и не заорать от внезапного счастья. Ведь подумать только: Вероника — милая, очень, очень, очень воспитанная девочка!!!!! Все на нее к л е в е щ у т!!!!!!!! Особенно бабушка Ирэна! Особенно!.. И, конечно, О Н А ему сразу понравилась... Вовик, обессиленный, сел.

— Я ужасно довольна, у меня просто нет слов благодарности за то, что вы полностью разделяете мое мнение о ней, — оживленно и весело говорила, вернувшись на кухню с несколькими банками варенья в руках, Анастасия Георгиевна. — А ведь чего о ней только не наслышишься, правда, Вовик? Например, эта самая бабушка Ирэна упорно, с настойчивостью, достойной лучшего применения, распространяет слух, что наша любимица, дескать, блохастая...

— К... к... клевета! — с запинанием на первом звуке вырвалось у Вовика. — Нельзя так про человека!!!

— К... к... к... — Анастасия Георгиевна словно чем-то подавилась. — Какого человека??? Вы о ком?

— О Веронике, конечно... А вы?

— А я, конечно, о Джульеточке, — сверхразочарованно произнесла Анастасия Георгиевна. — А вы... а я-то думала... надеялась... черпала силы...

— Я тоже думал... — еще более сверхразочарованно произнес Вовик. — Тоже надеялся... тоже черпал силы... Начали-то вы про Веронику...

Анастасия Георгиевна машинально взяла банки с вареньем и ушла, вернулась и, собирая со стола чашки и блюдца, спросила упавшим голосом:

— Значит, все то хорошее, что вы утверждали, к Джульетточке не относится?

Конечно, обескураженному и, главное, совершенно сбитому с толку Вовику хотелось упрекнуть Анастасию Георгиевну, что все-таки нельзя о собаченции говорить как о девочке, а о девочке-то и забыть! Но он помнил, ЧТО она сказала о милой, очень, очень, очень воспитанной девочке Веронике, и ответил:

— Все хорошее относится и к Джульетточке.

Вот опять, уважаемые читатели, мне придется прибегнуть к уже несколько раз использованной мною в нашем повествовании формуле: **так бывает в жизни.** А что поделаешь? Да, и в этом конкретном случае придется повторить, что бывает в жизни, когда, впервые столкнувшись в ней с чем-нибудь, мягко выражаясь, не очень хорошим и узнав на себе, как это не очень хорошее может воздействовать на других, и сам сделаешь это! И Вовик, познав, чего можно достичь ложью, но предварительно чуть ли не весь став краснокожим, солгал Анастасии Георгиевне. Ведь на самом-то деле Джульетточки он терпеть не мог! Но ему требовалось, просто необходимо было, душа просила услышать о милой, очень, очень, очень воспитанной девочке Веронике добрые слова!

И он услышал следующее:

— Спасибо вам, Вовик, за хотя бы теплое отношение к Джульеточке. Конечно, неловко, а для нас обоих крайне неприятно, что мы перепутали два любимых существа. Но что поделаешь, если их судьбы так схожи! Вероника — добрая, внимательная, учтивая девочка! Для меня каждая встреча с ней...

— С Ве-ро-ни-кой? — на всякий случай уточнил Вовик.

— Да, да, для меня каждая встреча с Ве-ро-ни-кой является счастливым событием. Я расстаюсь с ней успокоенная, как бы выздоровевшая. Если вы удостоены ее внимания, цените это, дорожите этим!

Вовик вышел от Анастасии Георгиевны не успокоенным, а наоборот, перевзволнованным. Если раньше его запутывала сама воспитанная девочка Вероника, то сейчас его запутывали еще и бабушка Ирина-Ирэна и Анастасия Георгиевна. По-футбольному счет был ничейным: один-один! Беда в том, что Вовик одинаково верил обеим старушкам.

Ведь О! Н! А! могла спокойно врать и Анастасии Георгиевне! Но зачем?

Эх, не знал Вовик, не подозревал, что отпетые лгуньи творят свои безобразия естественно, как дышат. И если честный человек не может врать, то лгун или лгунья занимаются этим даже тогда, когда в этом нет ни наималейшей необходимости. Тем-то они и опасны, что лгут всегда! Не согласны, уважаемые читатели, не верите? Вам же хуже будет, когда с таким или с такой в жизни столкнетесь, наплачетесь...

Но хорошо, — я продолжаю рассказывать о Вовике, — когда у человека есть хоть какое-нибудь, да дело. Тогда он имеет возможность отвлечься от тяжелых, к

тому же и бесполезных, переживаний и раздумий, а именно — займется делом. Оно в подобных случаях может быть и душевным лекарством.

Побрел Вовик к Григорию Григорьевичу, чтобы узнать у него адрес Иллариона Венедиктовича, а заодно и поинтересоваться, как новый владелец Джульетточки чувствует себя в обществе той, которую бабушка Ирина-Ирэна считает блохастой...

Картину он застал с виду мирную. Джульетточка спала на кровати на подушке, а возбужденный и даже злой Григорий Григорьевич провел Вовика на кухню и уселся, и замолк.

— А я думал, вы тут веселитесь, — сказал Вовик, и неожиданно для него самого слова прозвучали насмешливо.

— Мы-то бы веселились, — не заметив насмешливости, мрачно отозвался Григорий Григорьевич. — Знаю, знаю, нельзя разрешать собачкам спать на подушках, но **этой** можно. У нее было много тяжелых переживаний. А мне приятно, — продолжал он с вызовом, — что она отдыхает на моей подушке.

— А что же вы тогда такой злой и мрачный?

— Я не просто злой, — опять с вызовом ответил Григорий Григорьевич, — я нахожусь на самом высоком пределе злости. И я не просто мрачный, а сверх всякой меры мрачнейший.

Оказалось, что он недавно вернулся от собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт.

Визит получился крайне неудачным и крайне озадачил Григория Григорьевича, хотя причин этого определить он был не в состоянии.

Причиной же визита была надежда раздобыть собачку для бедной Анастасии Георгиевны (бедной в том

смысле, что она потеряла безвозвратно Джульетточку) именно у собачьего специалиста.

А тот открыл дверь, выпучил, как показалось Григорию Григорьевичу, безумно глаза, не ответил на приветствие, проговорил (ну, а точнее, протявкал) что-то вроде того, что я, мол, вас знать не знаю и знать не желаю и никаких дел иметь с вами, даже разговаривать, не намерен, и собрался уже захлопнуть дверь перед носом пораженного посетителя.

Но тот ловко выставил ногу вперед, не давая закрыть дверь, и грозно сказал:

— Вы мне эти штучки бросьте. Как так, вы меня будто не знаете и знать не желаете? Во-первых, вам прекрасно известно, что я контролер на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно. Во-вторых, вы опытный заяц и не платите даже в такси, а сдачу иногда вымогаете путем незаконного применения гипноза. В-третьих, я был у вас вчера со старушкой, которую вы неквалифицированно усыпили и самостоятельно разбудить не смогли, а потребовали помощи вот у этой собачки! — Григорий Григорьевич ногой отодвинул дверь и вошел.

А хозяин квартиры забегал, закрутился, запрыгал, заюлил, сам похожий на собачку, и заговорил, почти затявкал, зло и пронзительно:

— За длительное время моей безупречной практики по излечению нервных комнатных собачушек у меня перебывало более тысячи старушек! А собачушек и того более! Потому что иногда одна старушка содержит не одну собачушку! Я вас не помню и никогда не вспомню! Это у меня профессиональная привычка — не хранить в памяти старушек и их собачушек!

— Но я же не старушка и тем более не собачушка! — загремел Григорий Григорьевич, а Джульетточка, успо-

каивая его, лизнула в щеку. — Будьте любезны вспомнить меня, иначе у вас будут глобальные неприятности на почве нарушения законов. Мы еще проверим вашу собачью деятельность. — И двинулся следом за хозяином, юркнувшим в комнату. — Если вы откажетесь разговаривать со мной самым достойным образом, я все равно докажу кому следует, что ваши собачьи деяния преступны, как и ваше поведение на всех видах городского транспорта, в том числе и на такси, конечно.

Собачий гипнотизер по фамилии Шпунт, как заметил Григорий Григорьевич, очень вздрагивал при словах *закон* и *преступность*. Он, боящийся таких обычных слов, несколько раз обежал вокруг стола сначала в одну сторону, затем — столько же раз в противоположную, сбегал к кушетке, посидел-поподпрыгивал на ней, обежал вокруг трех стульев, снова заподпрыгивал, сидя на кушетке, и испуганно затараторил, изредка переходя на почти тявканье:

— Вы — шантажист! Вы — могатель! Клеветник! Напугатель! Вры... вры... врыватель в чужие квартиры! И старушка ваша... тоже! Вежливо прошу вас — вооооо-ОООООН! — отсюда!

— Позвольте, позвольте! — устрашающе произнес Григорий Григорьевич. — Попрошу вас не тявкать на меня! — И с Джульетточкой на руках он удобно устроился в кресле за столом. — Недавно вы утверждали, что ничего будто бы не помните...

— Не помню, не помню, не помню, не помню! Ничего, ничего, ничего! Никого, никого, никого!

— А почему тогда, оскорбляя меня, вы вспомнили, как вы ее назвали, мою старушку?

— Не помню, что вспомнил!

— И про кастрюлю забыли?

— И про кастрюлю забыл! Я даже не помню, что такое кастрюля!

— А что такое *закон* — (собачий гипнотизер по фамилии Шпунт поставил мировой рекорд по прыжкам в высоту с места сидя!) — вы помните? И как он наказывает *преступность* — (тот побил ему же принадлежавший мировой рекорд по прыжкам в высоту с места сидя!) — не помните? Да?

— Не... не... не знаю...

— Так знайте и помните: *закон* неминуемо наказывает *преступность*.

И собачий гипнотизер по фамилии Шпунт — ХЛОП! — спиной на кушетку, вытянул руки и ноги, закрыл глаза, пригрозил:

— У меня скоро начнется сильный первый п р и п а д о к, опасный для окружающих.

— Это очень любопытно, — сказал Григорий Григорьевич, — понаблюдаем с научной точки зрения.

— Чего понаблюдаем?

— П р и п а д о к.

— Это, повторяю, очень и очень опасно для окружающих.

— А я вас, когда будет опасно, накрою кастрюлей!

— А они у меня все маленькие!

— А я вас накрою м у с о р н ы м ведром!

Собачий гипнотизер по фамилии Шпунт подбросил свое тело над кушеткой, будто упражнение на батуте выполнил, сел и сказал почти нормальным человеческим голосом:

— Вы все равно от меня ничего не получите. Я все равно вас не помню. Вот вы сейчас вооооооон отсюда, и я тут же опять, но еще сильнее забуду вас!

— Но ведь вы даже и не знаете, зачем я пришел!

— А если и узнаю, то тут же забуду! — Он помолчал и сказал уже совершенно нормальным человеческим голосом: — Я вас очень прошу, чтобы вы ушли и никогда больше не приходили... Хотите, я встану перед вами на колени и буду горько плакать? Хотите, я буду рыдать перед вами на коленях?

Григорий Григорьевич согласился:

— Вставайте. Плачьте. Рыдайте. Так делают многие виноватые перед *законом* крупные *преступники*.

С открытыми глазами собачий гипнотизер по фамилии Шпунт потерял сознание.

— Вот это серьезно, Джульетточка, — задумчиво проговорил Григорий Григорьевич. — **Патологически** боится слов *закон* и *преступник*. Значит, он преступник и нарушает закон. Но почему он не хочет иметь с нами дело? Даже выслушать не хочет, зачем мы к нему пожаловали. Почему он нас боится? Надо вызвать ноль-два или ноль-три!

— Не надо... — жалобно раздалось с кушетки. — Никого не надо вызывать... Прошу... умоляю... требую...

— Нет, вызовем! — грозно пообещал Григорий Григорьевич, вставая. — Если вы притворяетесь, что никого и ничего не помните, соответствующие *органы* напомнят вам...

При слове *органы* собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт затрясло и трясло довольно долго и сильно. Когда тряска прекратилась, он умоляюще произнес:

— Ладно. Чего вам от меня надо?

— Теперь, — ничего, — услышал он угрожающий ответ. — **Мы приходили приобрести у вас собачку,** а теперь нам от вас ничего не требуется.

И опять собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт затрясло, но теперь уже гораздо сильнее и надолго. Закончив трястись, он подошел, ну прямо как побитая со-

бака, и, преданно заглянув в глаза Григория Григорьевича, хрипло и страстно произнес:

— Я готов выполнить любые ваши указания!

— С какой целью вы сначала не пускали нас, а затем прикидывались ничего и никого не помнящим?

— Я не прикидывался. Я действовал бессознательно. Это у меня уникально-феноменальное заболевание с феноменально-уникальным рецидивом.

— Значит, вы рецидивист?!

— Только в медицинском значении! В остальном я вне подозрений!

— Точно вне?

— Абсолютно точно — вне!!!

— А чего тряслись? Почему в обмороке сидели?

— Я же информировал вас: уникально...

— Феноменальное вранье. Всё **проверим.**

— Не надо **проверять!** Ничего не надо ПРОВЕРЯТЬ!

— Мы уходим. — Григорий Григорьевич грозно обошел стол, еще грознее направился к дверям, но собачий гипнотизер по фамилии Шпунт перепрыгнул через спинку стула, прижался затылком к дверям и провизззззжал:

— Нееееельзззззззззззяяяяяаааа... уходить нееееееельзззззззззззяяяяяяяяаааааааааа! Почему вы **преследуете** меня? **Следите** за мной почему? И где логика — основа поведения человека? Вы пришли и, ничего не получив, отказавшись получить, уходите? Значит... значит... значит... Не убивайте меня! Я же моментально скончаюсь, если...

— Не умрете — раз. Не скончаетесь ни моментально, ни медленно — два. За все ответите — три. Прочь с дороги! — четыре. — И Григорий Григорьевич машинально замахнулся на собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт Джульетточкой.

Тот по дверям, упираясь в них спиной, сполз вниз, сел на полу и жалобно заскулил, чуть-чуть подвывая.

Григорий Григорьевич открыл дверь, перешагнул через него и...

— И вот сижу и думаю, кто же он такой? — обеспокоенно спрашивал он Вовика. — Квартира огромнейшая, как универмаг почти со всеми отделами — столько в ней вещей накоплено. Хозяин трясется при словах *закон* и *преступность*, а при слове *органы* сидит в обмороке! Это в наивысочайшей степени сверхподозрительно! И феноменально-уникально непонятно! За всем его уникально-феноменальным поведением **что-то** кроется! Мой долг — выяснить!

Но, как ни уважал Вовик Григория Григорьевича, — даже история с Джульетточкой не отразилась на этом уважении, — все равно он остался безучастным к поведению собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт и небрежно ответил:

— Жулик он обыкновенный.

— Обыкновенный! — Григорий Григорьевич откровенно фыркнул. — А что, бывают жулики необыкновенные? Все они — обыкновенное общественное зло. А этот... нет, нет, он не жулик! Он опаснее!.. А вот есть у нас в городе дармоездочка одна. Девочка, значит. Редчайший случай! У нее вся голова, представляешь ли, в разноцветных бантиках, и с виду вся она такая уж воспитанная... Ты что вскочил? Не торопись, посиди. Ее, пожалуй, можно считать необыкновенной... как это? Жулик — слово мужского рода. А она кто? Жулька? Все контролеры от нее плачут. В переносном смысле этого слова. А она плачет в прямом смысле. Ездит только даром. Как контроль — она в слезы! И, главное, ничего не говорит, не пытается оправдаться. Только плачет. Учти, не ревет, не рыдает, а именно горько-горько-горько плачет. Молча, повторяю.

И все, все, понимаешь ли, пассажиры и пассажирки всех полов и возрастов всегда за нее! Против контролеров!!! Уж я ее выслеживал, выслеживал... Хи-и-итра! Из-под носа, как говорится, уходит! Сильна жулька! — почти с восхищением закончил он. — Ты чего стоишь?

— Два-один, — вымолвил Вовик.

— Футбол вспомнил? К чему?

— Да так... Ну, я пошел.

— Подожди, подожди. Тебе же адрес Иллариона Венедиктовича нужен. Вот, пожалуйста.

— Спасибо... — Ноги у Вовика ослабли, и он сел. — А зачем вы ее выслеживали?

— Да просто до сих пор интересно узнать: что же она из себя представляет, в какой семье живет, как учится и почему ей, с виду такой воспитанной, не стыдно совершать микроскопические государственные преступления, причем регулярно?

— А вспомнили-то вы о ней почему? — спросил Вовик лишь потому, что ему хотелось поговорить о ней.

— А ты утверждал, что, дескать, жулики бывают необыкновенными. Или что-то вроде этого. Я сначала не согласился, а пример дармоездочки, преступницы мелкого калибра, правда, убедил меня в твоей правоте. Но собачий деятель — это... Да что с тобой?! На тебе лица нет!

— Лицо-то есть! — сжав кулаки, почти крикнул Вовик. — А вот головы у меня нету!

— Голова у тебя на месте, я считаю. А я в людях все-таки немножко разбираюсь.

— Не голова это, а так, для видимости. Для модели, чтобы люди глядели. Дурак я, по-моему!

Григорий Григорьевич заглянул в комнату, убедился, что громкий разговор не мешает Джульетточке спокойно спать, широко улыбнулся и удовлетворенно произнес:

— Нет, не дурак ты. Если человек в сердцах дураком себя называет, то таковым не является. Проверено. Дурак-то, он себя всегда умным полагает. Что же с тобой, дорогой мой, стряслось?

— Два-один не в мою пользу.

— А сколько до конца игры осталось?

— Много.

— А вдруг получишь право на штрафной удар? Не промажешь?

«Точно, точно, — подумал Вовик, — я должен нанести ей штрафной удар. И не промазать!» — а вслух проговорил:

— Найду я вам эту дармоездочку, вся голова у которой в разноцветных бантиках и с виду она милая, очень, очень, очень воспитанная.

— Доброе дело сделаешь. Для нее. Помогать надо человеку стать человеком. Даже если она и государственная преступница мельчайшего масштаба. Ты ее знаешь?

— В том-то и дело... — Вовик пожал плечами. — И знаю... и понятия не имею... Но вот штрафной ударчик и должен ей нанести и — не промазать! Ни в коем случае НЕ промазать!

— Надеюсь, в переносном смысле?

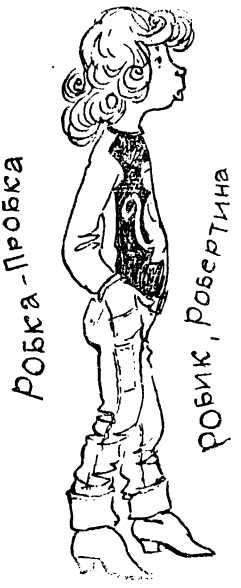
— Девчонка же... Григорий Григорьевич! — горячо воскликнул Вовик. — А что делать, если тебе врут напропалую?

— Женщина?

Вовик кивнул.

Подумав, что-то вспомнив, Григорий Григорьевич неторопливо и с очень глубоким сожалением начал рассказывать:

— По-моему, ничего тут не поделаешь. Я ведь вот почему один живу? Первая моя жена еще молодой на



фронте погибла. Медсестрой была. Боевые награды имела. Я уже после войны решил жениться. Чуяло мое сердце, что не надо этого делать. Потому что первую еще не забыл. А... извела меня вторая-то ложью! Ну врет и врет, как ты сказал, *напропалую*! И уж чего я только не предпринимал, чтобы хоть немножечко отучить! Пришлось расстаться, и где-то она, знаю, до сих пор врет всем... Женщины, Вовик, — публика сложная. Опасная иногда и прекрасная часто. Это уж кому как повезет. Но если уверен, что лгунья беспросветная, беги, не оглядываясь! И ни в коем случае не возвращайся!

— Ясное дело, — Вовик несколько раз скорбно кивнул, хотя и не все понял. — Но ведь помогать человеку надо стать человеком? Да?

— Изо всех сил, — так же скорбно, но только один раз кивнул Григорий Григорьевич. — Пока не убедишься, что все твои усилия бесполезны.

— Значит, бывает, что ты изо всех сил помогаешь кому-то стать человеком, а зря стараешься?

— Бывает, Вовик, бывает. Но ты не расстраивайся. У тебя вся жизнь впереди. Ты, главное, сам постарайся человеком стать. А это не так-то уж и просто... Ну, надоел я тебе. Топай давай по своим делам. Счастья тебе. Меня не забывай. А штрафной пробей точно.

Они обменялись крепким, мужским рукопожатием, и Вовик ушел.

И если вы, уважаемые читатели, решили, что все случайности произошли в предыдущей главе, то ошиблись. Вот вам еще одна.

Брел Вовик по указанному в записке Григория Григорьевича адресу к Иллариону Венедиктовичу (забегая вперед, сообщу, что их встреча в этот день не состоялась: Вовик не застал его и дозвониться не мог), как вдруг в нескольких метрах от себя увидел знаменитого шефа банды Робертину, он же в недалеком прошлом Робка-Пробка. Все внутри у Вовика сжалось, и кулаки тоже.

Попробую описать Робертину. Первое, что бросалось в нем в глаза, были длинные, в крупных локонах, даже на вид мягкие льняные волосы. Не всем мальчишкам такая шевелюра к лицу, а Робертину она украшала. Она была его главным и единственным достоинством. Второе, что бросалось в глаза при первом же взгляде на Робертину, это одежда. Сегодня на нем была майка: спереди белая обезьянка на черном фоне, сзади — черная обезьянка на белом фоне. А джинсы его не поддаются описанию: такие они были линялые, все в заклепках, «молниях», сзади ярлык с крокодилом золотого цвета и надписью на иностранном языке. Ноги были украшены ярко-желтыми сапожками на высоких каблуках. Роста он был чуть ниже среднего, но столько он накопил в себе высокомерия, наглости, что казался почти высоким.

Шел он рядом с мамой, которая облачилась тоже во все яркое и импортное, и вся была в драгоценностях.

Вовик пропустил их мимо и поплелся следом, машинально прислушиваясь к довольно громкому разговору. А Робки-Пробкина мама втолковывала сыну (у Вовика, ему показалось, даже уши вытянулись, чтобы лучше слышать) следующее:

— Вероника — прекрасная девочка. Я в жизни такой воспитанной девочки не встречала.

— Да ну тебя, — вяло оборвал Робертина.

И Вовик отстал, и вслух произнес:

— Два-два...

Больше с ним за вчерашний день ничего не случилось, весь он (день то есть) был посвящен по возможности глубоким раздумьям и довольно жестоким переживаниям по поводу, конечно, воспитанной девочки Вероники. Счет два-два был утешительней, чем один-два, но никак не мог удовлетворить Вовика.

Еще два события из вчерашнего дня осталось вспомнить, уважаемые читатели: одно — довольно печальное, другое — весьма смешное.

Перед самым сном, уже подходя к кровати, Иван Варфоломеевич вдруг что-то неясно вспомнил, присел, сидел и мучился, потому что воспоминание тревожило его, но не прояснялось. Для самоуспокоения он решил, что его беспокоит только что возникшая, но еще туманная мысль, имеющая отношение к эликсиру *грандиозус наоборотус*. Нет, никакой такой мысли обнаружить не удалось. Тогда, может быть, воспоминание? Да-да, что-то вроде этого. Но о чем? О ком? А мысль-воспоминание вдруг вызвала неприятное ощущение, даже с оттенком брезгливости, чуть ли не ненависти, перемешанной с острой тревогой.

Иван Варфоломеевич решил, что, если сидя не может разобраться в этом странном ощущении, надо встать. Он машинально пошел к чемодану, с которым вернулся из-за границы и которого еще не раскрывал.

Сейчас ему почему-то вдруг захотелось открыть чемодан, однако он испугался этого простого желания.

????????????????

Но деваться было некуда, его так и тянуло к чемодану. Иван Варфоломеевич щелкнул замком, откинул крышку и... бессильно опустился, почти рухнул на пол.

Сверху, на вещах, в беспорядке засунутых в чемодан, лежал галстук Сержа — белый, в маленьких фашистских свастичках.

Долго полулежал или полусидел, прислонившись к стене, на полу Иван Варфоломеевич, казалось, ни о чем не думая, только чувствуя боль в сердце... надо принять лекарство... надо принять лекарство... а боль все возрастала и возрастала... надо принять лекарство... стучало в висках... Силы уже оставляли его, в глазах темнело... Он на четвереньках еле-еле добрался до тумбочки, уже на ощупь нашел лекарство, положил его под язык... Очнулся (или проснулся?) он на полу от холода, сел, недоуменно оглянулся вокруг, взгляд его упал на закрытый чемодан.

Иван Варфоломеевич резко сел, потом вскочил, бросился к чемодану, щелкнул замком и облегченно вздохнул: никакого галстука не было! Он тщательно перебрал содержимое, еще раз и еще облегченнее вздохнул, лег в постель и выключил свет.

Хотел Иван Варфоломеевич закрыть глаза, а они не закрывались. Да-да, в отеле он взял галстук Сержа из мусорной корзины и положил в ящик письменного стола. Да, да, да, так оно и было. А когда он положил (или не положил?) галстук в чемодан, Иван Варфоломеевич не помнил. Собираться в аэропорт он стал в последний момент, когда за ним уже зашел Сережа, а Иван Варфоломеевич торопливо записывал варианты формул составных частей эликсира *грандиозус наоборотус* в блокнот. Не мог же он при Сереже достать фашистский галстук из ящика письменного стола и зачем-то положить в чемодан?!

А глаза все-таки не слушались Ивана Варфоломеевича и никак не хотели закрываться. Перед его мысленным взором был им самим раскрытый чемодан — вот здесь,

в этой комнате, а сверху на вещах — белый, в маленьких фашистских свастичках галстук... Чертовщина какая-то! Мистика! Бред! Галлюцинация... Но блокнот с формулами надо бы из чемодана достать...

Тут глаза закрылись. Иван Варфоломеевич рассудил таким образом: у него был небольшой приступ, он уснул и увидел неприятнейший сон. И он сейчас же заснул и уже больше во сне ничего не видел, а о блокноте забыл...

И последнее из неописанных событий вчерашнего дня.

Возвращаясь от Ивана Варфоломеевича, Гордей Васильевич, как бы торопимый приятным желанием, поднялся этажом выше своей квартиры и позвонил в квартиру одного своего приятеля-пенсионера, который гордо называл себя парикмахером в отставке. Дома у него были все необходимые инструменты и принадлежности для его работы, специальное кресло и трельяж. Илья Ильич, так его звали, с удовольствием обслуживал друзей и знакомых, в том числе Гордея Васильевича и его внука Робика.

И парикмахер в отставке нисколько не удивился довольно позднему визиту и не стал ни о чем расспрашивать, когда Гордей Васильевич, предварительно извинившись, сказал:

— Позвольте сейчас пригласить к вам клиента и сделать с ним такое, чего, я уверен, вы не делали ни разу в жизни. Покорно прошу не удивляться.

Осторожненько, беззвучно открыв дверь в свою квартиру, Гордей Васильевич точно так же пробрался в чулан, разыскал там несколько ремней, ремешков и бечевок, вошел в комнату, где все семейство отчаянно зевало перед телевизором.

— Сейчас начнется, — насмешливо проговорил Робик. — Дед попытается выключить, а мы не позволим.

— Да смотрите на здоровье, если оно вам не дорого, — добродушно отозвался, к изумлению всех, Гордей Васильевич, вызвал внука в коридор и зашептал: — Представь себе, потомчик, сейчас мне один военный, бывший разведчик, по-моему, показал интереснейший прием допроса. Вы ведь часто в шпионов играете, может, тебе и пригодится. Обалдеешь! Идем, продемонстрирую!

Между нами говоря, уважаемые читатели, Робик временами был глуп, как пробка. Именно поэтому он и позволил сделать с собой то, что категорически отказался делать парикмахер в отставке, а совершил сам дед.

Извинить Робика в какой-то степени может лишь то обстоятельство, что его прекрасную шевелюру с любовью, так сказать, содержал Илья Ильич.

Чтобы доказать, что временами (или всегда?) Робик был глуп, как пробка, задам вопрос: ну кто поверит, что дед-генерал почти ночью будет показывать внуку, да еще в чужой квартире, какой-то прием какого-то допроса, а внук согласится на это без сомнений и колебаний?

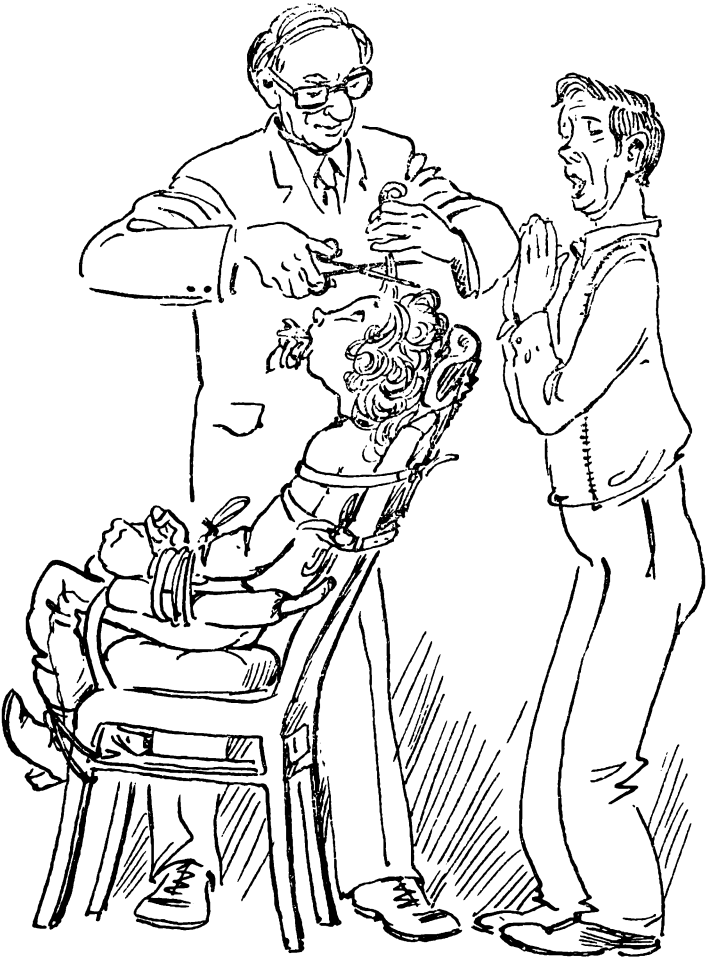
И Робик спокойно сел в знакомое кресло, положил руки на подлокотники, а Гордей Васильевич, с нескрываемым злорадством, которого внук не замечал, любуясь своей шевелюрой в тройном зеркале, говорил и проделывал то, о чем говорил:

— Привязываем руки... ноги привязываем... затем туловище... шейку так, чтоб не шевельнулся... рот открой!.. платочек туда... готово!

Илья Ильич в ужасе спросил:

— Зачем вся эта процедура? Клиентов никогда не привязывают!

— Клиентов — да! — едко согласился Гордей Васильевич. — А перед вами не клиент! Шеф банды Робертина! В прошлом Робка-Пробка! Приступайте, Илья Ильич! Наголо! Быстро! И качественно!



Робик пытался дергаться, жевал платок, пучил глаза.

— Я... я... я... не... не... не могу... профессиональная порядочность не позволяет... уничтожать редкую красоту... — лепетал парикмахер в отставке. — Такое богатство... роскошь... гордость... Руки не подымаются! Увольте, увольте, увольте!

— Тогда я сам! — Гордей Васильевич взял ножницы и стал отхватывать прядь за прядью, приговаривая: — Распустили обормота до невозможности... вырастили потомчика... Бандитом решил стать! Позорить мои седины! Доканчивайте про-це-ду-ру!

— Да, да... после вашей... работы... — бормотал перепуганный и оскорбленный Илья Ильич. — Приведу... хотя бы в порядок... этот ужас... это издевательство...

— Никакого ужаса! — отрезал Гордей Васильевич. — Никакого издевательства! Наоборот! Авось возьмется за ум, если он у него, конечно, имеется!

А Робик и впрямь испытывал ужас. Он ведь в ТРЕХ зеркалах вынужден был наблюдать, как лишался своего единственного достоинства, как постепенно под опытными руками Ильи Ильича обнажался череп, очертаниями похожий на дыню.

— Прекрасно! Великолепно! Неповторимо! Беспрецедентно! — хохотал Гордей Васильевич после каждого своего слова. — Теперь попробуй руководить бандой! Засмеет она тебя! Шефчик! Всю твою банду остригу, если потребуется! Собаки на улицах и те над тобой хохотать будут! По-собачьи, конечно! Понимаете, Илья Ильич, нет теперь никакой управы на этих потомчиков! Бандиты молокососные!

— Но ведь это же, наверное, игра... — жалобно промямлил парикмахер в отставке. — При чем здесь прекрасные волосы? Мальчики, видимо, хотели поразвлечься...

Робик вытолкнул наконец-то платок изо рта, и оттуда вырвался такой вооооОООООООпль... Ну, примерно, если бы его издавали четверо: один — орал, второй — хрипел, третий — стонал, четвертый — визжал...

— Позвольте развязать его? — дрожащим голосом спросил Илья Ильич. — Соседи подумают... у меня репутация...

— Освобождайте преступника!

Парикмахер в отставке суетливыми движениями развязал Робика и получил удар кулаком по голове.

— Мальчик, видимо, немного поразвлекся, — насмешливо констатировал Гордей Васильевич.

А Робик с тем же вооооооОООООООплем бросился на деда, но тот схватил его за ухо и приподнял так, что внук стоял на цыпочках, боясь шевельнуться.

— Здесь вопить прекрати. Иди вопить домой. Там, кстати, тебя и пожалеют, хотя вряд ли смогут утешить.

Робик умчался с небольшим воооплем.

Потирая голову, Илья Ильич участливо поинтересовался:

— Что теперь будет с бедным мальчиком?

— Жизнь будет продолжаться своим чередом, — философски произнес Гордей Васильевич. — А у нас в семье сейчас будет скандальчик. Да еще какой. Под прекрасной-то шевелюрой обнаружилось — что? Обыкновенная дыня!

— Что вас вынудило к этому? — Илья Ильич все еще не мог прийти в себя.

— Сложные и глубокие раздумья и переживания. Кроме того, стыд и ощущение позора. Задавив в себе жалость и не найдя другого выхода, я решился на... процедуру. Спасибо вам, дорогой Илья Ильич, за помощь, а внука моего извините за рукоприкладство. Спокойной ночи.

Не сочтите, уважаемые читатели, что я выдаю поступок Гордея Васильевича за образец. Да он и сам не был до конца уверен, что совершил педагогически правильное мероприятие, но терпение его истощилось. Кроме того, в своем безобразном поведении плохие люди никогда не задумываются над последствиями, — так почему, наказывая их, надо учитывать, какое это произведет на них впечатление?

Тут в квартиру Ильи Ильича ворвалась Робикова мама, вся в слезах и драгоценностях, громко и достаточно истерически рыдая. Она стала складывать прекрасные сыновьи волосы (Илья Ильич бросился помогать) в урну, похожую на вазу, и сквозь рыдания бормотала:

— И-и-изувер... и-и-изверг... и-и-истязатель... я тебе этого не прощу этого... так и-и-изуродовать ребенка... у-у-уничтожитель красоты...

— Отрастут, — спокойно сказал Гордей Васильевич. — Раньше он был изувером, извергом, истязателем. Хватит. Поизуверствовал, поизвергал, поистязал. Пора и прекратить. Идем домой, доченька. Там порыдаешь.

К их возвращению Робик практически выорался, только всхлипывал, лежа на тахте.

Папа сидел у него в ногах, бормотал:

— Успокойся, успокойся, успокойся... мы с мамой что-нибудь придумаем... походишь пока в английском беретике... Гордей Васильевич, вы хотя бы отдаете себе отчет в том, ЧТО вы натворили?

— Честно говоря, не совсем, — признался Гордей Васильевич. — Я не настаиваю на **абсолютности** своей правоты. Зато я **сверхабсолютно** убежден, что ваш сынок, являющийся, к сожалению, и моим внуком, растет редкостным обормотом. А вы и я поддерживаем развитие его обормотизма. Вот я и попробовал кое-что предпринять. Может быть, цель оправдает средство.

Мама хотела погладить голову любимого Робика, но в испуге отдернула руку и воскликнула:

— Дыня!

— Жаль! Очень жаль! — насмешливо воскликнул Гордей Васильевич. — Ведь у него все импортное, а череп оказался в форме отечественной дыни.

— Дурак, дурак, дурак! — сипло выкрикнул Робик.

— Конечно, конечно, конечно! — ответил дед вроде бы серьезно. — Всю жизнь занимаюсь, понимаете ли, всякими глупостями. — Голос его вдруг загремел. — Во время войны, например, спас сотни людей! Сейчас СДУРУ занимаюсь научной работой, чтобы дети не вырастали обормотами! — Он грозно встал. — А собственный внук растет обормотом! Займитесь-ка своим ребеночком, дорогие родители, пока не поздно. Кстати! — вспомнил он, уже подойдя к дверям, вернулся, достал из карманов Робика, сколько тот ни сопротивлялся, зажигалку и сигареты. — Спокойной ночи... малыши! — И дед удалился.

Ну, а теперь, уважаемые читатели, нам предстоит посмотреть, что и как бывает с генерал-лейтенантом в отставке, когда он вернется в детство.

Готовя себе завтрак, Илларион Венедиктович загрустил, вернее, очень опечалился. И не подумайте, из-за того, мол, что стал маленьким. Нет-нет, он по-прежнему верил, что **должен был** вернуться в детство, где у него много дел. Да вот беда: ведь у него сейчас были всего одни трусики! Даже тапочек не было. Во дворе в таком виде появиться еще можно, а вот в город, тем более вечером, уже не выйдешь. К тому же предстояла схватка с бандитами...

Но еще больше Иллариона Венедиктовича тревожила мысль: а вдруг он обещал Вовику встретиться сегодня

в семь ноль-ноль? А ведь Вовика сегодня бандиты собираются похитить! Надо его предупредить, помочь...

Размышляя над всем этим, Илларион Венедиктович сделал то, чего ему никак нельзя было делать, но что вдоволь было дозволено мальчику Лапе, — полакомился малосольными огурчиками!

Настроение улучшилось. Сейчас главная задача — найти себе сообщника, друга, помощника среди мальчишек, такого, которому можно было бы все или хотя бы почти все доверить. Второе: сообщить о своем чудесном превращении старым друзьям, порадовать их, посоветоваться. Третье: разработать подробный план действий на сегодня. Ведь лиха беда начало. Четвертое: обзавестись одеждой и обувью. А это совсем просто — пойти в магазин и купить все необходимое.

На предполагаемую встречу с Вовиком Илларион Венедиктович отправится сейчас совершенно спокойно: прохожих в такой ранний час мало, да и нет ничего особенного в том, что по улице в трусиках и босиком бежит мальчик, — молодец!

А ему хотелось именно бежать, и притом вприпрыжку, как он не бегал этак более полувека с лишним.

Конечно, самый рациональный вариант — рассказать Вовику обо всем, но... Эх, если бы Илларион Венедиктович знал, как изменился за последние дни бывший дармоезд, он бы без колебаний взял его в сообщники!

Перед выходом Илларион Венедиктович решил просмотреть почту. В ней оказалось письмо от его младшего сына Романа. Если вы помните, уважаемые читатели, он был актером и очень походил на отца (обстоятельство, которое сыграет существенную роль в нашем повествовании).

«Мне поручили роль генерал-лейтенанта в отставке, — сообщал Роман, — в многосерийном телевизионном

фильме. Вот я и решил совместить приятное с полезным: и у тебя пожить, и понаблюдать, какими вы, ветераны, в жизни бываете, порасспрашивать тебя и Гордея Васильевича. Сейчас я на гастролях, о дне прибытия извещу телеграммой. И еще новость: прибуду с невестой!»

Обратного адреса на конверте и в письме не было, а почтовый штемпель был оттиснут небрежно.

Илларион Венедиктович подошел к зеркалу, с любопытством поразглядывал Лапу и сказал ему:

— Ты, я вижу, весьма доволен, что снова появился на свет, чтобы пережить повторное детство. Конечно, на твоем пути возникнет немало осложнений, но... Все надо делать по порядку. Сейчас — к Вовику.

Ключ от квартиры пришлось держать в зажатом кулаке.

Легко бежал по утреннему городу Илларион Венедиктович, быстро бежал, потому что было холодновато, с трудом удерживаясь от желания запеть или радостно закричать.

Детство! Вот оно, оказывается, какое! На душе беззаботно, все представляется исполнимым! А сколько еще всего впереди! Даже сегодня! От одного воспоминания о встрече с бандитами кулаки радостно сжимаются!

Он забыл даже о том, как будет вести себя с Вовиком. Да и чего тут думать? Они же оба — дети! Договорятся!

Жаль, уважаемые читатели, ах, как жаль, как обидно, иногда и злость, как говорится, берет, что дети не ценят детства! Особенно лентяи и всякого рода безобразники. Ненавижу, скажу прямо, тех, которые, например, обижают маленьких и слабых. Кто в детстве о б и ж а т е л е м растет, тот и взрослым точно таким же будет. Жадюг еще ненавижу! А как прикажете относиться к тем, кто не уважает стариков и старушек?

Конечно, детство состоит не из одних только радостей, бывает в нем много неприятного и несправедливого. Надо уметь это переносить стойко, достойно, а самое главное: уже в детстве надо привыкнуть, чтобы обязанности твои были тебе не в тягость, а привычным, необходимым и радостным делом. Самая же большая радость — помогать и маленьким, и большим.

Но если бы меня спросили, что наиболее важно **не упустить** в детстве, я бы ответил: природы. Это простая, но великая истина.

Чем больше человек в детстве связан с природой, чем он ближе к ней, тем раньше он поймет, что без любви к природе нельзя вырасти человеком, живущим интересной, разнообразной, полной впечатлений и приключений жизнью.

И хотя я, конечно, отлично знаю, что добрые советы от детского ума отскакивают как от стенки горох, но убежден: кто-нибудь к ним да прислушается, и они ему пригодятся.

Вот вам трудно, почти невозможно представить, уважаемые читатели, что и вы когда-нибудь (кстати, годы промелькнут быстро-быстренько!) станете стариками и старушками. И не пришлось бы вам пожалеть с огромным опозданием, что в детстве вы не полюбили природы, значит, жизнь провели без ее чудесного влияния, и тут с вами вполне может случиться именно из-за этого беда. Может случиться так, что вы останетесь одни, немощные да еще и больные. Тут-то природа и могла бы вам помочь. Она отблагодарила бы вас за любовь к ней еще с детства, принесла бы вам много радостей, забвения от тяжелых дум, облегчила бы ваши недуги и прибавила бы — честное слово! — здоровья и сил!

Но вернемся к тому, что Илларион Венедиктович, вернее, мальчик по прозвищу Лапа, ранним утром впри-

прыжку мчался по городу, уже прикидывая, как бы ему с ватагой сверстников выбраться на природу! Как бы ему поскорее завести собаку, аквариум, певчих птиц! А то всё магнитофоны да проигрыватели! Ведь детство может пройти таким образом, что голосов птиц и услышать не придется, только диски, диски, диски...

Лужа впереди! Да разве взрослый имеет возможность пробежать по луже босиком хотя бы и в городе?!

А генерал-лейтенант в отставке Самойлов Илларион Венедиктович как затопал по луже, так брызги — во все стороны и вверх, на него самого! Лужа оказалась короткой, и он несколько раз пропрыгал по ней взад-вперед! И если бы вокруг был не город и не прохладное утро, он бы из этой лужи долго бы еще не выходил...

От холодной воды он продрог, да и трусики вымокли, и он уже не бежал, а р в а л с я вперед, чуть ли не л е т е л, забыв даже, куда и зачем н е с е т с я. Давненько, более п о л у в е к а с лишним, он так не бегал!

В нем, во всем его существе сейчас необыкновенно соединились ощущение подлинного детства и наслаждение им старого человека.

Он бежал как в детстве!

Это было настолько удивительно, что Илларион Венедиктович не сразу пришел в себя, надолго забыл от восторга, кто он такой, что с ним приключилось. А когда он все это вспомнил, то пошел шагом.

Именно сейчас он с некоторой тревогой понял, что ничего не имеет права предпринимать, пока не сообщит о происшедшем с ним Ивану Варфоломеевичу, ибо только тот может объяснить, каким образом старик превратился в мальчика и что́ с ним, мальчиком, может быть. Илларион Венедиктович вспомнил, что **все** началось после того, как он в лаборатории изобретателя зверюшек-игрушек выпил стакан воды. А вода ли это была?!

«Стоп! — мысленно приказал он себе, увидев под полосатым тентом на стулике перед столиком сумрачного Вовика. — Запомни: теперь ты только Лапа!»

Илларион Венедиктович сел напротив ставшего еще сумрачнее Вовика, который посмотрел на него самым недружелюбным взглядом, спросил:

— Ты случайно не Иллариона Венедиктовича поджидаешь?

— Его, его, как раз его! — сразу обрадовался Вовик. — А что?

— Меня Лапой звать, прозвище такое, но я предпочитаю его имени, — по-мальчишески развязно сказал Илларион Венедиктович, тщательно подбирая слова, чтобы речь его выглядела безупречно детской. — Он попросил меня, чтобы я сюда притопал ни свет ни заря и сообщил тебе, если ты, конечно, соизволишь не проспать и придешь, чтобы ты не боялся бандитов. Чтобы к двенадцати был у гаража как штык. А ты не дрейфишь?

— Так ведь я один, — грустно и немного жалобно ответил Вовик, внимательно приглядываясь и прислушиваясь к Лапе. — А они девчонку одну похищать будут, а она просила меня сопровождать ее. И еще она сказала, что предстоит неминуемая жестокая драка. А я драться не умею. Представляешь, что может получиться?

— Илларион Венедиктович категорически настаивал на том, чтобы ты сопровождал Веронику, — еще развязнее проговорил Илларион Венедиктович, внутренне радуясь, что ни единым словом, как ему показалось, не выдал себя. — Он высказал убеждение, что ты будешь вести себя самым достойным образом и не испугаешься. Учти, что и тебя бандиты по каким-то им одним известным соображениям тоже намерены захватить.

— Ме... ме... меня?!?! — ужаснулся Вовик. — По каким таким соображениям?

— Вот это мне неизвестно. Ты, главное, не дрейфь. Илларион Венедиктович принял все соответствующие меры, чтобы с тобой не случилось ничего даже в малой степени неприятного.

— А сам-то он где?

— Ну, мне он не обязан докладывать. Просил пока его не беспокоить. Дня два. Потом позвони. Координаты его у тебя, надеюсь, имеются?

Вовик уныло кивнул и обреченно махнул рукой.

— Да ты что, Вовка, раскис? — как можно веселее спросил Илларион Венедиктович. — В банде у нас свой человек. Это раз. Я сам буду участвовать в неминуемой драке с бандитами. Это два. А дед Робки-Пробки мой старый друг... Ну, не в прямом, естественно, смысле... а так... часто мы встречаемся... Он тоже намерен вмешаться в данную историю. Так что, Вовка, у тебя никаких оснований нет чего-либо опасаться. А Веронике вот слишком-то не доверяйся. Я эту особу знаю.

— Два-три! — пораженный, воскликнул Вовик.

— Что ты имеешь в виду?

— Да это я так. Вдруг футбол вспомнил. А чего ты в одних трусиках и босиком?

— А... а... — замялся Илларион Венедиктович. — Закаляюсь, представь себе! Врачи посоветовали... — И он окончательно замолк, мысленно браня себя.

— Слушай, Лапа! — позвал его Вовик. — А как ты не проспал сегодня?

— Да у меня же многолетняя привыч... — Илларион Венедиктович осекся, раздраженный тем, что никак не может полностью ощущать себя Лапой. — Привычка, знаешь ли. Значит, ты не дрейфь, приходи к гаражу. Все будет исполнено так, как задумано! Пока!

И, быстро уходя прочь, Илларион Венедиктович голой спиной и, казалось, даже каждой пяткой чувствовал,

как недоверчиво и подозрительно смотрит ему вслед Вовик.

«Ну, если так будет продолжаться и дальше, — сердито думал Илларион Венедиктович, — меня, конечно, не разоблачат, но доверия я не завоюю. Придется мне над своей речью поработать... Теперь следующая задача — купить одежду и обувь. Босиком идти в магазин — в высшей степени глупо. И в одних трусиках... но кто его знает, может, мальчишкам такое разрешается? Главное — быть предельно похожим на мальчишку!»

И он побежал, и старческая озабоченность постепенно исчезала, сменялась детской беззаботностью. По лестнице — тоже бегом!

Дома он самым тщательным образом, хотя и торопливо, нервничая, перерыл, переворошил все шкафы и чемоданы, где могли оказаться внуковы одежды и обувь. Ничего, кроме крошечных тапочек, платьиц, рубашечек...

Машинально сняв трубку зазвонившего телефона и услышав голос Гордея Васильевича, он натужно кашлянул и услышал торопливый рассказ:

— Я вчера, Илларионша, своего обормота остриг наголо, велел сегодня ему из дому не выходить. У меня важное совещание, и быть у гаража я никак не смогу. Но раз там не будет моего гологолового шефчика, никаких похищений не состоится. А завтра я этого Робика-Пробика отправляю в подшефный совхоз возить навоз! Неплохое начало трудовой деятельности, я полагаю. А вечером мы с тобой созвонимся... Алло?.. Алло? — с тяжелым сердцем Илларион Венедиктович слушал в трубке сердитые гудочки отбоя и не сразу положил ее на место.

«Этакого-то красавца остриг наголо! — внезапно развеселился Илларион Венедиктович. — Узнаю Гордеюшку! Терпел, терпел, да и не утерпел!.. А я к гаражу обя-

зан пойти. Обещал Вовику. Лапа слов на ветер не бросает!»

Потом звонил Иван, наАЛЛОкался вдоволь... Пожалуй, да не пожалуй, а обязательно, надо сегодня же поставить его в известность о чудесном превращении. А то он там с мышами и морскими свинками возится, а тут... Лапа может стать открытием мирового значения... Подожди, подожди... Нет, не Ивану следует об этом рассказать в первую очередь, а Гордеюшке! Он ведь предсказывает, что врагам нашим не зверюшки-игрушки нужны, а скорей всего то, что случилось с генерал-лейтенантом в отставке Самойловым!.. Но если открыться, то ведь ради чего он мечтал вернуться в детство, то и не получится! Его просто возьмут под научное наблюдение, и будет он в принципе чем-то вроде мыши или морской свинки... Юмор, конечно, здесь не к месту, тем более, что Гордеюшка вполне может быть прав в своих подозрениях насчет импортного сына Ивана — Сержа там или Сереженьки... Но ведь редчайший биолого-психолого-педагогический эксперимент в основном-то удался!.. А если это изобретение попадет в руки врагов? Если за ним, как полагает Гордеюшка, могут уже охотиться иностранные разведки? Может, они своими подлыми умами сразу увидели в опытах со зверюшками-игрушками именно то, что случилось с Илларионом Венедиктовичем? Надо, надо сообщить Гордеюшке...

Вот тут-то ему **впервые** пришла в голову мысль о том, а стоило ли в приципе мечтать о возвращении в детство. Неужели его можно повторить? Впервые он **усомнился** в подлинной ценности своего биолого-психолого-педагогического эксперимента, хотя все пока шло замечательно.

Необычайная грусть вдруг охватила Илариона Венедиктовича. Ему почудилось, что в нем борются два че-

ловека — мальчик и старик, попеременно одерживая верх.

Илларион Венедиктович опять подошел к зеркалу, опять долго разглядывал в нем Лапу и говорил ему:

— Держись, друг. Раз заварил кашу, хотя в некоторой степени и случайно, изволь ее честно расхлебывать. Захотел помочь обормотикам стать настоящими людьми? Помогай! Но кто их, так рано испортившихся, поймет? Может быть, постепенно по всем законам развития общества и природы или сама по **себе вывелась новая порода детей — не воспитуемых никакими доселе известными способами?** Иначе ведь ничем не объяснишь, почему их, обормотиков и обормоточек, развелось так много. Хорошо еще, что появился «Чадомер»! Он поможет хотя бы предупреждать родителей, ЧТО может вырасти из их любимых чадиков! Нет, нет, Лапа! — воскликнул Илларион Венедиктович своему отображению в зеркале. — Мы еще ответим этой Смерти-фашистке! Она еще попрыгает у нас от бессильной злобы! Во всех войнах мы побеждали, победим и впредь.

И все-таки через некоторое время радостное возбуждение покинуло его. Впервые Илларион Венедиктович был в наиполнейшем одиночестве. Даже поговорить по телефону ему было нельзя. А телефон как назло трезвонил и трезвонил...

Время до открытия «Детского мира» не тянулось, а ползло все медленнее и медленнее.

Опять вернувшись к зеркалу, Илларион Венедиктович сказал Лапе:

— Мы обязательно пойдем к гаражу. Меня просто тянет туда! Любопытно, знаешь ли, и в драке поучаствовать, если в этом будет необходимость, если она действительно неминуема. Интересно на остриженного Робика посмотреть, и как к этому факту банда отнесется, инте-

ресно увидеть... Ну, Лапа, марш в «Детский мир» и веди себя, пожалуйста, по-детски. Тогда мы быстренько...

Зажав деньги в одном кулаке, а ключ от квартиры в другом, он отправился в магазин, по дороге размышляя о том, что ему и как сказать продавцам, если они спросят, почему он явился в одних трусиках и босиком. Разве дома нет больше никакой одежды и обуви? А почему об этом вовремя не позаботились родители?

Все оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал. Поднявшись на второй этаж в отдел одежды, Илларион Венедиктович вежливо обратился к молоденькой продавщице:

— Милая девушка, будьте настолько любезны...

От удивления и возмущения глаза у милой девушки стали абсолютно сверхкруглыми, а Лапа невозмутимо и с легкой иронией продолжал:

— Такой вот, представьте себе, со мной приключился казус. Остался, так сказать, извините, в нижнем белье! — И для поддержания собственной храбрости, которой ему сейчас явно не хватало, он громко рассмеялся. — Мне необходимо приодеться. Надеюсь на вашу, милая девушка, скорую, как говорится, помощь. Я со своей стороны...

— Да какая я тебе *милая девушка,* хулиганишка ты этакий?! — В гневе продавщица подняла руку словно для удара, но тут же опустила ее, а рядом уже оказались и другие любопытствующие и негодующие, судя по их лицам, *милые девушки.* — Кто научил тебя так со взрослыми разговаривать?

— А деньги-то у тебя есть? — спросила другая продавщица. — И кто тебе их дал, *милый мальчик?*

Илларион Венедиктович мысленно обругал себя всеми подходящими для данной ситуации словами (отнюдь не детскими!), а вслух проговорил как можно вежливее

(как выражаются, по его мнению, воспитанные мальчики):

— Деньги, естественно, у меня есть. Вот. И покорнейше прошу извинить меня. Я вовсе не намеревался обидеть вас обращением, которое против моей воли прозвучало фамильярно или даже фривольно. Просто я часто слышал, что именно так обращаются к продавщицам взрослые дяденьки, а вам должно быть известно, что каждый ребенок старается выглядеть старше своих лет. Еще раз прошу прощения.

— Пойдем-ка в комнату милиции, — строго предложила продавщица, — там во всем разберутся.

— Извольте, я к вашим услугам, — уныло согласился Илларион Венедиктович, суматошно раздумывая над тем, как ему выкрутиться из этой истории. — Только зачем? Что в моей просьбе предосудительного! Мне, ребенку, нужно одеться в магазине под названием «Детский мир», у меня есть деньги. То есть я полноправный покупатель, а вы... Понимаете, — с отчаянием продолжал он, вспомнив, что в двенадцать ему нужно быть у гаража, — наши все уехали на дачу, закрыли все шкафы и шифоньеры...

— А деньги, деньги у тебя откуда?

— Мне их дал дедушка. Я рано утром сбегал к нему. Прошу вас, обслужите меня, пожалуйста!

Продавщицы о чем-то пошушукались между собой, бросая на Иллариона Венедиктовича подозрительные и даже возмущенные взгляды, и *милая девушка* твердо произнесла:

— Все-таки пройдем в комнату милиции. Мы тебе не верим.

— Жаль, — серьезно испугался Илларион Венедиктович. — Но я готов подчиниться вам. Только сначала попрошу предоставить мне возможность сделать запись в

книге жалоб, что вы отказались обслужить меня без всяких объективных причин.

Тут уж все *милые девушки* не округлили, а выпучили от изумления глаза, а Илларион Венедиктович продолжал с достоинством:

— Не проще ли помочь мне сделать необходимые покупки, а милиционера отправить со мной на квартиру? Вот ключ. Здесь не так далеко. Вы понимаете, что у меня уже ноги оледенели?

И через некоторое время он был одет, *милая девушка* сходила с ним в обувной отдел, там он купил кеды и сказал ей:

— Сердечное вам спасибо. Вы даже и не предполагаете, какой важности услугу вы мне оказали. Извините, что доставил вам столько беспокойств. Всего вам самого наилучшего... тетенька!

Но прежде чем посмотреть, уважаемые читатели, что случилось на сборище банды у гаража, нам придется заглянуть в квартиру Гордея Васильевича.

Сам он и родители Робика ушли на работу, а он получил от деда сверхнаистрожайший приказ сидеть дома и ждать телефонного звонка.

На Робика, Робку-Пробку, Робертину смотреть было не жалко, ибо жалко выглядевшего человека все-таки можно пожалеть. Смотреть на него было смешно! И, словно для того, чтобы сильнее растравить себя, разозлить, он, не вставая, сидел перед зеркалом и не сводил глаз со своего, ужасного для него, отражения. А из зеркала не сводила с него глаз дыня с глазами!

Сверх всякой меры охваченный злобой, растерянностью, бессилием от непонимания того, что с ним случилось, Робик жаждал доказать, что и с головой в виде дыни он способен на кое-что! Он еще докажет, что никому не собирается подчиняться!

Он вспомнил случившееся и ничего не понимал. Дед был добродушнейший человек, добрейший, доверчивый, обмануть его или выпросить что-нибудь не стоило никакого труда.

Например, сказал как-то Робик:

— Дед, дай-ка ключ от гаража, мы там поиграем. — И Гордей Васильевич тут же протянул ключ, ни о чем не спрашивая.

И вдруг!.. И пусть Робик не отличался даже средними умственными способностями, он вполне сообразил, что ничего у него, как у человека, не было ценного, кроме замечательной шевелюры. Из-за нее-то он и вел себя нагло, зная, что большинство людей, даже мальчишки, завидуют ему и считают прекрасные волосы чуть ли не личной заслугой Робика.

А как же теперь быть?

Тут он снова стал размышлять о поступке деда (но не о своем поведении!), совершенно забыв, например, о том, что давно берет без разрешения у деда деньги из карманов. Такие неблаговидные действия Робик расценивал как невиннейшие, а точнее, никак не расценивал, просто брал деньги и тратил, не зная, что это называется воровством.

Короче говоря, Робик посчитал поведение деда своего рода капризом, последствий у которого больше не будет, и стал прикидывать, как сейчас быть.

То, что происходило у него в похожей на дыню голове, никак, конечно, нельзя было считать работой мыслей. Просто в ней мелькали *желаньица* вроде того, как бы все-таки удрать из дому, где у него никогда не было других занятий, кроме сидения у телевизора. И совсем было бы неплохо остаться шефом банды и будто бы похитить воспитанную девочку Веронику и толстяка Вовика (кстати, по ее совету). Цель этого похищения — вдо-

воль поиздеваться над толстяком и заставить его сделать что-нибудь уж совсем глупое и похохотать до упаду, когда ему попадет.

Но — нужно удрать из квартиры и кого-нибудь в ней оставить вместо себя, чтобы ответил на телефонный звонок деда... Что? Ну, это мы придумаем! А можно вообще ничего не придумывать! Пусть кто-нибудь сидит дома... Зачем? Неважно. Просто Робик так решил, так оно и будет! Робик быстренько набрал номер телефона воспитанной девочки Вероники и приказал:

— Старуха, моментально разыщи мне Федьку, и чтоб он мигом был у меня дома. Если потребуется, напугай его так, чтобы он в «мы» захотел! Действуй! Иначе операция срывается! — И, не дожидаясь ответа, он бросил трубку на рычаг, считая, что шефы банд должны отдавать приказания безоговорочным тоном, и тут же забыл о своем внешнем виде.

Вскоре насмерть перепуганный Федька стоял перед ним в прихожей, но недолго Федька был насмерть перепуганным. Увидев голову-дыню, он захихикал, потом захохотал, потом его стало корчить от смеха. Держась руками за живот, он согнулся, как от удара в него, а попой, чтобы не упасть, уперся в стену.

Робертина стукнул Федьку по затылку, мальчишка распрямился и сквозь захвативший все его существо смех выкрикнул:

— Дыня получилася!

И Федька опять захохотал, схватившись за живот и согнувшись, а Робертина втолковывал ему:

— Приказываю тебе, балда ты такая, сидеть здесь и ждать меня! Телефон зазвонит — приподними трубку и опусти обратно! Двери не открывай! Жди меня! Понял?

Федька просто ничего не расслышал, захваченный

безудержным хохотанием, но почему-то мотнул головой, видимо для того, чтобы ему не мешали хохотать, то есть наслаждаться. Понять ведь Федьку-то надо: до сих пор он всегда был предметом насмешек и смеха, а тут впервые ему выпало редчайшее удовольствие самому хохотать, да над кем?! Над Робертиной! Над шефом! Над тем, который только то и знал, что стукать Федьку по затылку!

Робертина самоуверенно счел, что его приказания поняты, и ушел, тщательно натянув перед зеркалом английский беретик.

Оставшись в огромной квартире один, отхохотавшись, Федька долго соображал, но так и не сообразил, для чего он здесь оказался. Попав случайно на кухню, он выпил три бутылочки вкусного-вкусного сока, подумал-подумал и съел все (четыре) пирожные в вазе, еще подумал-подумал и сгрыз три больших яблока.

Немного отдохнув, он отправился бродить по квартире. Никогда таких жилищ он не видел и заблудился.

Бродил Федька, бродил по комнатам и коридорам, но никак не мог снова выйти на кухню, зато обнаружил телефон. Он важно снял трубку и стал набирать: сначала — ноль, затем — один и только хотел набрать два, как из трубки раздалось:

— Дежурный слушает. Ваш адрес!

Федька назвал адрес, да опомнился, испуганно пискнул, бросил трубку на рычаг и отбежал от телефона. Он метался по комнатам и коридорам, а в это время по адресу Гордея Васильевича мчались две пожарные машины, воя сиренами. Словно слыша их и понимая, что он натворил, Федька наконец-то выскочил в прихожую, увидел дверь и — стрелой по лестнице!

Нам, уважаемые читатели, можно и оставить его, а отправиться к воспитанной девочке Веронике, которую

с унылым, даже обреченным видом сопровождал Вовик, а вела она его к гаражу. Там ее и его должны были похитить бандиты.

— Вообще жизнь неоднозначна, — рассуждала воспитанная девочка Вероника, и все разноцветные бантики на ее голове замерли в глубокой задумчивости. — Вот я часто вынуждена размышлять над тем, почему ко мне так несправедлива судьба. Казалось бы, я по мере своих сил и возможностей все делаю для того, чтобы доставить окружающим меня людям, в том числе и вам, Вовик, радость, помочь, а получается...

— Какую же ты мне радость доставить можешь? — сердито спросил Вовик, а мысленно добавил: «Если все время врешь?»

— Вы не рады, к примеру, знакомству со мной?! — поразилась воспитанная девочка Вероника. — Вы сомневаетесь, что я оставлю в вашей жизни заметный след? Значит, вы просто невосприимчивы к незаурядным натурам. Но я многое вам прощаю, потому что все-таки в вас кроется нечто загадочное.

— Ничего во мне не кроется, — польщенный, нарочито небрежным тоном ответил Вовик. — А сколько мне тебя еще сопровождать? По-моему, мы только время зря тратим.

— Быть со мной, иметь возможность общаться со мной — зря тратить время, — иронически произнесла воспитанная девочка Вероника, озабоченная тем, что у гаража, который она видела, уже давно собрались бандиты, а похищать ее и Вовика будто бы и не собирались. Чтобы выиграть время, она продолжала рассуждать, всячески стараясь у б л а г о т в о р и т ь Вовика, чтобы он не вздумал уйти. — Я бы ни за что не стала общаться с человеком, который мне неинтересен. — От гаража донесся дружный хохото-гогот. — Вообще я мечтаю о лю-

дях умных, красивых, сильных... А какой тип женщин вы предпочитаете?

— Тип? — недоуменно спросил Вовик и обернулся в сторону нового взрыва хохото-гогота у гаража. — При чем тут женщины? Вот про девчонок я еще могу сказать.

— Слушаю очень внимательно.

— Девчонок я вообще не предпочитаю.

— Вы что, собираетесь прожить без семьи? Холостяком? Неужели вы даже не подозреваете, что девочки, особенно воспитанные, вас, мальчиков, облагораживают? И неужели вам неведомо, что ради женщин, то есть бывших девочек, идут на подвиги, создают выдающиеся творения литературы и искусства?

Вовик и слушал и не слушал ее. Встреча с бандитами теперь не очень его пугала, раз Илларион Венедиктович обещал в нее вмешаться, но он только сейчас осознал, что все это произойдет вон там, у гаража. А пока бандиты хохотали и гоготали во все горло.

— Пойдем, взглянем, что там происходит, — как бы между прочим предложила воспитанная девочка Вероника, которая находилась не только в недоумении, но уже и в раздражении: давно пора похищать, а они хохочут и гогочут!

— Пойдем, посмотрим, — точно таким же тоном согласился Вовик, решивший, что лучше идти навстречу опасности, чем изнывать в ожидании ее.

Они приблизились к бандитам незамеченными. У дверей гаража стоял незнакомый мальчик в Робки-Пробкиной одежде, с его лицом, но...

— Это еще что такое? — очень брезгливо спросила воспитанная девочка Вероника, показывая на него.

— Да Робертина это! — с диким хохото-гоготом ответили бандиты. — Теперь мы его будем Дыней звать!

— Неужели это ты... Робик? — еще очень брезгливее спросила она. — Действительно, череп совершенно неправильной формы, напоминающий обыкновеннейшую дыню. Где твои великолепные волосы?

— Дед обрезал, а мама собрала их в вазу и поставила у себя на туалетном столике, — безнадежным, почти плаксивым голосом отозвался, можно считать, уже бывший Робертина, а бандиты опять схохотали и сгоготали. — Среди нас оказался предатель! Он выдал все наши планы! Вот из-за него, идиота, меня и остригли! — Он наконец-то догадался поднять с земли английский беретик, натянул его на дынеобразный череп, и бандиты, теперь уже вместе с воспитанной девочкой Вероникой, разразились диким и долгим гогото-хохотом, переходившим в хохото-гогот.

Не хохотал и не гоготал только Вовик. Жалел он этого жалкого субъекта, а тот в бессильной злости раскричался:

— Слушать мою команду! Шеф я вам или не шеф?

— Дыня! — закричали бандиты. — Дыня обыкновенная!

— Какой же ты можешь быть шеф? — совсем еще очень брезгливее произнесла воспитанная девочка Вероника, и все разноцветные бантики на ее голове закачались предельно насмешливо. — С такой о т в р а т и т е л ь н о й наружностью даже на улице показываться нельзя. Люди будут ш а р а х а т ь с я от тебя. Отныне не смей мне показываться на глаза!

— Значит... значит... значит... — от несусветной обиды голос у Робика-Робки-Пробки-Робертины-Дыни стал писклявым. — Значит, только волосы...

— А ты как думал? — от безграничного презрения голос воспитанной девочки Вероники стал хриплым. — Можешь гулять с вазой в руках, в которой хранятся

Дыня!!!

твои прекрасные волосы! — и она вызывающие громко **расхохоталась одна.**

И даже бандиты примолкли от такого издевательства.

— Ты! — вырвалось у Вовика. — Прекрати! — И он передразнил сердито: — Воспитанные девочки так не поступают!

Она успела только с неприкрытой злобой взглянуть на него, как среди бандитов появился Лапа и насмешливо спросил:

— Позвольте поинтересоваться, что здесь происходит? Робик! — радостно воскликнул он. — Что с тобой сделали? На кого ты похож?

— На дыню! — завопили бандиты. — Дыня он, дыня обыкновенная!

— Что за шум, а драки нет? — весело перекричал всех Лапа.

И в наступившей тишине раздался напряженный голос бывшего шефа:

— Драки нет? Бу-у-удет драка! Ребята, вот предатель! Вали его! Без пощады! — и первый кулаком ударил Лапу в лицо, и тот не успел увернуться.

Семь штук бандитов с восторгом принялись лупить Лапу смертным боем.

— Ну, а вы за кого, Вовик? — с интересом наблюдая за побоищем, ехиднейше спросила воспитанная девочка Вероника. — Так и будете стоять столбом, трус? Присоединяйтесь! Восемь на одного — это же просто и безопасно! Ну, трусишка!

Драться, как вы помните, уважаемые читатели, Вовик не умел. Но сейчас его охватила такая, я бы сказал, благородная ненависть к бандитам и ЭТОЙ особе, что никакого умения и не потребовалось. Одного бандита он просто-напросто хорошенько пнул, да так хорошенько,

что тот куда-то отлетел и больше не возвращался. Другого бандита Вовик почему-то решил крепко обнять и обнял так крепко, что тот почему-то упал на землю и не вставал.

— Молодец, Вовик! — крикнул Лапа. — Хватай Дыню! Вон уже милиция едет! Милиция едет! Ура! Сейчас она их всех в подшефный совхоз возить навоз!

При слове *милиция* бандиты бросились врассыпную, а тот, который побывал в объятиях Вовика и лежал на земле, быстро пополз. Дыне Вовик сделал подножку, уселся на него и через некоторое время услышал громкий стон:

— Раааааздааавиииииишь...

— Отпусти его, — сказал Лапа, ощупывая свое лицо, — здорово они меня, понимаешь ли... горит все...

— А где же милиция? — раздраженно спросила воспитанная девочка Вероника *.

— Никакой милиции и не предвидится, — насмешливо ответил Лапа. — Просто я воспользовался старой уловкой, которая безотказно действует на трусов.

— Но вы-то какой герой! И даже вы, Вовик! Я восхищена вами, мальчики! Вы действовали, как в кино! Я любовалась вами!

Тут Лапа вдруг стал суровым, медленно подошел к ней и сквозь зубы процедил:

— Ты, голубушка, тоже получишь по заслугам! — Он повернул ее за руку к себе спиной и в д а р и л ей по месту, где спина теряет свое приличное название.

Воспитанная девочка Вероника вздрогнула, взвизгнула, остолбенела на некоторое время, повернулась к

---

* Напоминаю, уважаемые читатели; так она именуется для удобства изложения, ибо истинная сущность ее пока окончательно не раскрылась.

мальчишкам искаженным ужасом лицом и растерянно забормотала:

— Да как ты, не... не... годяй... посмел ме... ме... меня... по... по... по...

И деревенский мальчик Лапа громко и отчетливо назвал место, по которому она получила заслуженный, справедливый и здоровенный шлепок, самым точным в данном случае словом.

На этом, уважаемые читатели, нам пора расстаться до следующей главы, предварительно немножечко передохнув.

Глава под номером девять и под названием

Судьба эликсира грандиозус наоборотус в опасности,

или

почему иногда шпионы спят под кроватью

Собачий гипнотизер по фамилии Шпунт вот уже несколько ночей спал под кроватью. Делал он это от страха и глупости. Ему казалось, что если придут его з а б и р а т ь, то никому и в голову не взбредет, что он притаился под кроватью.

Известно, уважаемые читатели, что глупость человеческая безгранична, точно так же как безграничен и ум человеческий.

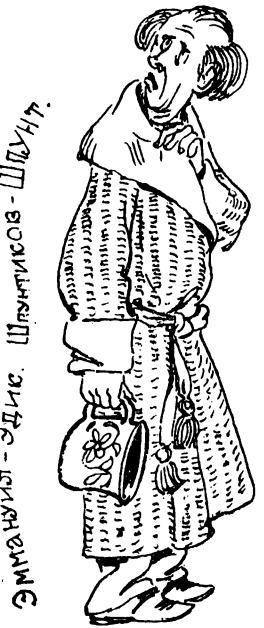
Стариннейшая пословица гласит: если бог решит наказать человека, то лишает его разума. Все люди воспринимают это стариннейшее изречение по-разному. Одни полагают, что человек в данном случае становится дураком, другие — сумасшедшим. Я придерживаюсь первого толкования, хотя отлично знаю, что дуракам жить и легче, и удобнее, но зато и совершенно неинтересно.

Опасность глупости заключается еще и в том, что нет четких границ между нею и другими, не менее опасными

качествами дурака. Иногда, например, просто невозможно определить, глупость вынудила дурака сделать подлость или подлость заставила его совершать наиглупейшие поступки.

Именно так и было со странным существом, которое решило спать под кроватью, считая, что никто его там не обнаружит. То есть нормальному человеку никогда не придет в голову, что можно спать под кроватью в такой огромной, похожей на универмаг почти со всеми отделами квартире.

Кого же и чего же начал так **патологически** бояться собачий гипнотизер по фамилии Шпунт?



Чтобы ответить на данный вопрос, нам потребуется, уважаемые читатели, хотя бы коротко, в общих чертах, проследить путь его морального падения, выяснить, как он докатился до того, что вынужден был спать под кроватью в своей огромной, похожей на универмаг почти со всеми отделами квартире.

Родители дали ему красивое имя Эммануил, а он еще в молодости и до сих пор требовал, чтобы его называли Эдиком (у каждого свои представления о красоте имени!), и фамилию Шпунтиков он переменил на, как ему показалось, более звучную и солидную — Шпунт.

С юношеских лет, если не раньше, Эдик стремился лишь

к одному: иметь как можно больше денег. Заметьте, уважаемые читатели, не *заработать*, а просто *иметь* любой ценой. И всю свою жизнь, каждый свой поступок, каждый свой шаг Эдик посвятил этому жалкому, но наистрастнейшему стремлению. Он и жульничал, и спекулировал, и обманывал, и воровал, и мошенничал, и чего он только ни вытворял, чтобы х а п а т ь деньги и покупать на них дорогостоящие вещи.

Теперь у Эдика была незаконно, конечно, добытая огромная квартира, напоминавшая универмаг почти со всеми отделами. Вы спро́сите; для чего одному человеку столько много вещей? Например, у него х р а н и л о с ь семнадцать столовых сервизов на двенадцать персон каждый. Умножим семнадцать на двенадцать, получим двести четыре. Но ведь у Эдика никогда не собиралось и не могло собраться столько гостей! И вообще к сервизам прикасались лишь только для того, чтобы стереть с них пыль.

Большое количество дорогостоящих вещей приобретается тогда, когда сам их владелец как человек ничегошеньки из себя не представляет, а вещи, самоуверенно и глупо полагает он, придают ему очень большое значение в глазах людей. То есть чем больше у него дорогостоящих вещей, тем он будто бы значительнее как личность.

Ума нет, зато ковров уйма!

Совести нет, есть много золотых предметов!!!

Таланта нет, но зато какая люстра!! В ней двенадцать лампочек!!!

По природе своей, по воспитанию, по накопленному жизненному опыту Эдик не умел и не хотел делать ничего полезного людям. Пробовал он быть и продавцом, и даже магазином недолго позаведовал, но везде проворовывался, и только хитрость да ловкость всякий раз

помогали ему избегнуть заслуженного наказания. Бывал он и зубным техником, и памятниками на кладбище торговал, ничем он не брезговал заниматься, чтобы хапать и хапать деньги! Наконец, попробовал Эдик стать гипнотизером, вернее, выдавать себя за такового. Довольно долго ему удавалось легко и много обманывать доверчивых или недалеких людей, но Эдик вовремя унюхал, что его вот-вот накроют.

А в городе к этому времени развелось невероятное и невиданное до сих пор количество комнатных собачек, природную злобность которых владелицы, в основном старушки, принимали за нервные заболевания. И Эдик придумал себе не существовавшую до него специальность — собачий гипнотизер. Деньги за свое очередное жульничество он брал немалые и вроде бы мог уже успокоиться.

Но не мог Эдик успокоиться, наоборот, с каждым годом, если не с каждым днем, все его существо все яростнее стремилось к тому, чтобы побольше хапать и покупать.

Три обстоятельства отравляли ему жизнь. С одним из них — одиночеством — Эдик кое-как справлялся. Дело в том, что жена его несколько лет назад умерла: ей жаль было выбросить протухшие рыбные консервы, она их самоотверженно, хотя и с отвращением, съела, и медицина оказалась бессильной против результата такой жадности.

Второе обстоятельство было куда серьезнее. Двое сыновей Эдика регулярно навещали отца, чтобы определить, хотя бы примерно, когда же он помрет и они станут полноправными владельцами всех его богатств. Сыновья давно уже поделили имущество и деньги ровно пополам вплоть до каждой чайной ложки, только еще не

решили, как поровну разделить несколько вещей, например рояль.

Эдик же и не помышлял о смерти, доказывал сыновьям, что переживет не только их, но и внуков с внучками, которых он, кстати, ни разу не испытал желания увидеть. Он был очень глубоко убежден, что **сохранится** так же долго, как его дорогостоящие вещи, то есть считал себя практически бессмертным.

Третье обстоятельство, отравляющее Эдику жизнь, было куда ужаснее, чем уверенность сыновей в его недалекой кончине. Наичрезмернейшая страсть к наживе привела Эдика к страшному моральному падению: его завербовала крупнейшая иностранная разведка «Целенаправленные Результативные Уничтожения». Как это было сделано, неизвестно, зато с полной достоверностью можно утверждать одно: Эдик знал толк в иностранной валюте. Вот ради нее он и стал шпионом, предателем, изменником своей родины. Впрочем, что такое родина и что она значит для человека, Эдик и понятия не имел, никогда о ней не думал, ибо, повторяю, его интересовало только то, что можно было купить.

Шпионская работенка досталась ему не очень уж и сложная, но в высшей степени опасная. Вот этой-то ее обязательной особенности Эдик сразу и не унюхал. А когда он сообразил, что его могут в з я т ь в любой момент, тут-то у него и стало развиваться то, что в конечном итоге и вынудило спать под кроватью.

Валюту-то он получать обожал, а вот выполнять немудреную шпионскую работенку с каждым годом боялся все больше и больше. И чем больше валюты получал, тем больше дрожал от непреходящего страха, который постепенно стал безразмерным. Эдик даже фильмов о шпионах по телевизору не смотрел — боялся: ведь там их всегда б е р у т.

И Эдик все яснее вынужден был осознавать, что рано или поздно он **попадется.** И ужасающе пугало его не само наказание, не расплата за предательство, а потеря квартиры-универмага почти со всеми отделами! Вернее, не потеря, а то, что она достанется его сыновьям, ожидающим смерти родного отца (тогда Эдик еще не знал, что в случае п р о в а л а имущество его будет конфисковано).

Шпионская работенка Эдика заключалась в передаче получаемых им сведений за рубеж. Как это делалось, уважаемые читатели, я не в курсе, но всякий раз, выполнив задание, Эдик, возвращаясь домой, срывал с себя всю одежду: она была насквозь мокрой от липкого трусливого пота. Даже шляпа отмокала!

Надев на себя три халата и всунув дрожащие ноги в тапочки (жаль, что нельзя было использовать несколько пар!), он сидел перед цветным телевизором импортного происхождения, но не включал его: знал, что обязательно н а р в е т с я на передачу «Человек и закон» или на фильм о шпионах. Сидел Эдик перед невключенным телевизором и мрачно вспоминал всю свою жизнь, всю, кроме детства, которого он не помнил. Подлинного, обыкновенного, настоящего детства у него, кстати, и не было. Все оно заключалось в том, что он выклянчивал, выпрашивал, вымаливал, обменивал, приворовывал даже, копил... Стоит ли такую ерунду хранить в памяти?

Но пока Эдикова немудреная шпионская работенка была, как говорится, цветики, а вот сейчас начали созревать ягодки: его известили, что вскоре к нему прибудет агент *Сынок*, от которого предстоит регулярно получать и передавать за границу ценнейшие сведения. И, казалось бы, уже безграничная трусость *Суслика* (такой была шпионская кличка Эдика) стала расти не по дням, а чуть ли не по часам. Рост ее еще сильнее увеличился,

когда усыпленная им старушка Анастасия Георгиевна во сне то тявкала, то шептала, что оказалась в руках ШПИОНА!

Безразмерный страх потерять квартиру-универмаг почти со всеми отделами превратился в безразмерный ужас.

А когда к Эдику вторично явился Григорий Григорьевич, шпион вообще лишился способности хотя бы минимально соображать. Если старушка в гипнотическом сне назвала Эдика шпионом (дыма без огня не бывает?), вполне возможно, что и она тоже... Что тоже?!?! А не является ли тот подозрительный клиент, который хотел приобрести собачку, *Сынком*?

Правда, узнать друг друга агенты должны были по обоим им известному разговору-паролю. Сынок должен был купить у Суслика собачку. Но почему в первый визит Сынок **не так** начал разговор-пароль, и кто такая та старушка?!?! Агентка? Или наоборот?!?! Единственное, что помогло Эдику не счесть себя **свихнувшимся**, так это то, что он помнил один из параграфов инструкции, который предлагал не теряться ни при каких обстоятельствах, ибо могут иметь место самые неожиданные варианты, непредусмотренные детали и ситуации.

Значит, Сынка при его первой встрече с Сусликом могло что-то насторожить, даже и сам Суслик, и вот он заявился вторично, а он, Суслик, из страха не дал начать разговор-пароль.

И даже при своем малом уме Эдик не мог не поразиться тому, как изобретательно работают «Целенаправленные Результативные Уничтожения»! Ну кто, кто, кто может подумать, что такая невзрачная личность, как контролер на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно, много лет известный многим жителям, — на самом деле агент крупнейшей иностранной разведки!!!

Однако восхищение Эдика прекрасной работой «Целенаправленных Результативных Уничтожений» было чисто теоретическим. Сам-то он все равно пребывал в состоянии безразмерного ужаса и намеревался отделаться от Сынка любым способом, например прикинуться, что принимает его только за контролера на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно, а **туда** сообщить... ну, он придумает что-нибудь о недоверии, подозрении, о непригодности Сынка к работе...

Конечно, все это происходило у Эдика опять от глупости. Неужели он не мог сообразить, что даром валюту враги наши предателям нашим не дают? Получал денежки — будь любезен подличать против своей родины до конца дней своих или до тех пор, пока тебя не в о з ь м у т.

Эдик же соображал лишь, что ему уже нет смысла получать валюту и от безразмерного ужаса спать под кроватью! Рисковать расстаться с квартирой-универмагом почти со всеми отделами! Придут его сыночки и з а х а п а ю т все богатство...

Будь у Эдика-Суслика хотя бы миллиграммчик совести да еще несколько граммов ума, он догадался бы явиться с повинной, попросить прощения. Конечно, полного прощения он не получил бы, слишком много вреда он принес стране, а вот возможность после заслуженного наказания пожить нормальной жизнью и спать на кровати ему бы предоставили. Но ведь для него дороже всего на свете были не интересы родной страны, а квартира-универмаг почти со всеми отделами!

Вот и существовал в безразмерном ужасе шпион, вот и спал под кроватью.

На время, пока не выяснятся его отношения с Сынком, Эдик прекратил свою гипнотизерско-собачью деятельность, сидел дома и ждал, как ему совершенно пра-

вильно предчувствовалось, смертного часа. Правда, по нелепой уверенности в своем бессмертии он наивно надеялся все-таки выкрутиться. И наказание, забегая вперед, сообщу вам, уважаемые, читатели, неотвратимо приближалось. Не знаю точной даты, но оно обязательно будет!

С минуты на минуту, точнее, с секунды на секунду, ждал Эдик прихода агента Сынка, готов был уже задушить, а еще удобнее — отравить приготовленную для него собачушку. Держал он ее в отдельной комнатке, в специально изготовленной клетке, ибо эта животенция ростом с котеночка обладала злобой взрослого тигралюдоеда.

Изредка принося собаченции еду, Эдик содрогался, взглядывая на клетку: неужели и ему грозит пребывание за чем-то решетчатым?! И от макушки до пяток он покрывался липким холодным потом.

Сегодня утром он вылез из-под кровати еле живой: отнялась, стала будто деревянной правая рука. Несчастный шпион чуть не заорал от радости: можно лечь в больницу, да еще в другом городе! Хоть какое-то время побыть в покое и поспать на кровати! Но тут же он сник: а если без него в квартиру-универмаг проникнут сыновья? Нет уж, если хватит паралич, то пусть здесь, среди дорогостоящих вещей...

Довольно с вас, уважаемые читатели, этих не очень-то приятных страниц. Посмотрим лучше, как страдают хорошие люди, и страдают по важным для всего человечества причинам.

Ожидая сына Романа с невестой, Илларион Венедиктович сходил в магазин, не обращая внимания на многочисленные косые взгляды (ведь все лицо у него было в синяках и ссадинах), купил продукты и, вернувшись домой, принялся готовить обед.

А Иван Варфоломеевич с сотрудниками своей лаборатории пребывал в тяжелом недоумении и глубоком разочаровании. С утра мыши и морские свинки получили должные дозы эликсира *грандиозус наоборотус,* и все терпеливо и с острым любопытством ждали, когда животных одолеет мучительная жажда. Ничего подобного не наблюдалось! Значит, эликсир не действовал. Мыши и морские свинки даже не смотрели в сторону сосудиков с водой, которую они должны были выпивать в значительнейших количествах.

— Утешать меня не надо! — резко сказал, почти выкрикнул Иван Варфоломеевич. — Быстро проверить состав эликсира!

Много времени и не потребовалось, чтобы определить, что в специальной колбе вместо *грандиозуса наоборотуса* была обыкновенная вода.

— Подменили, — внешне спокойно констатировал Иван Варфоломеевич. — Но кто? И зачем? В лаборатории оставался я один. Я сам из мензурки перелил эликсир в специальную колбу и поставил ее в холо... Погодите, погодите! Ко мне приходили два моих старых друга, мы довольно долго беседовали. Мензурка была уже пустой, я уже перелил эликсир... — вслух вспоминал Иван Варфоломеевич. — Нет, нет, Илларион пришел раньше... Меня ненадолго вызвал директор...

— Мензурка очень похожа на обыкновенный стакан, — сказал один из сотрудников.

— И вы предполагаете... — задумчиво и полувопросительно произнес Иван Варфоломеевич. — Да, эликсир безвуксен и по внешнему виду не отличается от воды. Мог Илларион выпить его? Зачем? Он что, не мог подождать меня и попросить минеральной воды?.. Вот что, дорогие товарищи, Я займусь этим казусом, будем считать неприятное происшествие именно таковым. И хоро-

шо, если это действительно так. То есть не совсем хорошо, но... Сначала я позвоню генералу. Кто его знает, может, он и... Но ведь мы и предположить не можем, что с ним происходит и будет происходить, если он... Приступайте к работе, готовьте новую дозу эликсира. Я убежден, что здесь и не пахнет злоумышлением. Но если я ничего не выясню, придется докладывать куда следует.

Телефон Иллариона Венедиктовича не отвечал целый день. Правда, утром трубку все-таки снимали, но в ней было молчание. Не мог Иван Варфоломеевич разыскать и Гордея Васильевича. Тогда он попросил одного из сотрудников съездить к ним на квартиры, но никого дома не оказалось.

Надо ли говорить, как расстроился Иван Варфоломеевич и его сотрудники?

У Гордея Васильевича тоже возникла новая, мягко выражаясь, забота. Его бритоголовый обормот не подходил к телефону: значит, удрал по своим бандитским делам. Раздраженный дед вел важное совещание, а из головы не выходил распоясавшийся внук: неужели натворит чего-нибудь?

Когда примчались пожарные машины, переполох в доме получился грандиозный. На звонки и просьбы открыть из квартиры никто не отзывался. Пожарные подняли к окнам лестницы, заглянули — никаких признаков пожара и присутствия людей. Тогда решили, что звонивший ошибся: случилось что-нибудь с газом, а он набрал 01. Звонил-то ребенок. Небось испугался запаха и убежал. Тогда вызвали аварийную команду горгаза. А она потребовала немедленно открыть квартиру.

Гордей Васильевич приехал, когда замок уже вскрыли. Он всячески извинялся и перед пожарниками, и перед газовщиками, просил наказать его, как положено,

за ложный вызов, но всем было ясно, что старый человек ни в чем не виноват, и команды уехали.

Самое смешное, если в данной истории может быть что-нибудь веселое, заключалось в том, что все это с величайшим любопытством и удовольствием наблюдал Федька. Он, конечно, помнил, как побывал в квартире, не забыл, как заблудился в ней, как из нее умчался, а обратно в квартиру уже не с у н у л с я: приехали пожарники. И вот сообразить-то, что именно он их вызвал, Федька не мог. Посему он с чистой совестью и любовался, так сказать, делом своих рук.

А Гордей Васильевич в величайшем гневе метался по комнатам, будто чего-то искал. Тут явился Робик и его родители. Дед был таким разъяренным, каким никто еще его ни разу в жизни не видел.

— Дыня бритоголовая! — загремел он. — Завтра отправляешься в наш подшефный совхоз возить навоз! С этого начнется твой трудовой путь! И не вздумай оттуда сбежать! В чулане под замком будешь жить! На воде и хлебе, пока хоть чуточку не поумнеешь!

— Папа, успокойся! Папа, успокойся! — испугалась уже за отца, а не за сына Робикова мама. — Поедет, поедет он в подшефный совхоз! Будет он, будет возить навоз! Только, пожалуйста, успокойся!

— Действительно, вам надо успокоиться, — сказал Робиков папа.

— Я вам успокоюсь!!! — продолжал греметь Гордей Васильевич, как не гремел ни разу в жизни. — А вы! — повернулся он к Робиковым родителям. — Вы — авторы этого... прямо-таки фантастического по своей негодяйности образа...

— Позвольте, позвольте! — возмутился Робиков папа. — Позвольте, дорогой и уважаемый...

— Не позволю! Потому что не дорог я вам и вами нисколько не уважаем! Разве можно дорогому и уважаемому подсунуть вместо внука... такую дыню? Конечно, и я во многом виноват! Я своей вины не отрицаю! Дайте передохнуть... — Он очень тяжело опустился в кресло. — Конечно, я виноват, крупно виноват. Вот ты, дочь, не сумела воспитать сына, а я не сумел воспитать тебя. Сейчас нам всем вместе надо спасать Робика. Опозорил нас перед всеми. Зачем ты, внук, вызвал пожарную команду, бездельник международного класса? Ну?

А Робик стоял и молча плакал, не ревел, а именно тихо, беззвучно плакал обо всем сразу:

1) о великолепных своих волосах,
2) о несправедливом обвинении,
3) о коварстве воспитанной девочки Вероники,
4) о потере звания шефа банды,
5) об отправке в совхоз возить навоз,
6) и еще о чем-то, скорее всего о том, что его беззаботное существование окончательно оборвалось, а предстоит незнакомая, трудная, неинтересная жизнь.

— Что молчишь? — напомнил дед.

— Не вызывал я пожарных!

— Не вызывал? А кто же мог звонить с нашего телефона?

— Федька, наверно.

— Какой еще Федька? — удивилась мама.

— Как он здесь оказался? — поразился папа.

— Как ты посмел отлучиться? — возмутился дед.

Впервые в жизни Робик понял, что врать не имеет смысла, и рассказал обо всем, даже о том, что похищение не состоялось, потому что бандиты отказались ему подчиняться, а хохотали и гоготали.

— А синяк откуда?

— Подраться немного пришлось, — сознался Робик и вдруг сам протянул деду ключ от гаража.

— До отправки в совхоз возить навоз будешь сидеть дома, как бобик в конуре!

Робиковы родители в один голос заявили, что отныне и навсегда их сын будет образцово-показательным паинькой.

Теперь мы с вами, уважаемые читатели, отправимся на встречу Иллариона Венедиктовича со своим сыном Романом (сразу сообщу, что невеста его была занята на киносъемках и не прилетела).

К этому времени, лежа на диване, закрыв синяки примочками, Илларион Венедиктович принял твердое решение: сразу открыться сыну, потому что он не имеет права пользоваться чужим изобретением без согласия автора, и потому что пора кончать запутывать людей. А вот Лапа, правда, довольно робко, возражал ему, намекал, что лучше бы убежать, вдоволь полакомиться мороженым и т. д.

Приезд сына оказался весьма кстати, по крайней мере, Роман вызовет для предварительной консультации Гордеюшку, а то разговаривать с ним по телефону детским голосом бесполезно. Ну, Роману-то он как-нибудь все объяснит, а вот его невесте...

Когда раздался дверной звонок, Илларион Венедиктович если и не испугался, то пришел в очень возбужденное состояние и не сразу направился открывать двери.

Роман — точная копия отца, только копия значительно помоложе — шагнул в прихожую, спросил:

— Ты кто такой, паренечек в синяках? Где мой отец? Почему он меня не встретил?

— Проходи, Рома, — с тягчайшим вздохом пригласил Илларион Венедиктович. — Не мог я тебя встречать

в таком виде... Да, да, я твой папуля, как ты всегда меня называл. А где твоя невеста?

Сняв плащ, Роман прошел в комнату, сел, закурил, разглядывая Лапу, сказал рассерженно:

— Что-то не похоже на моего папулю, чтобы он решил разыграть меня таким глупым способом. Хорошо еще, что я без невесты явился. Что бы она о моем папуле подумала! Где он?

Илларион Венедиктович взял сигарету, но сразу же положил ее обратно, ответил:

— Вот я, твой папуля. Ты же с детства любил фантастическую литературу. Помнишь, на даче чуть сеновал не поджег, читая со свечой?.. Никто тебя не разыгрывает, Рома мой дорогой. — Он все-таки щелкнул зажигалкой и закурил под изумленным взглядом сына. — Теперь я этим редко балуюсь. Только когда оч-чень волнуюсь... Тебе придется сыграть меня. Вот посидим немного, вызовешь по телефону Гордеюшку. Он ведь тоже пока не знает, ЧТО со мной произошло.

— Действительно, фантастика, хотя и не очень научная, — недовольно проговорил Роман. — Не знаю, что мне и делать с тобой, паренечек в синяках. Как прикажешь называть тебя?

— Как всегда называл. Папуля. Я еще, помнишь, оч-чень обижался на такое обращение. Но ты не хотел или не мог отвыкнуть. Если тебе удобнее, можешь сейчас называть меня Лапой.

— Детское прозвище папули, — вспомнил Роман. — Так где мой отец? Я сейчас же позвоню в милицию, если ты...

— Лучше позвони Гордеюшке. Мальчиком я стал сегодня ночью во сне и не мог же разговаривать с ним детским голосом! Скажи ему, что ты, мол, только что прилетел и приглашаешь его немедленно в гости. Только

не сообщай ему, ЧТО ты здесь увидел. А то он подумает, что его разыгрывают.

— Ладно... папуля! — сердито, почти зло согласился Роман. — Но сначала позволь выслушать тебя. Разыгрывать так разыгрывать. Валяй, Лапа!

— Тут дело оч-чень серьезное, Роман. Понимаешь, я совершенно случайно воспользовался... то есть выпил изобретение известного тебе Ивана Варфоломеевича.

— Зверюшки-игрушки?

— Вот-вот! — обрадовался Илларион Венедиктович. — Если про них помнишь, тебе будет легче понять меня. Сейчас Иван наверняка гадает, куда исчезла первая порция его замечательного эликсира *грандиозус наоборотус*. Но самое главное заключается в том, что есть предположение: за этим эликсиром уже охотятся иностранные разведки. А Иван обо мне еще не знает. Давай звонить Гордеюшке. Номер наберу я, говорить будешь ты.

И хотя Роман был неплохим актером, умел, как говорится, скрывать и раскрывать любые чувства, но, приглашая Гордея Васильевича немедленно подъехать, заметно разволновался, когда тот категорически стал отказываться, просил перенести встречу на вечер.

— Скажи, что дело касается Иванова изобретения, а я в ванной, — шепнул Илларион Венедиктович.

Прикрыв трубку рукой, Роман сказал:

— Отказывается наотрез.

— Тогда рассказывай, что ты здесь видел...

— Гордей Васильевич! — взволнованно крикнул Роман. — Дело в том, что я вместо отца застал в квартире мальчика лет десяти, вся физиономия в синяках... Да послушайте до конца! Он уверяет, что он мой папуля... Ничего я не сочиняю, честное слово! Говорит, что выпил какой-то эликсир Ивана Варфоломеевича и утром прос-

нулся мальчиком... А то я и не знаю, что мне делать... Да не верится, что папуля способен на такой розыгрыш... Жду, жду! — Он положил трубку. — Заедет ненадолго в перерыве между заседаниями.

— Не знаю, что мне и делать, — недовольно передразнил Илларион Венедиктович. — Делай то, что делал всегда, когда приезжал ко мне. Хвастай, кого играл, в чем снимался, сколько раз собирался жениться, сколько раз собирался навестить меня...

— Значит, бывают в жизни чудеса! — неестественно веселым голосом воскликнул Роман. — Но кто поверит, что ты — паренечек лет десяти да еще вся физиономия в синяках — мой папуля?!

— Просто ты никогда не был серьезным человеком, Рома. Всегда, помню, всех передразнивал. Вот и сейчас решил, что какой-то мальчишка передразнивает для чего-то твоего отца, так ведь?

— А тебя бы на мое место! — Роман рассердился по-настоящему. — Стремился, летел, три пересадки, мчался обнять дорогого папулю, а тут какой-то сопляк корчит из себя моего отца. Обалдеешь!

— За сопляка ты еще получишь, Ромка! Всю жизнь глотал фантастику, а как жизнь столкнула тебя... Да ты же актер! У тебя должно быть богатейшее воображение!

— При чем здесь воображение?! — совсем рассердился Роман. — Главное, что в тебе, малышок, действительно чувствуется что-то от моего отца.

— Дошло наконец-то... Почему я вот не растерялся, когда утром проснулся маленьким и, кроме трусов, у меня ничего не было? Я уже участвовал в драке, и мне, как видишь, здорово досталось. Семь негодяев набросились на меня одного! Но им тоже досталось!

— Слушай, папуля. Все это получилось совершенно случайно или...

— Эликсир я выпил случайно. Но вернуться в детство я решил еще до этого и совершенно принципиально.

— Для чего? Что за блажь, извини?

— Не блажь, а редчайший биолого-психолого-педагогический эксперимент.

— А как ты... обратно?

— Не знаю. Я хочу побыть, может, и до конца дней своих в детстве.

Роман пересел к нему поближе, долго разглядывал его лицо, проговорил задумчиво:

— Расскажешь — никто не поверит.

— Не надо рассказывать, — строго проговорил Илларион Венедиктович. — Наверное, я — уже государственная тайна. Вот явится Гордеюшка, закатит мне грандиозный скандал!

— Еще, папуля, вопрос... А ты... не...

— Нет, я был в своем уме, в нем и сейчас пребываю. Никакого старческого маразма, даже склероза у меня пока не наблюдается.

— Ну, а зачем эта... ну...

— Не выбирай слов, спрашивай прямо.

— Зачем эта нелепая затея? Ну, предположим, ты, десятилетний паренечек, действительно генерал-лейтенант Самойлов в отставке. Тебе нечем было заняться? Ты не мог, например, писать мемуары о своей большой и интересной жизни? Почему ты решил стать Лапой?

— Пробовал я, Рома, писать мемуары. В чулане лежат на самой верхней полке. Коротко дело обстояло так. Только вряд ли ты что-нибудь поймешь. У тебя ведь нет детей, и, по-моему, ты так и не обзаведешься семьей.

— Ошибаешься, будем считать, папуля! — сердито ответил Роман. — Я собирался прибыть к тебе с невестой. Но ее, теперь-то я понимаю, к счастью, задержали на съемках. А то представляешь картиночку? Заходим

мы с невестой вот сюда, а встречает нас этакий бойкий на язык, вся физиономия в синяках, типчик и уверяет, что он мой папуля! Но неужели ты, если это и впрямь ты, таким и останешься? Неужели я больше не увижу тебя... настоящим? Не обниму тебя, не поглажу твою седую голову?

— Не знаю, Рома, — печально признался Илларион Венедиктович, — понятия не имею... Но не сожалею ни о чем. Понимаешь, я всю свою жизнь посвятил, можно сказать, уже отдал за счастье нашей Родины. А на старости лет меня одолела, буквально завладела мной идея: счастье нашей Родины, будущее ее — в руках детей. Какими они вырастут, таким и будет будущее страны. И тут одно за другим, одно за другим я обнаруживал явления... ну, встречал я мальчишек и девчонок... они еще маленькие, а их уже перевоспитывать требуется! Среди них уже есть жулики, лжецы, негодяи даже. Они уже привыкли к **паразитическому** образу жизни. А вдруг они такими и останутся?!

— Ты не преувеличиваешь?

— Нет, нет, нет! Конечно, большинство наших детей вырастет настоящими людьми, достойными гражданами Отечества. Но вот перебери-ка в памяти своих знакомых, а у тебя их великое множество: сколько у них растет дурных детей? Немало! И вот я решил проникнуть в их среду и..

— И тебя сразу побили!

— И меня сразу побили, и это было доказательством моей правоты. Мы с Гордеюшкой, — Лапа горделиво приосанился, — уже ликвидировали банду!

— Обалдеть можно!

— Балдеть не надо, — строго, даже сурово произнес Илларион Венедиктович. — Действовать надо. По-моему, необходимо, чтобы меня таким, каким я был раньше,

хоть изредка видели знакомые. Я буду жить Лапой, а ты, пока не кончится отпуск, будешь мной. Да, да, пока нет Гордеюшки, примерь мой мундир, лицо разными красками...

— Грим у меня с собой, даже парик подходящий есть.

— Вот и подделайся под меня.

— Попробуем, — довольно весело, но неуверенно согласился Роман.

Теперь, уважаемые читатели, мы вплотную подошли, наверное, к главным событиям нашего повествования. Сцена встречи с Гордеем Васильевичем только тогда приобретет свое настоящее значение, когда вы прочтете нижеследующее.

Иван Варфоломеевич доложил директору института, что первая порция эликсира *грандиозус наоборотус* самым загадочным образом исчезла из лаборатории. Мало сказать, что директор был удивлен, поражен, обескуражен. Он простонал, схватился руками за голову, прошептав:

— Что вы наделали...

— В том-то и дело, что мы ничего не наделали, — обиженно ответил Иван Варфоломеевич. — Я убежден, что по какой-то нелепой случайности **кто-то** просто вылил эликсир в раковину.

— Кто-то! Но кто?! И почему? И как это могло случиться?

— Это мне будет известно сегодня вечером, — пообещал не очень уверенным тоном Иван Варфоломеевич. — Получилось так, что в лаборатории после обеденного времени я остался с двумя своими, вам хорошо известными друзьями. Гордей Васильевич Пушкарев и Илларион Венедиктович Самойлов.

— Знаю, знаю, но...

— И вот когда я был здесь, у вас, в лабораторию уже пришел генерал-лейтенант. То есть Илларион. А эликсир был в мензурке, абсолютно напоминающей обыкновенный стакан...

— Нет, дорогой Иван Варфоломеевич, меня ваши детективные версии не устраивают, к сожалению. Я обязан доложить о случившемся немедленно.

— Докладывайте, конечно. Но я убежден, что злым умыслом здесь и не пахнет.

Да, здесь, уважаемые читатели, злым умыслом и не пахло. Им пахло, так сказать, в другом месте.

Сергей Иванович с утра был приглашен в соответствующее учреждение, где его встретил уже упоминавшийся в нашем повествовании сотрудник Петр Петрович. На сей раз беседа была продолжительной и совершенно успокоила Сергея Ивановича. Его просто попросили рассказать о жизни и работе с того времени, как он себя помнит. Сергей Иванович ничего не скрывал, сообщил известные ему сведения о многообразной деятельности организации «Целенаправленные Результативные Уничтожения», тем более, что вопросы были самого общего порядка.

И, выйдя на улицу в распрекрасном настроении, Сергей Иванович решил заняться «поисками» комнатной собачки.

Разведка, в которой он служил, располагала определенными сведениями, и Сергей Иванович отправился по адресу, по которому в своей квартире-универмаге проживал собачий гипнотизер по фамилии Шпунт, а по шпионской кличке Суслик.

Дверь долго не открывали, и Сергей Иванович собрался было уже уходить, но чутье, будем считать, бывшего разведчика подсказало ему, что этого не надо де-

лать, и он, нажав кнопку звонка, не убирал палец до тех пор, пока дверь осторожно не открылась.

Сергей Иванович уверенно вошел, прикрыл дверь и стал внимательно рассматривать стоявшее перед ним существо, лицо которого было искажено безразмерным ужасом.

Существо еле-еле-еле-еле промямлило:

— Я больше не практикую и никого не принимаю. Никого и ни за что.

— А я пришел, — раздельно и четко выговаривая каждое слово, произнес Сергей Иванович, — приобрести у вас малюсенькую комнатную собачку, злобную, как взрослый тигр-людоед. Я Сынок, Суслик.

— У меня паралич правой руки. Никакого сынка у меня нет.

Глупый, глупый, безразмерно трусливый и безразмерно глупый Эдик! Кого он решил обмануть? Такого разведчика, как майор Серж фон Ллойд!

— Я у тебя Сынок, но с большой буквы, — зло сказал агент. — Где собачка?

Эдик уныло поплелся по прихожей, и они с Сынком вошли в маленькую, совершенно пустую комнатку, где в углу стояла клетка, а в ней бесновалась малюсенькая собачка, злобная, как взрослый тигр-людоед.

— Что ты задумал, гад? — деловито спросил Сынок. — Ты ведь был предупрежден о моем визите. Или мозги у тебя не в порядке? Так я их быстренько в п р а в л ю. Ну?

Бессильно опустившись на пол, Эдик заплакал и забормотал:

— У меня паралич... у меня паралич... у меня паралич...

Тогда Сынок легко поставил его на ноги, провел на кухню, усадил и заговорил ледяным тоном:

— На что ты... рассчитываешь? Во-первых, я тебя прикончу, если ты . . . . . !*

— Пожалуйста, не выражайтесь так! Я все-таки культурный, интеллигентный, почти образованный человек! — плаксиво попросил Эдик.

— Ты . . . . . а не человек! Если . . . . ты . . . . не начнешь соображать . . . . я тебя . . . . . ! Прими какое-нибудь лекарство, чтобы успокоиться, а то чего доброго . . !

— Никакие лекарства, даже самые дефицитные, мне уже не помогают. Я сплю под кроватью. Я не могу с вами сотрудничать... у меня пара... у меня пара... у меня парализована рука... — скулил Эдик, теперь уже с уверенностью можно сказать, бывший собачий гипнотизер.

И тут Сынок произнес речь, настолько состоящую из угроз, что передать ее можно лишь следующим образом:

— Слушай, ты . . . . . и . . . . . а то . . . . . я . . . . . и . . . . . а если . . . . . прикончу как . . . . ! — Опытный шпион понял, что одной руганью Суслика в себя не приведешь, он знал, чем за-

---

* Многоточиями заменены по вполне понятным причинам грубые и неприличные слова.

ставить его продолжать заниматься шпионизмом. — Неужели ты хочешь потерять все свое богатство?

— Нет, нет, нет!!!! — замахал обеими руками Эдик, и «парализованной» тоже: она у него просто онемела.

— Тогда приступим. Сообщи, что собачка оказалась именно такой, какая требовалась *.

Почти без запинки Суслик повторил текст шифровки, не понимая, конечно, ее содержания, спросил:

— Неужели нельзя найти мне замену? Нервы... голова...

— Замена будет, но тогда тебя не будет, — уверенно пообещал Сынок. — Приведи в порядок собачку, чтобы она не искусала меня.

— Ничего не получится. Я полностью дисквалифицировался.

Сынок взял его обеими руками за горло и спокойно приказал:

— Попробуй. Собачка мне нужна. Я без нее отсюда не выйду.

— Дайте... подышать... и больше так... не... а то... **.

— Дыши, дыши, а потом займись делом.

— Может... в клет... ке... уне...сете?

— Тогда мы оба с тобой окажемся в клетке. — Сынок недобро усмехнулся. — Я не понимаю, что ты трусишь. Дело у нас поставлено прекрасно. Тебя за много лет не з а с е к л и. Я здесь устроился так, что даже в мечтах не мог представить. Но стоит тебе сделать хотя бы миниатюрную глупость, не говоря уже о крупной подлости, ведь ты всего лишишься, в том числе богатства и жизни.

---

* То есть Иван Варфоломеевич способен выдать секрет эликсира.

** Здесь многоточия обозначают не ругательства, а паузы.

— Не пугайте меня, пожалуйста, — плаксиво попросил Эдик. — Я попробую применить чужой метод на малюсенькой собачке, злобной, как взрослый тигр-людоед. Вы берете кастрюлю...

— Кастрюлю?! Зачем?!

— Я выпускаю собачушку, вы накрываете ее кастрюлей, а вот что делать дальше, я не знаю.

— Если ты вздумал шутить...

— Мне не до шуток. Я и так...

И тут раздался дверной звонок.

— Открывай! — приказал Сынок. — Я спрячусь! Да перестань ты дрожать! Это же кто-нибудь из твоих клиенток! Иди!

Шатаясь и держась рукой за стену, шпион Суслик, вернее, снова собачий гипнотизер по фамилии Шпунт, пошел к дверям, открыл.

Перед ним стоял, смущенно улыбаясь, Григорий Григорьевич. Он вежливо проговорил, входя в прихожую:

— Я все-таки решил еще раз обратиться к вам.

— Нет, нет, нет! Я больше не практикую. Мне необходим длительный пассивный отдых. Я взвинчен.

— Не надо никакой практики. А отдых лучше активный. А мне нужна собачка. Она у вас наверняка имеется. Продайте. И отдыхайте.

И тут Эдика осенило. Он торопливо, радостно заговорил:

— Будет, будет у вас собачушка именно такая, какая вам требуется! Завтра! А сейчас вы помогите мне при помощи вашего кастрюльного метода вылечить одну собачушку. Она приготовлена мною для очень важного клиента. Да, да, такого важного, что от него зависит судьба меня и моей квартиры. А я в благодарность вам завтра же продам, и не очень дорого, великолепный экземпляр, который мне завтра доставят.

— Согласен, — подумав, ответил Григорий Григорьевич. — Такой вариант меня вполне устраивает. И метод кастрюльный еще раз проверим, и собачка у меня будет. Давайте вашу больную.

— Она у меня в специальной комнатке. Пройдемте.

— Нет, кастрюльный метод я применяю только на кухне! — И Григорий Григорьевич прошел туда, где, по его предположениям, должна была находиться кухня.

В этом огромном помещении он долго искал глазами кастрюлю и вдруг в большом длинном зеркале увидел, что за оконной портьерой стоит человек в зеркальных очках и с ножом в руке.

Ветеран войны и службы в милиции, Григорий Григорьевич будто бы никого и ничего не заметил, только мысленно приказал себе: «Гриша, главное — не волноваться. Забудь о своих годах, нездоровье, выполняй долг!»

Ну, а пока Григорий Григорьевич ищет подходящую кастрюлю, а малюсенькая собачушка ярится в клетке, словно взрослый тигр-людоед, мы, уважаемые читатели, успеем вернуться в квартиру Иллариона Венедиктовича, куда только что пришел Гордей Васильевич и дверь которому открыл Роман, загримированный под своего отца и в его мундире.

— Хорош, хорош! — презрительно бросил гость. — В честь приезда сына напялил генеральский мундир да еще решил меня разыграть! Делать тебе больше нечего, пенсионер-тунеядец! Где Роман?

— К вашим услугам, Гордей Васильевич, — своим голосом ответил Роман, — рад вас видеть. А папуля мой на кухне. Прошу взглянуть. Он уверял меня, что ваш визит необходим.

Лапа, все лицо в синяках, покорно сидел и, увидев друга, даже не пошевелился.

— Здорово, Лапонька, — сказал Гордей Васильевич, сдерживая подступающий гнев, — в детстве, помнится, тебя так ни разу не молотили.

— Тем более, что инициатором молотения был твой внук, — ответил Илларион Венедиктович.

— Добился своего, значит? — все еще еле сдерживая подступающий гнев, спросил Гордей Васильевич. — А Ромку-то зачем в свой мундир вырядил да еще под себя подкраситься велел?

— Я согласен, многоуважаемый Гордей Васильевич, разговаривать с тобой при одном непременном условии, — чуть ли не заносчиво ответил Илларион Венедиктович, — без излишних эмоций. Или еще лучше — абсолютно спокойно. И без нотаций. Хотя внешне я и Лапа, но я по-прежнему генерал-лейтенант...

— В этом и заключается твоя подленькая хитрость, — перебил Гордей Васильевич, который, кстати, сразу понял, ЧТО произошло, и никакого удивления не испытывал. — Ты, видите ли, и Лапа, и генерал-лейтенант в отставке. Значит, и выпороть тебя нельзя, и на совет ветеранов вызвать тоже нельзя. Ловко получилось! Вопрос первый: как ты ухитрился принять *грандиозус наоборотус?*

— Совершенно случайно. Он был в мензурке, похожей на стакан. А я оч-чень хотел пить.

— Вопрос второй, — возвысил голос Гордей Васильевич. — Иван знает об этом?

— Конечно, нет. Не мог же я разговаривать с ним детским голосом! Я и тебе-то утром побоялся ответить.

— Ну, силен... Лапа! Счастье твое, Роман, что ты еще понятия не имеешь, ЧТО натворил твой папуля.

— Никак до сих пор не могу поверить, что это... он, — обескураженно произнес Роман. — Все надеялся, что попал в крупный розыгрыш.

— Если бы... — Гордей Васильевич долго молчал, подперев подбородок руками и разглядывая Лапу. — Тут, если судить формально, попахивает государственным преступлением. Такая тут, друзья мои, сложнейшая ситуация образовалась. Я до вечера занят, у меня совещание с иностранцами. Надо как-то Ивана успокоить. Ведь он наверняка мышам и морским свинкам вместо эликсира ввел воду и сейчас ломает голову... Если же он определил, что первая порция эликсира исчезла, то доложил об этом дирекции. Вот как бы нам для начала не пришлось розыгрыш устроить... Нашел я, Лапа, фото маленького Сереженьки, передал куда следует... А вдруг Иван сразу обо всем своему Сереженьке расскажет? Понимаешь, Рома, встретил он за рубежом своего сына, которого считал погибшим в самом начале войны. А сынок этот — агент иностранной разведки.

— Как?! — поразился Роман.

— Да вот так.

— Ты все еще подозреваешь... — с упреком начал Илларион Венедиктович.

— Нет! — резко оборвал Гордей Васильевич. — Не подозреваю, а убежден! Значит, так, Рома. Ивана я вызову сюда, а ты, сколько хватит терпения, изображай своего папулю, желательно до моего возвращения. Боюсь, что Лапу сразу возьмут под наблюдение. Итак, ты, Рома, изображаешь папулю, а тот сидит в ванной.

— Попрошу не иронизировать, — рассердился Илларион Венедиктович, — и не превращать благородное дело в балаган!

— Ты, малец! — тоже рассердился Гордей Васильевич. — Помалкивай при старших! Идем звонить Ивану.

Он первым прошел в комнату, где стоял телефон, снял трубку, долго, словно неуверенно, набирал номер, заговорил нарочито беззаботным тоном:

— Иван?.. Приветствую... Знаю, знаю, что неприятности, да у кого их нет... Никуда твой эликсир не исчезал, Илларион его выпил... Выпил, да и все!.. Немедленно под наблюдение?.. Опасно?.. Вот приезжай и полюбуйся на него... И меня обязательно подожди... Долго нет Сереженьки? Ну и что?.. Гуляет или собачку себе разыскивает... Значит, жди меня здесь, у Иллариона. — Он положил трубку, взглянул на часы. — Мне пора. Ивана до меня не отпускайте. Вот, Лапа, радость наша, какая получается каша. В детство вернулся — ладно, а вдруг ты еще и впадешь в него?

— Ты полагаешь, что я слабоумен?

— Есть некоторые основания предполагать это, — насмешливо ответил Гордей Васильевич. — Значит, Рома, ты изображай своего папулю, а он пусть сидит в ванной. Дай ему какую-нибудь интересную книжку с картинками. — Уже у дверей он сказал: — Если бы, Иллариоша, я не любил тебя, в психиатричку бы сдал немедленно!

Когда он ушел, Роман спросил:

— Объясни все-таки мне, почему ты мечтал, извини, о такой нелепости, как возвращение в детство? Я ведь так и не понял!

— Нелепости? — с укором переспросил Илларион Венедиктович. — А разве не бывало в истории случаев, когда что-то новое казалось сначала нелепостью, а потом оказывалось приобретением человечества?

— И ты сейчас надеешься на это?

— Теоретически — да, практически — все может быть. Заберут меня под медицинское наблюдение, и **там** я проведу остаток дней своих. Вроде мыши или морской свинки. Я больше за Ивана беспокоюсь. От радости или возмущения он может...

Раздался дверной звонок.

— Желаю успеха, Рома. Действуй. А я в ванную,

Роман открыл дверь, и в прихожую стремительно ворвался Иван Варфоломеевич, а за ним вошли мужчина и женщина в белых халатах.

И тут же Роман совершил оплошность, сказав, правда, голосом отца:

— Рад приветствовать вас, дорогой Иван Варфоломеевич! Давненько мы с вами не виделись!

— Ах, ты еще и шутишь! Да еще и глупо шутишь! — Иван Варфоломеевич, можно сказать, рассвирепел, хотя подобное никак ему не было свойственно. — Марш на диван! Надо немедленно осмотреть тебя, шутник-самоучка! Сорвал мне опыты! Поставил моих сотрудников в глупейшее положение! И помереть ведь мог!

Роман был неплохим актером, мог до неузнаваемости изменить свое лицо, голос, походку, но выдать свое молодое тело за старческое... Увы! Когда он разделся до пояса, Иван Варфоломеевич восторженно прошептал:

— Как помолодел... — Он отошел к окну и радостно подумал: «Значит, эликсир обладает незаурядными силами воздействия на человеческий организм, а не только на мышей и морских свинок!» — Ну, что там? — нетерпеливо спросил он.

— Снимать кардиограмму нет особой необходимости, — ответил врач, — хотя мы и сделаем это. Совершенно здоровый человек. Организм примерно тридцатилетнего спортсмена.

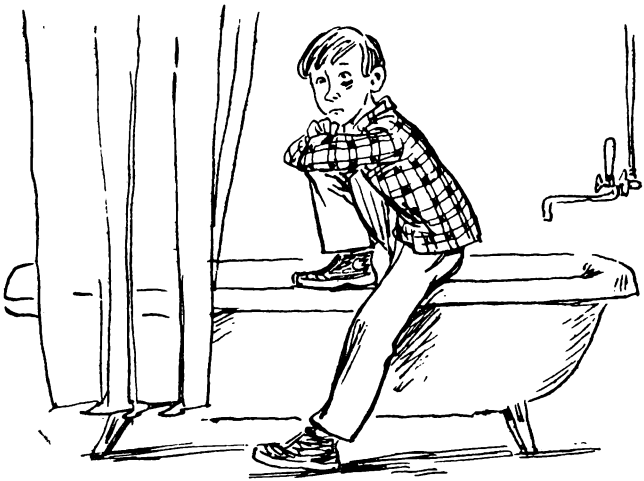
И опять Роман допустил оплошность, уточнив:

— Тридцатичетырехлетнего.

— У тебя именно такое ощущение? — возбужденно спросил Иван Варфоломеевич.

Заработал аппарат, поползла лента бумаги.

Иван Варфоломеевич был в полной, но счастливой растерянности: границы возможностей его эликсира раздвинулись! Значит, можно, отбросив все эти глупые идеи



возвращения в детство, просто задерживать старение организма! Спасибо тебе, Илларионушка!

А подлинный Илларион Венедиктович, уныло сидя на краю ванны, ловил себя на желании бегать, прыгать, драться, обзываться... В нем жило как бы два человека — мальчик и старик, причем они непрерывно спорили друг с другом, но пока всегда побеждал старик: его доводы были разумны и убедительны. Но мальчик сдавался не до конца, старика он слушался, но желания свои погасить не мог. И у мальчика родилось убеждение, что ему никогда не уговорить старика. Вот сейчас он, мальчик, пытался доказать ему, что глупо во всем подчиняться взрослым, а сидеть в ванной совсем уж глупо. Однако старик был непреклонен...

В кабинете Иллариона Венедиктовича медики вынесли решение по поводу здоровья Романа:

— Штангистом может быть.

— Спасибо, спасибо, вы свободны, — весело сказал Иван Варфоломеевич. — В случае чего я позвоню. Но, видимо, сегодня же направим его к вам.

Врач недоуменно пожал плечами и ушел с медсестрой.

«Илларион Венедиктович» оделся, сказал:

— Гордей Васильевич оч-чень просил его подождать.

— Милый ты мой Иллариоша! — ласково воскликнул Иван Варфоломеевич. — Если бы ты только знал...

— Прошу оставить восторги до прихода Гордея Васильевича. Тебя ждет жестокое разочарование. И виноват в этом буду **не я.**

— Да не боюсь я этого старого ворчуна! А где Роман?

— Ушел за покупками. Знаешь, я им недоволен. Несерьезный человек. Ведет себя дурак дураком!

— Да перестань! — отмахнулся Иван Варфоломеевич. — Честно, не знаю, какой он актер, но человек он замечательный. Вот только не женится, это он зря. Я с удовольствием повидаюсь с ним... А в мозгах у тебя ничего такого... не происходит?

— Чего — такого? Все нормально.

— Видишь ли, мы пока не занимались влиянием *грандиозуса наоборотуса* на мозг. Вдруг при таком здоровом теле окажешься с мозгом ребенка?!

— Я-то нет! — уверенно заявил Роман и голосом отца добавил: — У меня и мозги пока здоровые.

— Пока-то пока... И голос у тебя какой-то... неустойчивый. Пожалуй, сегодня же передадим тебя под наблюдение. Рисковать нельзя.

А мальчик Лапа в это время страшно захотел есть, и сколько существовавший в нем старик ни уговаривал его потерпеть, Лапа не выдержал. Он тихонечко вышел

из ванной, проник на кухню, открыл холодильник, обернулся на шум шагов и увидел в дверях Ивана Варфоломеевича.

— Приветствую тебя, Иван, — сказал Лапа, — ты не голоден? Может, поешь со мной?

Глава под номером Десять и под названием

На помощь приходит робот Дорогуша, или Полнейшее крушение коварной девочки Верочки

Поехать в совхоз возить навоз, да еще без своих прекрасных волос, означало для Робика *моральную гибель,* то есть физически он, конечно, оставался жив-живехонек, но это был уже не Робик, даже не Робка-Пробка, тем более не Робертина, а Дыня! И вместо привычной наглости, заполнявшей раньше все его существо, теперь он ощущал в себе совершенно неизвестную ему покорность.

А раз ему грозила *моральная гибель,* то он впервые в жизни нуждался в моральной же поддержке и позвонил бывшей воспитанной девочке Веронике, которая оказалась коварной девочкой Верочкой.

Стара как мир истина, утверждающая, что несправедливость особенно тяжело переживают люди несправедливые. Это и предстояло в полной мере испытать Робику.

Из трубки раздался воспитанный голосок:

— Вас слушают.

— Приветик, Вероника... — сиплым от волнения голосом выговорил Робик.

— А, это ты, Дыня! — Воспитанный голосок сменился на язвительный. — Чего тебе от меня надо? Я совершенно не расположена продолжать с тобой хотя бы поверхностное знакомство. Мне и здороваться-то с тобой при посторонних стыдно.

Сжав зубы, Робик пытался вернуть себе хотя бы частичку прежней наглости, но вместо этого плаксиво спросил:

— Почему?

— Ты еще спрашиваешь, Дыня?! Посмотри на себя в зеркало! — коварная девочка Верочка расхохоталась. — Ты же у р о д л и в о выглядишь! Ты больше не пользуешься не только авторитетом, но даже малейшим уважением! Банда от тебя отказалась! Так что забудь мой образ!

— Да вырастут же они когда-нибудь!

— Тогда и поговорим, вернее, посмотрим. Это во-первых. А во-вторых, нет никакой уверенности, что тебя не обезобразят снова. Власть твоя над дедом кончилась. Кому ты нужен теперь без валюты! И как вообще ты намерен жить?

— Меня посылают в подшефный совхоз возить навоз! — возопил Робик.

Коварная девочка Верочка хохотала громко, долго и грубо. Она даже устала от этого ужасного для Робика хохотания, с трудом проговорила:

— Логично. Я всегда предполагала, что именно этим ты и закончишь свою бандитскую карьеру. Ты для меня абсолютно бесперспективен и неинтересен. Чао, Дыня! Не вздумай мне звонить!

И в трубке раздались издевательски звучащие гудочки отбоя, явно намекающие на *моральную гибель* Робика, Робки-Пробки, Робертины, Дыни...

Вам, уважаемые читатели, даже в общих чертах и не представить состояние бывшего красавца и бывшего наглеца. Хорошо еще, что он был достаточно глуповат, точнее, просто был глупым, и не мог в должной мере сообразить, что же с ним произошло. Он ощущал, конечно, что-то очень и очень неприятное, но не понимал, что ему грозит. Робик примерно знал, что такое совхоз, догадывался, что такое навоз, но совершенно не представлял, как ему можно появиться где-нибудь без великолепных волос. Он то с отвращением, то с нежностью ощупывал свой дынеобразный, наголо остриженный череп, пытаясь понять, что же сотворила с ним, Робкой, коварная девочка Верочка. Как бывший наглец, не по своей воле лишившийся этой наглости, став покорным, он превратился еще и в труса. Сидел он, сидел, глядел на свою дынеобразную голову, глядел и чувствовал, что не способен не только на какой-нибудь наглый проступок, а даже — на поступок.

Но если он мог пребывать в состоянии бездеятельности, то коварная девочка Верочка не могла себе позволить ничего такого подобного. Она должна была действовать!

Не очень-то легко ей было расстаться с Робиком: все-таки жизнь ее раньше во многом зависела от него. На ворованные (она прекрасно знала об этом!) у деда деньги они ходили в кафе, кино, цирк, аттракционы разные, наслаждались игровыми автоматами.

А что же делать теперь, когда Робик лишился прекрасных волос и возможности воровать деньги у деда, а Робертина потерял банду?.. Проще всего было бы использовать толстяка Вовика, управлять которым она на-

училась. Сейчас требовалось выяснить его способности и возможности. Вдруг он даже и мороженым угостить не в состоянии? И где его разыскать? Конечно, он сам явится к ней, но когда? Сколько можно ждать? Ведь жизнь-то проходит! Не успеешь оглянуться, как появится у тебя доченька вроде тебя!

Коварная девочка Верочка позвонила Робику и властным голосом повелела:

— Разыщи мне новый адрес и телефон генерал-лейтенанта в отставке Самойлова Иллариона Венедиктовича. Быстренько!

Донельзя обрадованный Робик трясущимися руками стал листать блокнот, лежавший у телефона: там дед записывал самые нужные номера и адреса. От радости у него буквы и цифры прыгали перед глазами.

Не знаю, как вам, уважаемые читатели, а мне вот в данном случае чуть-чуть жаль Робика. Нельзя же все-таки так-то вот с ним обращаться! Ведь совсем недавно он был ей необходим!

А она считала, что в жизни надо действовать именно так, и только так. Записав адрес и номер телефона, которые Робик продиктовал дрожащим голосом, она даже не поблагодарила, а просто положила трубку и сказала, любуясь своим отражением в зеркале:

— Представляю, какая у него сейчас физиономия! Он-то, дурак, решил, что нужен мне! Дыня-то такая!

Она вертелась перед зеркалом, как бы репетируя свое появление перед генерал-лейтенантом в отставке, прикидывая, как будет ему лгать-сочинять-привирать, чтобы узнать, где найти толстяка Вовика.

Но коварная девочка Верочка не была бы сама собой, если бы рассчитывала только на него. Помыслы ее были куда сложнее и еще куда коварнее. В глубине своей, так сказать, бездушной души она помышляла позна-

комиться с тем мальчиком, который не побоялся ввязаться в драку с целой бандой. Правда, тут коварная девочка Верочка стала разглядывать себя в зеркале через плечо, вспомнив, как больно и грубо ударил ее мальчик, как неприлично выразился. Настоящий мужчина! Куда там до него Робику, пусть даже и с его прекрасными волосами! Обаяние настоящего мужчины не в шевелюре, а в характере!

Этот смелый мальчик не позволит помыкать собой и не сразу подчинится ей, придется приложить немало усилий, чтобы приучить его угадывать ее желания... И конечно же, она найдет возможность отомстить за тот удар по тому месту... Но затем она вызовет в мальчике высокое и прекрасное чувство к себе... А Робик пусть едет в совхоз, возить... забыла, что... Сейчас же — вперед, действовать!

Оставим ее, уважаемые читатели, и, прежде чем продолжить наше повествование, позвольте обратить ваше внимание на следующий факт. Вы вполне резонно можете спросить меня: почему я много места уделяю таким ничтожным натурам, как, например, той же коварной девочке Верочке? Я в этом нисколько не повинен. Мое дело — отображать жизнь, а в жизни, к величайшему и глубочайшему сожалению, ничтожные натуры занимают достаточно много места или, по крайней мере, пытаются занять. Вреда и горя хорошим людям они приносят немало именно из-за своей ничтожности. Да и пока в них разберешься, сколько времени, сил и нервов истратишь! Вот книги, в частности, и должны предупреждать о наличии в жизни подобных натур, чтобы, встретив их, вы были бы сразу настороже и знали, примерно хотя бы, на что они, ничтожные натуры, способны.

Мы же сейчас вернемся в квартиру Иллариона Венедиктовича. Если вы помните, уважаемые читатели, мы

покинули ее в тот момент, когда Лапа страшно захотел есть, открыл холодильник, в кухню вошел Иван Варфоломеевич, и мальчишка сказал:

— Приветствую тебя, Иван. Ты не голоден? Может, поешь со мной?

— Не имею чести знать тебя, грубиян! — сердито отозвался ошеломленный Иван Варфоломеевич. — Откуда у тебя столько синяков? Ты, верно, еще и хулиган?

— Прости меня великодушно, Иван Варфоломеевич! — виновато и даже трусливо воскликнул мальчик. — У меня, представь себе, такая неумная манера шутить! Вообрази себе, я надеялся, что это тебя развеселит!

— И обращаться к старшим на «ты» тебе тоже представляется смешным? Илларионша! — позвал Иван Варфоломеевич и, когда на кухне появился Роман, спросил: — Это что за невоспитанная личность?

— Соседский. Хулиган невообразимый. Даже нельзя одного оставлять дома. Вот я и согласился на свою голову ненадолго приютить его.

— А откуда он знает меня?

— Я неоднократно и с большим удовольствием видел и слушал вас по телевизору! — бойко ответил мальчик. — Вы еще про зверюшек-игрушек рассказывали!

— Похвально, что ты смотришь серьезные передачи и даже кое-что запоминаешь. Но от своей манеры шутить отвыкай. Илларион, он, видимо, есть захотел, а я ему помешал.

— Он прекрасно знает, что где находится, — хмуро сказал «Илларион Венедиктович». — Что-то Гордей Васильевич задерживается... Может, по старой памяти в шахматишки?

— Когда это ты играть научился? — удивился Иван Варфоломеевич. — Насколько мне известно, ты не мог

ферзя от королевы отличить! Я только с Ромкой душу и отводил. Боюсь, боюсь, что у тебя что-то с памятью...

— Вот ради Ромы я и научился играть!

Раздался дверной звонок. Иван Варфоломеевич обрадовался:

— Или Рома или Гордеюшка! — Он ушел и вернулся с коварной девочкой Верочкой.

— Ты зачем сюда?! Чего тебе здесь надо?! — прямотаки набросился на нее соседский мальчишка. — Ну-ка марш отсюда!

— Слушай, ты! Не знаю, как звать тебя, сорванец! — возмущенно прикрикнул на него Иван Варфоломеевич. — Или опять шутишь? Или иначе не умеешь разговаривать с женщинами?

— Добрый день, — с виноватейшей улыбочкой сказала коварная девочка Верочка. — Прошу извинить и его и меня, Илларион Венедиктович. Меня — за приход без предупреждения и приглашения, а его... Поверьте, он замечательный человек, но я перед ним страшно виновата... Он и не сдержался, неожиданно увидев меня. Грубость его чисто внешняя. Позвольте мне на несколько минут забрать его у вас? У меня к нему дело чрезвычайной важности.

— Ну, если ненадолго... — неуверенно произнес «Илларион Венедиктович». — Но...

— Буквально на несколько минут! — И коварная девочка Верочка за руку увела, почти утащила за собой растерявшегося Лапу.

— Бывают же еще такие воспитанные девочки! — удивился, даже умилился Иван Варфоломеевич. — А мальчишка...

— Он мне бесконечно дорог, — проникновенно и печально сказал «Илларион Венедиктович». — Как родной...

— Ну... А с виду он...

— Вид у него совершенно обманчив.

— А у меня, знаешь ли, неприятности... — не сдержавшись, Иван Варфоломеевич тяжко вздохнул. — Сын ко мне вернулся, за него волнуюсь... Да и за тебя... Сегодня же сяду за анализы. В принципе, я не должен отходить от тебя...

— За меня волноваться не надо. Вот за Лапу...

— Какую лапу?

— Мальчишка-то в синяках.

— Лапа, Лапа... — Иван Варфоломеевич задумался, припоминая. — Подожди, подожди... Это же твое детское прозвище!

— Совпадение, совпадение, — растерянно пробормотал «Илларион Венедиктович». — А может, я так стал его называть. Не помню.

— Не помнишь? Не нравится мне это, — озабоченно признался Иван Варфоломеевич.

— Да ведь мелочь же это! Чего ей придавать значение?

— Тут любая мелочь грозит... Вот явится Гордеюшка, решим, что с тобой делать. А как тебе мой Сереженька? Ну, самое общее впечатление?

— Нормальное, — теперь уже тяжко вздохнул «Илларион Венедиктович». — Вполне, вполне нормальное...

— А чего пыхтишь?

— Да настроение...

— Сам виноват! — довольно резко произнес Иван Варфоломеевич. — Конечно, теперь тебе не сладко придется. Будут тебя наблюдать, изучать... Вот и вернулся в детство! Да и мне ты задачу задал. Ведь пока абсолютно неизвестно, ЧТО с тобой получилось и еще получится! Может быть, свершилось величайшее научное открытие, может быть, ты превратишься... понятия не

имею, что с тобой может стрястись!.. Мыши и морские свинки — это одно, а человек... Представляешь, какую ты взвалил на меня ответственность?

— Зато я теперь понимаю, — мрачно проговорил «Илларион Венедиктович», — что вернуться в детство невозможно, да и не надо. Если превратишься в ребенка, а умом и душой останешься взрослым...

— Точнее, стариком, в твоем случае.

— Да-да... Ты ведь только наблюдать детство будешь, хотя, так сказать, и вблизи. А подлинных детских впечатлений и переживаний не испытаешь. Если же вернут тебе и детский ум, ты станешь ребенком, а не в детство вернешься.

— Поумнел, поумнел, Иллариоша! — искренне, хотя и с оттенком иронии, восхитился Иван Варфоломеевич. — Я некоторым образом теоретически принимал твою озабоченность судьбами дурных детей, твое желание как-то практически участвовать в их перевоспитании...

— Противоестественная затея, — жестко произнес «Илларион Венедиктович». — Детство прекрасно тем, что неповторимо... Его можно сохранить в памяти, в сердце...

— А старость? — Иван Варфоломеевич даже вскочил от волнения. — Как это ни странно звучит, но ведь и старость неповторима! Ее тоже надо достойно и интересно прожить.

Тут раздался дверной звонок, и он поспешил в прихожую, и вернулся с Гордеем Васильевичем. Тот сразу чуть ли не закричал:

— Дураки! Честное слово, старые дураки! Прости, Роман, что я втянул тебя в эту склеротическую, маразматическую историю!

— Какой... Роман?! — поразился Иван Варфоломеевич. — Он куда-то ушел... Что с тобой, Гордеюшка?

— Ма-а-ара-а-азм! Старческий, клинический, идиотический, умственно подагрический маразм! Иди, приведи себя в нормальный вид, — сказал Гордей Васильевич Роману, и тот вышел.

— Объясни мне, пожалуйста...

— Дай отдышаться... Подвел я тебя, Иван... Поступил с тобой как последний негодяй, хотя мечтал только о том, чтобы помочь тебе. Не торопи меня, пожалуйста. У меня в голове, в душе — хаос! Ты меня презирать будешь и прав будешь!

— Пока, Гордеюшка, я слышу только сумбурный набор слов!

— Я позволил себе ввести тебя, ученого, в грандиознейшее заблуждение! Сейчас перед тобой был загримированный под Иллариона Роман!

— А... а... а для чего? А где сам Илларион?

— Он превратился в десятилетнего мальчика и сейчас сидит в ванной.

— Нет его там, — сказал вернувшийся Роман. — Его увела какая-то девочка. Уверяла, что ненадолго, а вот...

— Кошмар... — Иван Варфоломеевич не мог больше говорить, отпил воды из поданного Романом стакана. — Это же... чего же вы... Разыгрались! — презрительно продолжал он. — А вдруг сейчас с ним что-нибудь... Немедленно разыщите его! Иначе... иначе... Детей собираетесь перевоспитывать, а сами...

Гордей Васильевич попросил Романа посмотреть, нет ли Лапы где-нибудь поблизости, позвонил в лабораторию, велел немедленно привезти робота Дорогушу, заговорил и торопливо, и сбивчиво:

— Понимаешь, Иванушка, ты прав и... меня тоже пойми... Нет у меня сейчас возможности все тебе объяс-

нить... А ты имеешь право... если хочешь, даже обязан... презирать меня, проклинать, но... тут дело еще серьезнее, чем ты предполагаешь...

— Прости меня, Гордеюшка, — остановил его Иван Варфоломеевич. — Ни проклинать, ни презирать тебя я не собираюсь. Знаю: ты действовал из лучших побуждений. Но какое нагромождение нелепостей! Извини, глупостей, граничащих... Как ты посмел скрыть от меня Лапу?! Это ведь не твое и даже не мое личное дело!

— Но ты — мое личное дело!

— Неправда!

— Разберемся... когда-нибудь... — почти неслышно сказал Гордей Васильевич. — Я хотел уберечь тебя... Я и до сих пор верю своему сердцу... Сейчас разыщем Лапу и...

— И ответь мне! — приказал Иван Варфоломеевич. — Ответь мне честно! Мой Сереженька имеет отношение к твоим действиям?

— Да. И больше меня об этом не спрашивай.

— Спа... си... бо. Но если ты болеешь за меня, то почему наносишь мне самый... убийственный удар?

— Ты мне отвечаешь тем же... — Гордей Васильевич был не в силах продолжать, Иван же Варфоломеевич деловито спросил:

— А зачем тебе Дорогуша?

Не поднимая головы, но заставив себя поднять бессильно опавшие руки и положить их на колени, Гордей Васильевич глухо объяснил:

— Он быстро найдет Лапу. И практически все еще можно исправить.

Вернулся Роман и обеспокоенно сообщил:

— Одна девочка видела, как Лапа и девочка, которая недавно сюда приходила, сели в такси на ближай-

шей стрянке. Что бы это могло означать? Как можно объяснить поведение моего отца?

— Это уже не твой отец, — жестко ответил Иван Варфоломеевич, — вполне возможно, что он действует уже как десятилетний мальчишка.

— Рома, — позвал Гордей Васильевич по-прежнему глухим, заметно прерывистым голосом, — у Дорогуши великолепная зрительная память. И есть в нем великолепное устройство, которое помогает ему довольно быстро находить предметы и людей. Прошу тебя, нарисуй на своем лице синяки.

— Это значительно проще, чем выдавать себя за своего отца, — насмешливо сказал Роман и вышел.

Шофер привел Дорогушу. Гордей Васильевич нажал в нем несколько кнопок, что-то подкрутил, а когда вернулся Роман, приказал, четко произнося каждое слово:

— Запомни это лицо. Найди мальчика с таким лицом.

— Вас понял, — ответил Дорогуша. — Приступаю к поискам.

— Поедешь в машине. Будешь указывать шоферу направление.

— Вас понял.

Когда шофер ушел с ним, Роман спросил:

— И вы надеетесь, что робот...

— Уверен, — твердо ответил Гордей Васильевич. — Это у него здорово получается.

— Всегда ты был чудаком, Гордеюшка, — невесело, но уже мягко проговорил Иван Варфоломеевич. — Роман, неси шахматы. Хоть немного отвлечемся. А ты, Гордеюшка, прости меня за несдержанность.

— Что ты, Иванушка... Я перед тобой виноват...

Сейчас я попытаюсь, уважаемые читатели, объяснить вам поведение Гордея Васильевича, в котором кое-кому

из вас может показаться многое непонятным. Но это лишь на первый взгляд. Помнится, я уже сообщал, и не однажды, что Гордей Васильевич почему-то сразу был абсолютно убежден, что Сергей Иванович — никакой не сын его старого друга, а самый, так сказать, обыкновенный агент иностранной разведки. Его к нам з а б р о с и л и с целью немедленно выкрасть секрет изобретения Ивана Варфоломеевича. А тут еще неожиданно обнаружилось, что границы применения эликсира *грандиозус наоборотус* невероятно расширились. А подлинное лицо Сергея Ивановича будет, вполне возможно, выяснено уже завтра (и в этом известное значение будет иметь детское фото Сереженьки подлинного). И Гордей Васильевич старался хотя бы до завтра оттянуть время. Ему думалось, хотя он больше доверял сердцу, чем разуму, что сумеет как-то смягчить удар, который готовит судьба его дорогому другу. И еще он боялся, очень тревожился, что сегодня же, пользуясь доверчивостью своего так называемого отца, Сереженька попытается завладеть секретом его выдающегося изобретения.

И тут вдруг ученого словно озарило: он понял, что не такой уж простак Иван Варфоломеевич, и тем более у него хватит мужества достойно встретить удар судьбы.

А Дорогуша сейчас ехал в машине на поиски Лапы. В металлической голове робота попискивало, жужжало, гудело.

Он изредка обращался к шоферу:

— Попрошу налево... попрошу прямо... Попрошу еще раз налево...

Трудность поиска заключалась в том, что Дорогуша, вернее, его великолепный электронный мозг, замечательные электронные глаза должны были обнаружить, причем на расстоянии до пяти километров, лицо Лапы, чего пока не удавалось. Пока оно улавливалось либо в про-

филь, либо чаще Лапа оказывался к Дорогуше затылком.

Но вот в металлической голове робота запопискивало, зажужжало, загудело значительно гро́мче. Чаще звучал и его голос:

— Попрошу быстрее... попрошу направо... еще раз попрошу направо... быстрее...

Дело в том, что Лапа с коварной девочкой Верочкой к а т а л и с ь в такси. А случилось все это так.

Эликсир *грандиозус наоборотус* продолжал действовать на организм Лапы, понемногу возвращая ему мальчишеские качества. В нем самым удивительным образом соседствовали старик и мальчик, пребывая в почти беспрестанном споре. И теперь частенько упрямство и беззаботность мальчика побеждали. Старик возмущался, а мальчик торжествовал.

И когда они с коварной девочкой Верочкой вышли из дому, Лапа мысленно отмахнулся от строгих предупреждений старика вести себя разумно, спросил:

— Чем могу служить?

— Верным рыцарем! — с обворожительной улыбкой ответила она. — Способны вы на это?

— Надеюсь. Вернее, льщу себя надеждой. Будьте настолько любезны сообщить мне, а что, собственно, для этого требуется?

— Во-первых, некоторое наличие валюты и, во-вторых, желание интересно и весело провести время, стараясь доставить мне как можно больше удовольствия! — Она действовала нагло, и Лапа решил о т о м с т и т ь ей за все ее предыдущие коварства по отношению ко всем ее жертвам.

Илларион Венедиктович умолял его прекратить глупости, вернуться домой, ведь там их ждут, а его жизнь в опасности, но Лапа развязно спросил свою спутницу:

— С чего начнем, дорогая? Попробую оправдать ваши представления о рыцарстве!

— Вы очаровательны! — восхитилась и даже немного похихикала от восторга коварная девочка Верочка. — Если не возражаете, начнем с кафе, где масса вкуснейших вещей и светомузыка. Достаточно ли у вас валюты?

— Какие пустяки! Жаль, что нас не пустят в ресторан, а кафе, простите, для младенцев.

— Жаль, что лицо у вас в синяках, — нежно проворковала коварная девочка Верочка, беря Лапу под руку, — но, с другой стороны, это придает вам своеобразную загадочность! Знаете, мой прежний поклонник...

— Робик? — Лапа с трудом удержался, чтобы не вырвать свою руку. — Он же Робка-Пробка, он же Робертина, а теперь Дыня? И по вашим понятиям, он является рыцарем?

Она решила пока не замечать его поразительной осведомленности, хотя внутренне вся насторожилась, ответила презрительно:

— По сравнению с вами, он полное ничтожество. Никчемность Робика не скрывали даже прекрасные волосы. Я пресекла всякие отношения с ним. Но простите, я ведь даже не знаю вашего имени, мой верный рыцарь!

— Я предпочитаю жить инкогнито, — гордо ответил мальчик, — а прозвище мое — Лапа.

— Неизящно, — поморщилась коварная девочка Верочка. — Но, в принципе, мне симпатична ваша грубость. Это от внутренней силы, да? И тот удар ваш по тому месту, и даже неприличное выражение, которое вы не постеснялись употребить при мне, шокировали меня. Но зато я сразу поняла, что предо мною необычная, не похожая на других личность!

— Вы получили по заслугам, дорогая.

— Спорный вопрос, но я вас простила. Как, впрочем, надеюсь, что и вы меня за все простите, и вообще... позвольте надеяться на вашу благосклонность.

Здесь, уважаемые читатели, нельзя не отметить, если вспомнить мои вышеизложенные рассуждения о месте в нашей жизни ничтожных натур, следующий немаловажный факт. Они ничтожны по своим стремлениям и духовным качествам, но силы для исполнения своих ничтожных желаний они прилагают огромные. Так вот и вела себя сейчас одна из ничтожнейших натур. И будь на месте Лапы обыкновенный мальчик, коварная девочка Верочка крутила бы им как угодно.

А в Лапе сейчас мальчик старику совершенно не подчинялся, и старик был доволен: они не позволят торжествовать ничтожеству! И как замечательно — быть в детстве!

Коварная же девочка Верочка продолжала наступление:

— В конце концов, Лапа, у нас есть что-то общее. Мы, согласитесь без излишней скромности, незаурядные натуры.

Илларион Венедиктович крякнул от возмущения, а Лапа присвистнул. Коварная девочка Верочка сделала вид, что ничего не заметила.

В кафе они заняли отдельный столик, и вскоре он был заставлен вазочками с различных сортов мороженым, стаканами с соками и молочными коктейлями, тарелочками со всевозможнейшими пирожными, и все это странная пара, на которую оглядывались посетители, уничтожала стремительно.

А в зале была полутьма, сверкала разноцветными огнями и гремела светомузыка, и разомлевшая от счастья

и угощений коварная девочка Верочка ухитрялась есть, пить и шептать:

— Обратите внимание, с какой завистью смотрят на нас все! Я обожаю жить только так, чтобы мне за-ви-до-ва-ли! Откуда у вас деньги?

— Я честно заработал их, — сквозь зубы процедил Лапа.

— А Робик регулярно воровал у деда! Но такой роскоши он не мог мне предоставить... Дорогой Лапочка, неужели я не сумею вам понравиться? Не лишайте меня хотя бы надежды!

— Вы не только не способны мне понравиться, — с презрением ответил Лапа, — я приложу все усилия, чтобы разоблачить вас перед всеми. Я докажу, что вы не воспитанная девочка Вероника, а коварное существо Верочка.

— И юмор у вас грубый! И это вам идет! — расхихикалась она, хотя невольно поерзала на стулике, вспомнив т о т удар. — Мне жаль терять вас, Лапочка!

— Вот из-за этой ерунды? — Он показал на опустошенный стол. — До чего же вы испорчены! — почти с сожалением воскликнул он. — Чего бы вы еще хотели, дорогая?

— Пусть я испорчена! — с достоинством отозвалась она и немного похихикала. — Но я живу интересно! Свободно! Ведь выпало же мне счастье быть с вами! Кстати, я обожаю кататься в машине!

— Такси вас устраивает?

— Вполне!

Илларион Венедиктович уже совершенно сурово спросил Лапу, что тот задумал. А Лапа не мог ему признаться, что в нем борются уже два противоположных желания: доставить удовольствие той, которую полагал полным ничтожеством, и отомстить ей за все коварства.

Словно учуяв это, она горячо защебетала, крепко держа Лапу под руку и наклонившись к его уху:

— Вы переполнены предрассудками и, простите, не очень современны... Такси! Такси! — закричала коварная девочка Верочка.

Сначала шофер не хотел пускать их в машину, но Лапа вежливо спросил:

— Почему? Вы свободны. Маршрутом мы вас не ограничиваем. Нам просто хочется покататься. Деньги у нас есть. Если же вас смущают мои синяки...

— Он один схватился с целой бандой! — гордо сообщила коварная девочка Верочка. — Один! И вышел победителем!

— Убедили, — невесело сказал шофер, — поехали. Но родители вас балуют, а это к добру не приведет.

Они промолчали на это замечание, через некоторое время спутница спросила Лапу:

— Откуда у вас так много сведений обо мне? Кто и зачем помогает вам собирать клевету и сплетни?

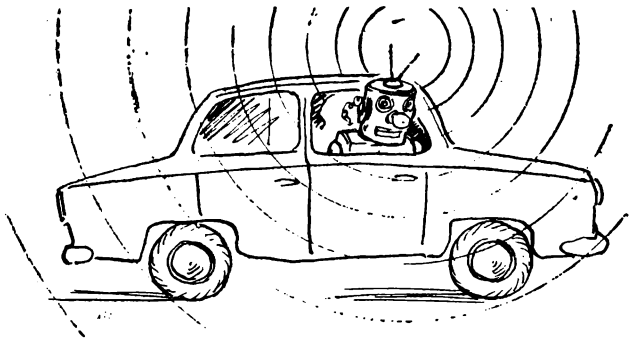
— Вы прекрасно знаете, что это не клевета и не сплетни, — не сдержавшись, громко ответил Лапа, не глядя на нее. — Мне о вас много рассказывал, например, генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов.

— Генерал-лейтенант в отставке! — насмешливо воскликнула коварная девочка Верочка. — Этот старикашка?

— Кто вам дал право, — гневно спросил Илларион Венедиктович, — так неуважительно отзываться о пожилом человеке, который воевал за ваше будущее?

— Я его не просила!

Машина резко остановилась, и шофер, не оборачиваясь к пассажирам, тихо, но грозно сказал:



— Вот что... Как бывший фронтовик, я эту... дальше не повезу.

— Совершенно справедливое решение, — устало ответил Лапа. — Прошу вас. — Он открыл дверцу, помог ничего не подозревающей спутнице выйти, быстро сел обратно и едва захлопнул дверцу, как машина тронулась с места и быстро покатила вперед.

Ни шофер, ни Лапа не услышали возмущенного, истошного вопля коварной девочки Верочки: ведь ее оставили почти на окраине города.

— Откуда только берутся такие? — даже не сердито, а растерянно спросил шофер. — А ты, парень, молодец. Больше с такими не связывайся.

— Я, пожалуй, пройдусь пешком, — печально сказал Илларион Венедиктович в полном согласии с Лапой, расплатился и вылез из машины.

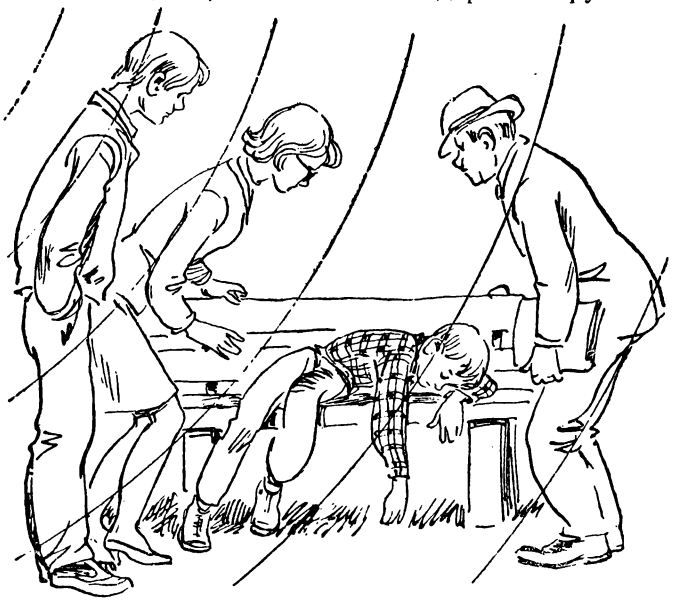
Не успел он пройти и ста шагов, как у него больно кольнуло сердце, пришлось присесть на скамью.

«Ну, чего ты добился?» — спросил Илларион Венедиктович, а Лапа ответил: «Будто не знаешь? Немного отвел душу. Отомстил ничтожеству». «Вполне понимаю те-

бя, — согласился Илларион Венедиктович, — а я хоть немножечко, да побыл в детстве! Но что мы обнаружили? — И сам ответил: — В войне за сердца и умы людей врагам нашим, к сожалению, есть на кого рассчитывать даже среди детей».

Голова у него словно налилась свинцом, весь он ослаб, сидел, держась руками за спинку скамьи, раздумывал вяло и туманно: «Что-то делает со мной *грандиозус наоборотус*... Но ведь мне захотелось пройтись пешком... А до дома так далеко... А там меня ждут... Позвать на помощь?.. Или так пройдет?»

Илларион Венедиктович потерял сознание, однако продолжал сидеть, инстинктивно держась руками за



спинку скамьи, мгновениями сознание возвращалось к нему, он еще крепче сжимал руки...

— Попрошу прямо и как можно быстрее! — скомандовал в это время Дорогуша шоферу. Звуки в металлической голове робота почти совсем затихли: он обнаружил того, кого искал.

А вокруг лежавшего на скамье Лапы уже собрались любопытные и оживленно обсуждали, что могло случиться с мальчиком. Он был уже в глубоком обмороке.

— Попрошу остановиться!

Из машины вышел Дорогуша, перед ним все расступились в удивлении. Он бережно взял Лапу на свои механические руки, с помощью шофера уложил его на заднее сиденье, сам устроился в ногах.

По дороге Илларион Венедиктович очнулся, открыл глаза, увидел Дорогушу, сообразил, где они находятся, прошептал:

— Быстро к Ивану...

— Не понял, — ответил робот.

— Я понял, — сказал шофер, — мы, Дорогуша, едем к Гордею Васильевичу.

— Вас понял.

К концу пути Илларион Венедиктович пришел в себя, но когда машина остановилась у подъезда, Дорогуша все-таки помог ему выйти, под руку ввел в лифт, вывел и, не убрав своей металлической руки, вошел с ним в квартиру, сказал:

— Задание выполнено.

Все его начали благодарить, а Иван Варфоломеевич попросил:

— Ну, Лапа, рассказывай, что с тобой было. Обморок? Неожиданный? Что ж... В принципе лечить тебя, вернее, исследовать, могу только я. Сейчас привезут до-

зу одной составной части *грандиозуса наоборотуса*... Надо что-то придумать. И чтобы врачи были рядом.

— Как ты себя сейчас чувствуешь? — обеспокоенно спросил Роман. — Почему ты непослушен, как ребенок?

Илларион Венедиктович слабо улыбнулся и ответил:

— Это сложно объяснить. Физически я просто немного устал. А вот в остальном... Понимаете, во мне одновременно живут, действуют и непрестанно спорят мальчик и старик... И вот когда побеждает мальчик, мне необыкновенно... непередаваемо... мне даже стала чуть-чуть нравиться одна, правда, непорядочная, девочка...

— Папуля! — изумленно воскликнул Роман.

— А что? — весело отозвался Илларион Венедиктович. — Ты же был влюбчив с самого раннего детства, можно сказать... Так вот, к вашему сведению, я наслаждался тем, что я в детстве... Временами я совершенно забывал о старике, который живет во мне... И, что бы со мной ни случилось, мои дорогие, я УЖЕ ни о чем не жалею! Я по-прежнему мечтаю пожить Лапой! Я сумею принести пользу детям! Я полагаю...

— А я полагаю, что ты элементарно заговариваешься, — проворчал, впрочем, не очень уж и сердито, Иван Варфоломеевич. — В тебе действительно появилось что-то младенческое. Хорошо еще, что я примерно предполагаю, как действует эликсир. При-мер-но, учти. Но вот как он будет действовать дальше, понятия не имею. Ты только подумай: неизвестно, какая участь ждет тебя.

— Меня это не пугает, — с виноватой улыбкой сказал Илларион Венедиктович. — В любом случае это будет небесполезно для науки. И еще: моя вина не так уж и велика. Я ведь не намеренно выпил твой *грандиозус наоборотус*.

— Конечно, конечно, во всем виноват я! — разгорячился Иван Варфоломеевич. — Это меня и гнетет!

— И совершенно напрасно, — осторожно заговорил молчавший до сих пор Гордей Васильевич. — Я убежден, что Иван доведет свое изумительное открытие до блестящего завершения. Но! — он даже встал от внезапного волнения. — Ни на минуту мы не должны забывать о том, что если мы тревожимся о судьбах детей нашей, можно прямо сказать, многострадальной планеты, то враги интересуются не зверюшками-игрушками. Для них твое изобретение, дорогой Иван, — о р у ж и е против человечества, если они им завладеют!

— Этого не случится, — твердо произнес Иван Варфоломеевич. — Я разделяю твои чувства и мысли, дорогой Гордеюшка. Не беспокойся, я выполню свой гражданский долг.

— Никто в этом и не сомневается, — сказал Илларион Венедиктович. — Дети нуждаются в нашей помощи, все равно, я убежден, мы должны заниматься ими больше, чем занимаемся. Каждый из них, понимаете, каждый нужен стране. Ни одного из них, даже обормота или обормотки, нельзя отдавать врагам! Я знаю, что враги уже тянутся к ним, пытаются на них воздействовать! И наш гражданский, отцовский и дедовский долг — напоминать людям об этом! Ведь они только ростом маленькие, потомчики-то наши! Они растут так быстро, что мы иногда не успеваем воспитать их! Ведь какое это великое горе, когда из сына или внука, дочери или внучки вырастает обормот или обормотка! И чтобы этого не случалось, жизни жалеть не надо!

В это время из лаборатории доставили требуемую дозу составной части эликсира *грандиозус наоборотус*, прибывшие врачи долго обследовали Лапу и вынесли решение: нормальный, но не по годам развитый мальчик.

После ухода врачей Илларион Венедиктович выпил дозу эликсира, спросил:

— А поесть мне можно?

— Ешь и пей сколько хочешь, — разрешил Иван Варфоломеевич. — Часа через два примешь еще дозу... До этого времени я побуду с тобой. Все равно Сереженьки нет дома. Ну, и придется доложить куда следует. Об этом мы попросим Гордеюшку. Я слишком взволнован. Рома, расставляй шахматы.

Теперь нам с вами, уважаемые читатели, надо спешить в квартиру-универмаг почти со всеми отделами бывшего собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт, он же Эдик, он же агент иностранной разведки по кличке Суслик.

Там, если вы помните, Григорий Григорьевич взялся своим кастрюльным методом излечить малюсенькую собачку, злобную, как взрослый тигр-людоед, и увидел, что за оконной портьерой стоит человек в зеркальных очках и с ножом в руке.

Как ветеран войны и милицейской службы, Григорий Григорьевич приказал себе действовать хладнокровно и выполнить свой долг до конца. Он, конечно, понимал, что человек за портьерой — крупный, опасный и опытный преступник и задержать его вряд ли удастся. Значит, задача состоит в том, чтобы увидеть, запомнить лицо преступника и заявить о нем.

Держа в далеко вытянутой руке клетку с бесновавшейся в ней маленькой собачкой, злобной, как взрослый тигр-людоед, в кухню вошел Суслик и поставил клетку на пол.

Собачка з а б е с н о в а л а с ь еще сильнее.

— Да, с НИМ придется повозиться, — озабоченно проговорил Григорий Григорьевич, единственным своим глазом внимательно взглянув на человека в зеркальных очках и с ножом в руке.

— Это не он, а она, — жалобно промямлил Эдик, — по кличке Эммочка.

— Кастрюлю! — приказал Григорий Григорьевич. — И слушать все мои распоряжения! Повторяю и предупреждаю: с НИМ придется повозиться!

— Да не с ним, а с ней!

Шпионов готовят ко всему, они должны уметь решительно и безошибочно действовать в любых, самых невероятных ситуациях, не испытывать ни растерянности, ни страха и т. д. и т. п. Но их не учат, мне это, уважаемые читатели, точно известно, схваткам с малюсенькими собачками, злобными, как взрослый тигр-людоед!

Эммочка крайне свирепствовала. Такого сверхнаизлобнейшего тявканья природа еще не знала. Рассвиревший взрослый тигр-людоед по сравнению с ней (не по размерам, а сущностью) показался бы котом, рассердившимся на кошку.

— Я беру кастрюлю, — громогласно объяснял Григорий Григорьевич план своих действий Эдику, — а вы открываете клетку, и я пытаюсь накрыть ЕГО кастрюлей.

— Да не его, а ее, Эммочку!

— Не рассуждать, а действовать! Открывайте клетку!

— Б... б... б... боюсь, — прошептал Эдик, — а вдруг она... — И он отбежал подальше в угол и выкрикнул оттуда: — Действуйте сами, это же ваш метод!

Если бы я решил, уважаемые читатели, передать в точности, что сейчас думал о Суслике Сынок, мне пришлось бы обойтись одними многоточиями.

— Меня все это абсолютно не устраивает, — раздраженно сказал Григорий Григорьевич, напряженно думая над тем, что сделать, чтобы увидеть лицо преступника. — И ваше трусливое поведение меня возмущает. Не могу же я один...

— Можете, можете, вы все можете! — взмолился Эдик. — Ваш кастрюльный метод безупречен!

— Иду на риск! — решительно заявил Григорий Григорьевич. —.Огромнейший риск! За последствия ответственности не несу! Что я буду делать? — спросил он и ответил: — Во-первых, я могу уйти, чтобы не быть искусанным...

— У... у... у...

— Не умоляйте, не поможет. Во-вторых, я немедленно доложу куда следует, что собачьей практикой вы занимаетесь незаконно, потому что на каждом шагу демонстрируете свою профессиональную непригодность. В-третьих...

— П... п.... п...

— Просить не надо! — И тут Григорий Григорьевич почувствовал; преступник за портьерой понял, что его заметили. — Только гуманное отношение к животным вынуждает меня идти на риск! Я все делаю сам!

— Начинайте! — восторженно завопил Эдик. — Желаю успеха!

Григорий Григорьевич с кастрюлей в одной руке подошел к клетке, где Эммочка находилась уже за пределами разъяренности взрослого тигра-людоеда, открыл дверцу, и когда собачка стрелой вылетела оттуда, намеренно не смог накрыть ее кастрюлей, а ловко вскочил на табурет.

То же самое мгновенно проделал Эдик, и Эммочка бросилась, что вполне естественно, на Сынка, который был для нее досягаем, и стала рвать на нем брюки и впиваться в его ноги, конечно, попеременно то в одну, то в другую.

Как ни сдерживался Сынок, но, повторяю, в обширнейшей программе обучения в шпионской организации «Целенаправленные Результативные Уничтожения» та-

кого **упражнения** не предусматривалось. Сынок знал, например, как отбиться от крупной собаки, да еще имея в руках оружие, а вот как отделаться от малюсенькой собачки, которую он даже толком разглядеть не мог, агент не знал. Он лишь мужественно молчал, поднимая то одну, то другую ногу, пытаясь отпнуть Эммочку, но тщетно... Казалось, каждый очередной укус Эммочки был значительно болезненнее предыдущего...

И, не выдержав мук, Сынок выскочил из-за портьеры, заметался, преследуемый Эммочкой, по кухне, ища, куда бы забраться повыше, не соображая, что проще всего влезть на подоконник. Когда он пробегал мимо Григория Григорьевича, тот, теперь уже точно прицелившись, надел на агента кастрюлю и даже немного покачал ее из стороны в сторону, чтобы сбить очки.

Терзаемый Эммочкой, Сынок сам сорвал кастрюлю, а Григорий Григорьевич, мгновенно, но во всех подробностях **запечатлев** его лицо в своей памяти, крикнул:

— Больше я рисковать не намерен! Действуйте сами! — и, спрыгнув с табурета, бросился вон из кухни.

Хлопнула дверь.

И хотя Сынок находился теперь в безопасном положении — занял место на табурете, — состояние его было нечеловечески разъяренным. Размахивая кастрюлей, он выкрикивал то, что можно передать лишь крупными, величиной примерно с горошину многоточиями.

Эммочка чуть приустала, но продолжала бесноваться, юсь от одного табурета к другому. Сынок понимал, что надо действовать: ведь неизвестно, что сейчас делает сбежавший пенсионер. Прицелившись, агент спрыгнул с табурета, накрыл Эммочку кастрюлей.

Некоторое время кастрюля ползала по полу...

— Придавите чем-нибудь, — посоветовал Суслик, оставаясь на табурете, — а то она... Придавите, придавите!

— Я тебя самого сначала придавлю! — злобно отозвался Сынок, в изнеможении сел на кастрюлю и закурил.

Он оглядел себя: брюк до колен у него практически не было, ноги были в укусах, царапинах, крови.

А Суслик все еще продолжал стоять на табурете, как живой памятник своим безразмерным глупости и трусости, но вдруг обрел некое подобие относительного спокойствия и заговорил:

— Собственно, ничего страшного, тем более непоправимого, не случилось. Кроме, конечно, ваших ранений... Брюки вам придется купить, потому что в моем гардеробе на ваш рост...

— Слушай, Суслик, осел ты последний, — довольно равнодушным, вернее, предельно усталым, тоном остановил его Сынок, морщась от боли. — Как я объясню своему так называемому отцу вот это? — Он показал на свои истерзанные ноги.

— Пустяки! Скажете, что вас искусала собака! Такая большая-пребольшая!

— А если тот пенсионер сейчас приведет сюда милицию?

— Ну и что? Вы мой клиент, вас искусала моя собака. Я плачу штраф... будто бы, конечно! — радостно предложил Суслик.

— Боже мой, ну и ду-у-урак, — печально протянул Сынок. — Да слезь ты с табурета! — заорал он. — Кто этот пенсионеришка с его кастрюльным методом?

— Сначала я принял его за вас. — Суслик сел на табурете, поджав ноги. — Он приходил со старушкой, я ее усыпил, разбудить не мог, а она в гипнотическом сне тявкала и утверждала, что попала в руки шпиона. Я совершенно запутался, — простодушно признался Суслик,

опять же по своей безразмерной глупости решивший, что шпионские его дела идут прекрасно.

У Сынка уже не было сил ругаться. Он встал с кастрюли, пересел на табурет, уныло сказал:

— Ведь по инструкции и старушку, и пенсионеришку, да и тебя надо бы **убрать**. Но это опасно.

— Никого не надо **убирать!** — взмолился Суслик. — Старушка совершенно безобидна, видимо, насмотрелась фильмов о шпионах. Пенсионер — обыкновенный контролер на всех видах городского транспорта, кроме такси, конечно. А я обязуюсь быть образцовым агентом.

— Ничего другого тебе и не остается, — пробурчал Сынок, — принеси мне ножницы, а я взгляну на собачку, чтоб она там сдохла.

Когда Суслик вернулся с ножницами, Эммочка лежала на полу вверх лапками, но один глаз у нее был открыт. Сынок достал из кармана белый, с фашистскими свастичками галстук, мелко-мелко-мелко изрезал его, приказал:

— Выбрось в мусоропровод! — Затем он снял брюки, морщась от боли. — Туда же!

Выполнив приказания, Суслик спросил:

— Мне идти в магазин за брюками? Но у меня дома ни копейки, честное слово...

— Где у тебя телефон? — И Сынок вслед за хозяином прошел в одну из многочисленных комнат, вызвал «скорую помощь», разговаривая высокомерно, даже несколько грубовато, представился сыном известного ученого Мотылечка, просил прислать санитаров с носилками... — Вот так! — удовлетворенно произнес он, положив трубку. — Сегодня или завтра я буду у тебя. И постарайся больше не делать глупостей. Возобнови прием пациенток. Будь похожим на нормального человека. Учти: если ты бу-

дешь вести себя исправно, с заданием мы справимся быстро. Уразумел?

Со «скорой помощью» все произошло именно так, как рассчитал Сынок. Приехавшие врачи и медсестры обработали ему ноги, сделали уколы, санитары вынесли его на носилках и на носилках же подняли в квартиру.

Зато не повезло Григорию Григорьевичу. Выбежав от собачьего гипнотизера по фамилии Шпунт, он не направился сразу в милицию, а решил сам проследить, куда пойдет опасный преступник. Душа ветерана милицейской службы жаждала настоящей **оперативной** работы! И вот вам... Конечно, не все потеряно: он сообщит, что обнаружил преступника, сообщит о подозрительном образе жизни собачьего специалиста, но он мечтал явиться в милицию с более точными сведениями!

Когда же Сынка несли в машину «скорой помощи», Эммочка из квартиры выпрыгнула и осталась сидеть на асфальте никем не замеченной. Она безучастно смотрела по сторонам и, увидев выходящего из-за угла Григория Григорьевича, радостно бросилась к нему.

— Эммочка! — изумился он и взял ее на руки. — Почему ты здесь одна?

«Не могу объяснить тебе, — взглядом ответила она. — Ведь ты все равно не поймешь моего тявканья. Пойми хотя бы одно: я так рада тебе! Ах, как рада! И не бросай меня, хотя у тебя наверняка есть другая! А т е х двоих я боюсь, я не хочу возвращаться т у д а!»

— Да не волнуйся ты, ни о чем не волнуйся, — успокаивал ее Григорий Григорьевич. — Я тебя не оставлю.

В милиции его поблагодарили за сообщение о событиях, происходящих в квартире-универмаге почти со всеми отделами, заверили, что делается все, необходимое в таких случаях, и Григорий Григорьевич вышел оттуда гордый сознанием исполненного долга.

Но через некоторое время он начал испытывать неясное пока смятение и виноватость. И, лишь встретив тревожный взгляд Эммочки, понял, что волнуется о судьбе Анастасии Георгиевны. Все-таки он поступил несправедливо, лишив ее единственного утешения в жизни и возможности перевоспитать хотя бы одного *оратора из оравы.* К тому же, сейчас у него появилась Эммочка, у которой никого нет, кроме него. Поэтому надо поговорить с Джульетточкой, объяснить ей создавшееся положение, и она, умница, все должна понять. Кстати, ее чувство к Григорию Григорьевичу, только сейчас сообразил он, могло быть лишь благодарностью, а не любовью.

И пока он, уважаемые читатели, размышляет, как ему быть, чтобы наилучшим образом устроить судьбу близких ему существ, проследим за действиями Сынка.

Еще лежа на носилках в «скорой помощи», он успокаивал себя мыслью о том, что с заданием справится быстро. Старикашка обожает его, пока он, майор Серж фон Ллойд, сам лично не допустил ни одной оплошности, а Суслика, если он еще вздумает валять дурака, можно привести в порядок. Задание было рассчитано на длительный срок, сейчас все надо делать значительно быстрее, и Сынок уже был готов к этому.

Ивана Варфоломеевича, к счастью, дома не оказалось. Сынок быстро переоделся и сразу приступил к делу: начал искать записи об эликсире или препарате, названия которого пока он еще не знал. Они могли оказаться в самом неожиданном месте. Ученый ведь жил один и вполне мог делать записи, к примеру, хоть на кухне и там же их оставить. Об этом Сергею Ивановичу сообщила убиравшая квартиру старушка.

Сегодня мозг агента, видимо, от всего пережитого в квартире-универмаге почти со всеми отделами, работал необыкновенно остро. Сынок вспомнил, что в аэропорту

сотрудники поздравляли Ивана Варфоломеевича с новыми достигнутыми ими результатами, а он сообщил, что привез какие-то новости, которые явятся для лаборатории праздником. Конечно, он имел в виду записи, которые делал в отеле, а записи могли быть — где? С удовлетворением потирая руки, Сынок направился к чемодану, из которого недавно ловко выкрал свой белый, с фашистскими свастичками галстук, осторожно и самым тщательным образом перебрал вещи и на дне обнаружил блокнот, исписанный формулами и колонками цифр.

Включив торшер, Сынок положил блокнот на подставку, взял миниатюрнейший фотоаппаратик и начал неторопливо, тщательно делать снимки с каждого листка.

Агентское сердце ликовало.

— Чем занимаешься, сынок? — услышал он за своей спиной голос неслышно вошедшего в комнату Ивана Варфоломеевича.

Шпионское сердце похолодело.

Глава под номером Одиннадцать и под названием

Пути шпионские исповедимы,

или

превращение Сереженьки в майора Сержа фон Ллойда

Опечаленный, просто переполненный горем Вовик вроде бы бесцельно слонялся по улицам, а на самом деле думал и думал, как бы ему встретиться с Илларионом Венедиктовичем и Лапой.

После знакомства с ними Вовику захотелось жить совсем иначе, чем он жил прежде. Конечно, и коварная девочка Верочка не выходила у него из головы и, увы, из сердца. И, честно говоря, он не знал, как будет вести себя, если случайно встретится с ней. Умом он понимал, что надо пройти мимо, даже не оглядываясь и не сказав ей ни слова. Но сердце осторожно намекало, что в нем тлеет высокое и прекрасное чувство к той, которая когда-то была воспитанной девочкой Вероникой, вся голова в разноцветных бантиках...

Он и не заметил, что давно сидит на скамье у подъезда, в котором живет Илларион Венедиктович. Впервые в жизни Вовик чувствовал, что ему нужен друг, человек, с которым интересно жить, заниматься чем-нибудь важным... Сейчас он даже представить не мог, как это он

ухитрился п р о д р ы х а т ь встречу с генерал-лейтенантом в отставке, который обещал сообщить ему какую-то тайну, предлагал свою дружбу...

Когда из подъезда вышли врачи, Вовик почему-то решил, что они от Иллариона Венедиктовича, и растревожился, не случилось ли чего с ним. Но зайти в квартиру он постеснялся, помня просьбу Лапы не беспокоить генерал-лейтенанта несколько дней. Куда идти? Что делать? Чем заняться?.. И такая огромная одолела его тоска, такое сильнейшее ощущение собственной ненужности никому, что он впервые в жизни испытал желание подраться, вот как бился Лапа — один с несколькими бандитами.

Не заметил Вовик, как из-за угла появился озабоченный Григорий Григорьевич с Эммочкой на руках. Сразу сообщу вам, уважаемые читатели: он до того был озабочен судьбой Анастасии Георгиевны и Джульетточки, что п р и б р е л не к тому дому!

На Вовиково счастье, Григорий Григорьевич заметил мальчишку, обрадовался, но подойдя, обнаружил, в каком горестном состоянии тот находится, участливо спросил:

— Чего это с тобой? Опять женщина?

— Не знаю, — печально отозвался Вовик. — Может быть...

— Всем сердцем понимаю тебя, — сокрушенно произнес Григорий Григорьевич. — От женщины, которая жестоко и коварно тебя обманывала, легко не отделаешься. По себе знаю. Придется тебе еще немало пострадать, но все это будет тебе только на пользу. Однако, Вовик, против любых бед и страданий есть одно сильное средство — дела и заботы! Желательно — о других, а не о себе. Помоги-ка мне! Чего тебе, понимаешь ли, пребывать в бездействии?

— Опять эта собаченция? — с презрением спросил Вовик.

— И эта вот, Эммочка, — нежно ответил Григорий Григорьевич, — и другая, известная тебе Джульетточка. А главное, Анастасия Георгиевна. Она в сочувствии и помощи очень нуждается. Собачкам лучше не видеть друг друга, они ревнивы, а ревность, друг мой, любое живое существо даже на преступление толкнуть может. Ты постоишь с Эммочкой в соседнем подъезде, а когда я уйду за угол с Джульетточкой, занесешь Эммочку в мою квартиру. Чувства, даже собачьи, уважать надо.

Конечно, Вовик подумал, что вот, мол, кто о ком переживает, но выполнить просьбу согласился, тем более почувствовал, что оставаться одному ему просто невмоготу.

Все-таки богатый жизненный опыт правильно подсказал Григорию Григорьевичу, как ему быть с Джульетточкой. Он застал ее скучной, вялой, не прикоснувшейся к еде.

— Все понял, все! — обрадовался он. — Не забыла ты свою дорогую Анастасию Георгиевну.

Сразу ожила Джульетточка, взглядом умоляюще попросила: «Вам я за все благодарна, но соедините меня, пожалуйста, с моей законной владелицей!»

— Идем, идем! — ответил ей Григорий Григорьевич. — Вернее, едем, едем на любом из видов городского транспорта, в том числе и на такси, конечно!

Как реагировала Анастасия Георгиевна на возвращение Джульетточки, нет необходимости, уважаемые читатели, описывать.

Выслушав поток благодарных слов, Григорий Григорьевич поспешил к своей Эммочке, на радостях, увы, забыв о Вовике.

Нет никакого сомнения в том, что кое-кому покажется если и не смешной, то, по крайней мере, странной и даже нелепой привязанность старых людей к собачкам и кошкам. Ничего в этом смешного, странного, тем более нелепого, — нет. С собачкой или кошкой жить еще можно: все-таки рядом живое существо, — а сколько одиноких старых людей даже без домашних животных доживает свой век? Вы, уважаемые читатели, хотя бы одному или одной из них помогли чем-нибудь когда-нибудь где-нибудь? Помогите, пожалуйста, при случае. Доброе дело сделаете.

Теперь мы возвращаемся, пожалуй, к одному из самых главных событий нашего повествования. Помните, Иван Варфоломеевич спросил Сереженьку, застав его за фотографированием страниц своего блокнота, в котором были зафиксированы последние данные об эликсире *грандиозус наоборотус*.

— Чем занимаешься, сынок? — И получилось так, словно он просто полюбопытствовал, хотя ум его отказался сразу оценить подлинное значение происходившего. Иван Варфоломеевич обессилел, опустился в кресло и машинально переспросил: — Чем занимаешься?

— Работой, папа, — спокойно ответил Сережа, делая все так же неторопливо и тщательно последние снимки. — Жаль, что ты застал меня за этим, очень жаль. — Он сел напротив, устало развалившись в кресле. — Я хотел все скрыть, дорогой отец, чтобы не волновать тебя понапрасну.

— Принеси мне, пожалуйста, стаканчик вина, — попросил Иван Варфоломеевич, который, как ему казалось, и не волновался нисколько, а просто потерял способность испытывать что-либо. — Там, в кухонном шкафчике, есть такая длинная бутылка.

— Тебе — вина?!

— Да, очень помогает... я тяну эту бутылку уже года два.

Сережа (или Серж?) принес стаканчик, но Иван Варфоломеевич долго не мог поднять руки, только шевелил пальцами. Прикрыв глаза, он приказал себе держаться, не раскисать, открыл глаза, взял стаканчик, медленно, маленькими глотками выпил, проговорил:

— Вот спасибо...

И молчал. Он знал свою особенность не сразу реагировать на несчастье или неудачу, это обыкновенно наступало чуть после, а сейчас он спросил, словно просто поинтересовался:

— Надеюсь, ты все-таки не мой сын? Тогда мне стало бы хоть чуточку легче.

— Папа, я тебе все объясню. — Сережа (или Серж?) заметно нервничал. — Ты же знаешь, моей мечтой было вернуться к тебе. И я не торговался со своими хозяевами. Это было бы в высшей степени бесполезно и в не меньшей степени опасно. Со мной могли р а с п р а в и т ь с я в любой момент любым способом. А условие было одно: добыть секрет твоего изобретения. Если я не выполню этого условия, меня вскоре не будет... в живых. Понимаешь? Меня не будет в живых!

— Почему ты сразу не сказал мне об этом?

— Повторяю: не хотел тебя волновать. Не приди ты вот недавно, и все обошлось бы самым наилучшим образом.

— И что ты сейчас предлагаешь мне? — продолжал словно бы просто интересоваться Иван Варфоломеевич. Он чувствовал, как усталость расползается по всему телу. — Стать предателем? Твоим сообщником?

— Каким предателем?! — искренне поразился Серж (или Сережа?). — Изобретение принадлежит тебе! Ты его полновластный хозяин!

Иван Варфоломеевич покачал головой, ответил:

— Все, что мы делаем, у нас принадлежит народу. Понимаешь, мне предоставляют условия для работы. Я имею полную возможность заниматься любимым делом. Делом всей моей жизни. Я счастлив. Больше мне ничего не надо. Я, естественно, горд, что моим, представлявшимся мне совершенно невинным, изобретением заинтересовались твои хозяева. Значит, и я могу работать на оборону. Но объясни, пожалуйста, на ЧТО сейчас рассчитываешь ты? Только на мое, тобою предполагаемое предательство? Его ты не добьешься. Нет сил, которые вынудили бы меня...

— Никто тебя, папа, ни к чему не принуждает! — Сережа (или все-таки Серж?) уже явно нервничал и не мог этого скрыть. — Давай не будем усложнять и без того запутанную ситуацию. В этом блокноте зафиксирован принцип твоих зверюшек-игрушек? Молчишь... Предположим, зафиксирован. Тогда остается один вопрос: ты хочешь или не хочешь, чтобы я был с тобой или ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ МЕНЯ УБРАЛИ?

— Для меня нет выше счастья, чтобы сын мой был рядом, — безразличным тоном отозвался Иван Варфоломеевич, думая лишь о том, чтобы не поддаться охватившей его тяжелой усталости, которая постепенно превращалась в сонливость. — Но сын ты мне или не сын, ты совершаешь государственное преступление... — У него вырвался короткий стон. — И ты будешь отвечать за него по **нашим** законам.

— Отец, но если ты действительно...

— Ты дал мне снотворное, Серж, — слабым голосом прошептал Иван Варфоломеевич. — Зачем? Чего ты этим добьешься? Или это яд?.. Раньше я предполагал, что вы действуете умнее... — И, широко зевнув, он заснул.

Сынок быстро перенес его на диван, снял с него ботинки, пиджак, положил под голову подушку, накрыл пледом и бросился вон из квартиры.

Вскоре он уже был у Суслика и торопливо приказывал:

— Вот это немедленно передай куда следует. Несколько дней меня не жди. Все в порядке. Но — передай сейчас же!

В волнении Сынок и не заметил, что Суслик был удивительно спокоен, даже умиротворен.

И пока Сынок мчится обратно, я успею, уважаемые читатели, объяснить вам причину удивительного Сусликова спокойствия, даже умиротворения.

Часа два назад у него были сыновья, облазили квартиру-универмаг почти со всеми отделами, радовались, что вещи на своих местах, печалились, что отец все еще жив и даже болеть не собирается, перед уходом пожелали ему недолгих лет жизни.

— Ох, и дураки же вы... — Эдик помолчал, чтобы не произнести рвущихся изнутри его существа неприличных слов, ибо считал себя культурным, интеллигентным, почти образованным человеком. — Как вы не можете понять, что вам ни в коем случае ничего не отколется? Я просто счастлив сообщить вам, что все мое богатство вплоть до импортного ночного горшка будет **конфисковано!** — И он разразился нервным, чуть истерическим, но все-таки радостным хохотом.

Сыновья не поверили ему и ушли.

Тогда из разных мест квартиры-универмага почти со всеми отделами появились три молодых человека, недавно предъявлявших ему ордера на обыск и арест. Один из них предложил:

— Вы бы хоть телевизор включили, Шпунтиков, чтобы не скучать. Мы ведь можем пробыть у вас долго.

— Здесь я никогда не скучаю, — уныло ответил агент, теперь можно сказать, уже бывший. — Я здесь раньше мечтал. Но я очень, очень, очень доволен, что моим подонкам ничего не достанется. Они ждали моей смерти, как только стали совершеннолетними, чтобы заполучить мои богатства... — Он истерически похохотал. — Можно, я полежу на кровати? Давно я не испытывал такого удовольствия!

Вот тут-то и явился Сынок, передал пакетик с пленкой и убежал.

— А его почему не тронули? — возмутился Суслик.

— Не извольте беспокоиться, — ответили ему, — давайте пленку, а в условленное место передадите вот это.

— Я бы поел чего-нибудь вкусненького-вкусненького, — плаксиво произнес Суслик, вернее, уже опять Эдик, — но дома у меня ничего такого не бывает. Я питаюсь исключительно экономно — концентратами, лапшой, вермишелью... Как роскошь, позволяю себе иногда пачку плавленого сырка, которую делю на два-три раза. Когда я ем, мне кажется, что я жую деньги! Но зато, когда я питаюсь исключительно экономно, мне кажется, что кто-то в это время кладет мне в карман деньги!.. Пойду, с блаженством полежу на кровати...

— Учтите, нам скоро выходить, — предупредил один из молодых людей.

На этом, уважаемые читатели, мы расстаемся с ничтожнейшим субъектом по фамилии Шпунтиков, он же бывший гипнотизер, затем бывший собачий гипнотизер по фамилии Шпунт, он же Эдик, бывший владелец квартиры-универмага почти со всеми отделами, он же бывший агент иностранной разведки по кличке Суслик...

А Сынок, возвращаясь в квартиру, так торопился, что думать не успевал. Задание, как он полагал, было выполнено, и в невероятно короткий срок, но вот что делать

сейчас?! Примерно сутки старикашка проспит крепким здоровым сном, потом у него должны образоваться провалы в памяти, и это состояние можно продлить при помощи специальных снадобий чуть ли не на неделю. А за это время можно кое-что и придумать... может быть, «Целенаправленные Результативные Уничтожения» сумеют вернуть его обратно... уже подполковником Сержем фон Ллойдом!

Но, ворвавшись в квартиру, Сынок увидел такое, от чего буквально остолбенел: Иван Варфоломеевич сидел на диване с двумя пустыми стаканами в бессильно опущенных руках. Глаза у него были полузакрыты.

— Что с тобой... папа? — очумело спросил Сынок, судорожно соображая, что может произойти дальше. — Отец, что с тобой?

Не ответив, а может, и не расслышав, Иван Варфоломеевич с трудом, еле-еле-еле поднялся, выронил стаканы на диван и, шатаясь, вышел из комнаты, так и не открыв глаз...

Мало сказать, что Сынок растерялся, — на какие-то мгновения он вообще лишился возможности осмысливать происходившее и инстинктивно бросился на кухню. Но там Ивана Варфоломеевича не оказалось. Сынок рванулся в другую комнату и увидел, что ученый что-то допивает прямо из пузырька. После этого он глубоко передохнул, взглянул сонными глазами на Сынка и, видимо, не узнал его. Сел на кровать и неподвижно сидел, низко свесив голову, безуспешно пытаясь положить руки на колени.

Пока Сынок был у Суслика, произошло вот что. Даже сквозь сон поняв, что он попал в руки врага, Иван Варфоломеевич нечеловеческим, просто невероятным усилием воли не давал снотворному завладеть собой. Уже подсознательно, машинально он добрался до аптеч-

ки, не разыскал, а каким-то чутьем нащупал нужные препараты, разбавил водой, выпил, но как все это делал и как снова оказался на диване, не помнил.

Однако, когда сознание чуточку освободилось от сна, а память перестала таять, Иван Варфоломеевич уже начал туманно догадываться, что же с ним случилось и какие из лекарств надо немедленно принять. Он д о л ж е н был окончательно очнуться!

Тут-то Сынок и струсил самым настоящим образом. Теперь он был во власти ученого, которого полагал раньше безвольным старикашкой, а тот оказался... А каким он был отцом! Из него веревки можно было вить! Сейчас же он, пожалуй, майора Сержа фон Ллойда в бараний рог согнет!

Иван Варфоломеевич поднял голову, взглянул на Сержа еще слегка-слегка затуманенными глазами и с усилием выговорил:

— Вам никогда не понять... что у нас есть... сильнее всех ваших средств... сознание долга... Родина у нас есть...

«Пленку Суслик сегодня передаст в надежные руки, — судорожно думал Сынок. — Мне просто надо спасать свою шкуру... Задание я выполнил, но... что, что, что делать, чтобы спастись?» И не умом даже, а чутьем загнанного в ловушку зверя он ощутил, что можно, надо, нужно, необходимо попробовать доказать, что он сын, а не Сынок. Это единственный выход из положения, единственный путь к спасению. И он ответил, по-настоящему задыхаясь от страха:

— Отец... папа... ты считаешь, и ты прав, что я многого не понимаю здесь, у вас. Это моя беда... А ты хоть раз подумал, что ты многого во мне не понимаешь?.. Ведь мне в мозги, печенку и селезенку ВБИЛИ чужое... меня же ЛОМАЛИ во всех смыслах этого слова... Не-

ужели тебе так легко отправить меня на смерть? Неужели тебе легко будет без меня? Опять один... Слава богу, мне недолго придется страдать... — Голос Сержа (неужели Сережи?!) звучал так проникновенно, что Иван Варфоломеевич пытался не слушать его.

Почувствовав, что старается не зря, Серж (а вдруг все-таки Сережа?!?!) продолжал еще проникновеннее, невольно упав перед Иваном Варфоломеевичем на колени:

— Ты спрашиваешь, что я намерен делать? Верить, что отцовские чувства не оставили тебя совсем. Сними телефонную трубку, и мы больше не увидимся. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше для меня. Я приму свою судьбу, поверь, достойно. Я мечтал вернуться на родину, мечтал обрести отца... Мы не поняли друг друга, не смогли понять... наступит расплата обоим... Я ни в чем не виню тебя, папа. У вас принято **так,** меня научили другому. У нас не было времени разобраться во всем... Прости меня, отец, за все и не поминай лихом...

— Серж... режа... — еле слышно сказал Иван Варфоломеевич, которому каждое слово Сержа (ну, а вдруг все-таки Сережи?!) больно ранило и без того больное сердце. — Может, я и не выдержу, даже договорить не успею... Нет, нет... — Он поднялся, слабым жестом руки отказался от помощи, еле-еле-еле добрел до кухни, там долго трясущимися руками наливал в стаканчик из длинной бутылки, кое-как выпил, вернулся в комнату. — Ты же обещал признание... раскаяние... а... предал... но я пережил отцовское счастье.... мне его не забыть...

— Всего несколько дней, отец! И я получу от **них** свободу! Пойми меня, хотя бы пожалей! Между двух огней я! Или **они** меня, или ТЫ... Тогда лучше — Т Ы!

— Идем на кухню, — предложил Иван Варфоломеевич. — Я хочу чаю, и желательно без снотворного.

Сынок никак не мог определить, подействовали его слова или нет. Иван Варфоломеевич внешне был невозмутим или просто обессилен, налил в небольшую кастрюльку воды, подождал, держась руками за газовую плиту, когда вода закипит, бросил в нее щепотку чая, накрыл крышечкой, сел... Сынок выпил два стакана сырой воды, отвернулся к окну, чтобы скрыть замешательство, растерянность и страх: вроде бы его слова не пропали даром, но вместе с тем он чувствовал, что воздействие их оказалось явно недостаточным. А если это так, осталось одно: идти напролом, брать старикашку за горло! Хорошо, замечательно, прекрасно было бы, если бы он вот сейчас же... сдох!

А Иван Варфоломеевич с наслаждением маленькими глотками попивал чай, и Сынка поразило, до чего он спокоен! Как будто ему ничего не грозит!

— Что же ты не идешь к телефону? — не сдержавшись, грубо спросил Сынок, но сразу сменил тон: — Ведь все просто, папа, — И опять он не сдержался, почти крикнул: — Звонок, донос — и совесть твоя будто бы спокойная! Ведь у вас принято предавать детей!

Иван Варфоломеевич налил в чашечку уже не чай, а опять из бутылки, выпил и спокойно проговорил:

— Это у **вас** принято предавать всех. Звони сам. А мне звонить не надо. Обо мне и так заботятся.

— Заботятся?!?! — Сынок понял, что опять не сдержался и, главное, не мог уже сдерживаться. — Да если бы я действовал, как мне положено, ты бы давно... я бы давно... Но я не могу! Я и не агент, и за сына ты меня не признаешь. Ты отказываешь мне даже в обыкновенном милосердии! Ты старый человек...

— Я ученый, — с естественным достоинством сказал Иван Варфоломеевич, — я привык доверять только фактам и на основе их принимать решения. Да, ты прав:

либо я должен подойти к телефону, либо ты. Иного не дано. Подумай немного и... у меня есть неотложные важные дела, мне некогда тут с тобой...

— Ну, что ж, отец. Я сделал все, чтобы удержать тебя от опрометчивых поступков. Мне терять нечего. Содержание твоего блокнота уже там. А смерти, выполнив задание, я не боюсь. И ты не успеешь дойти до аппарата...

— Ах, какие собрались храбрецы, — грустно произнес Иван Варфоломеевич. — Представь себе, и я, выполнив работу, почти не боюсь смерти.

— Заканчиваем болтовню, — Сынок вплотную подошел к нему. — Ты способен соображать?

— Как никогда. Только не трать время на запугивания. Никакого задания ты не выполнил. Ты п р о в а л и л с я. А моему изобретению цены нет. И никогда вы его не получите. И учти: по нашим законам чистосердечное добровольное признание может значительно облегчить твою участь.

Сынок резким и таким сильным движением вывернул ему руку назад, что боль мгновенно затуманила Ивану Варфоломеевичу мозг, и откуда-то издалека сквозь эту боль послышался голос:

— Твое изобретение в наших руках! А тебе тоже несладко придется! Ты не забыл, о чем и как ты т р е п а л с я у себя в номере? Как обещал мне все выдать? Видеопленку можно представить в любой момент! И после этого тебе несдобровать! Уж не лучше ли нам договориться по-хорошему?

— Отпусти руку, негодяй, вывихнешь, — простонал Иван Варфоломеевич. — Руку отпусти!

— И руки и ноги тебе переломаю! Я тебе, старый идиот...

Теряя сознание, Иван Варфоломеевич собрал все силы, плюнул в плавающее перед его затуманенными глазами белое пятно — лицо Сержа — и уже не расслышал дверного звонка.

Сынок быстро отнес его в ванную, связал скрученным полотенцем, другим полотенцем заткнул рот, положил в ванну, закидал бельем, вернулся в прихожую, открыл дверь и широко зевнул, потягиваясь.

— Где Иван? — спросил, входя, Гордей Васильевич.

В прихожую вошло несколько человек во главе с Петром Петровичем, который приказал:

— Обыскать квартиру!

— Руки, Сынок, — приказал один из вошедших, и тут же щелкнули наручники.

— Помогите мне! — крикнул из ванной Гордей Васильевич, и вскоре освобожденный от полотенец Иван Варфоломеевич лежал на диване.

— Жив? — прошептал Гордей Васильевич. — А, Иванушка? Жив?

— Еще... как... жив... — тяжело дыша и пытаясь улыбнуться, ответил друг. — Мне, знаешь бы... моего напитка...

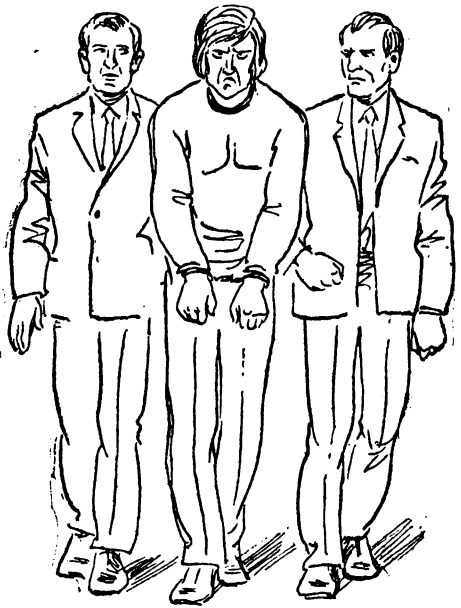
С необычайной для него быстротой Гордей Васильевич ушел и вернулся со стаканчиком в руке, стал поить Ивана Варфоломеевича, поднося стаканчик к его рту для каждого глоточка, объясняя Петру Петровичу:

— Второй год тянет одну бутылку. Что за причуда?

— По... мо... га... ет... — чуть громче прежнего выговорил друг. — Да не вино это... мое лекарство... сам составлял... сил придает... Гордеюшка... у меня рука... вывихнута...

— Потерпи-ка немного, — попросил Гордей Васильевич, сделал несколько движений, Иван Варфоломеевич

тихо вскрикнул и через некоторое время облегченно вздохнул.



— Вам трудно говорить? — спросил Петр Петрович. — Врача мы уже вызвали. И не беспокойтесь, пленка с вашими записями у нас.

Сколько ни сдерживался Сынок, лицо его исказилось и дрогнуло в судороге.

— В них никто ничего не поймет, — весело сказал Иван Варфоломеевич. — А главное — у меня в голове.

Сынок выругался на иностранном языке.

— Уведите его! — приказал Петр Петрович, сел на краешек дивана. — Спасибо вам, Иван Варфоломеевич, и вам, Гордей Васильевич, хотя вы, уважаемые товарищи ученые, и не все делали правильно. Чуть-чуть лишка самодеятельности проявили.

— Вы знали, Петр Петрович, что он не мой сын?

— Да как вам сказать... У нас было мало сведений о майоре Серже фон Ллойде. Но иначе мы поступить не могли. Мы берегли ваше изобретение. Вот как примерно выглядел бы ваш Сережа, если бы дожил до наших дней. Это удалось установить нашим специалистам по детскому снимку. — Петр Петрович протянул фотографию.

С нее смотрел молодой Иван Варфоломеевич.

— Полюбуйся, Гордеюшка... Простите, не обращайте внимания, я скоро... — По щекам Ивана Варфоломеевича текли слезы. — Ведь сейчас мой, родной, настоящий... будет со мной всегда... — Он не сводил глаз с фотографии. — Зато я теперь представляю, что такое отцовское счастье...

Когда друзья остались вдвоем, Гордей Васильевич спросил:

— Тяжело тебе пришлось?

— Знаешь, я его нисколько не боялся даже тогда, когда он уже ничего не скрывал. Но, понимаешь ли, до самого последнего момента... все еще надеялся... А почему ты сразу стал подозревать, что это не мой сын?

— Не знаю. Но был твердо убежден.

Их беседа была прервана приездом врачей. Исследовали они Ивана Варфоломеевича довольно долго. Он терпеливо сносил все, хотя несколько раз повторил:

— Нормально себя я чувствую... Вот отдохну немного...

Однако врачи были другого мнения: полежать не менее недели, если есть необходимость, сегодня же пришлют дежурить медсестру.

— Сегодня не надо, — сказал Гордей Васильевич, — я с ним побуду, а завтра вам позвоню.

После ухода врачей Иван Варфоломеевич сердито проговорил:

— Обычная врачебная перестраховка. У меня, например, зверский аппетит. Хочу жареной картошки с луком!

— Это я мигом организую. Только вот домой позвоню и Лапе. Кстати, а с ним что ты намерен делать?

— Поживем — увидим. Я уже дал задания сотрудникам произвести кой-какие расчеты и опыты. Да и сам завтра же займусь этим. Неясно одно: останется он в детстве или быстро вернется обратно в старость... Вот зверюшки-игрушки уже в принципе получились!

Друзья с великим удовольствием ели жареную картошку, попивали ароматный чай и умиротворенно беседовали.

Суть их длиннейшей беседы свелась к одному: неизвестно, какая судьба ждет Лапу, а вот доказать потомчикам, что детство надо ценить, прожить его с пользой для людей, весело прожить и интересно, чтоб оно в памяти навсегда осталось, — этому надо посвятить всю свою жизнь.

Если бы кто-нибудь мог взглянуть на них со стороны, то ни за что бы и не подумал, что недавно эти двое старых людей пережили немалые потрясения: так благодушно они выглядели.

Но быть такими долго они не могли, и вот уже Гордей Васильевич спросил, стараясь, правда, скрыть беспокойство:

— А все-таки что может ожидать нашего дорогого Лапу? Какие варианты?

Иван Варфоломеевич словно только и ждал подобного вопроса, легко встал, быстро прошелся взад-вперед мимо Гордея Васильевича и ответил озабоченно:

— Эти варианты у меня из головы не выходят. Но все они сводятся к одному: кто окажется сильнее — шестидесятишестилетний генерал-лейтенант в отставке Илларион Венедиктович Самойлов или десятилетний мальчишка Лапа.

— В каком смысле?

— В нем живут сейчас как бы два человека, и он сам это прекрасно ощущает. И вот кто из них возьмет верх... Мой эликсир на мозг не должен действовать. Значит, Илларион Венедиктович должен контролировать действия Лапы.

В наступившем молчании телефонный звонок прозвучал необычно громко и резко. Иван Варфоломеевич бросился к аппарату, схватил трубку и выкрикнул:

— Я слушаю!

Гордей Васильевич непроизвольно поднялся.

А Иван Варфоломеевич сел. Он слушал, полуоткрыв рот, и внешне был спокоен, как бывает при серьезной опасности, когда нет смысла расстраиваться, а надо действовать.

— Сейчас мы приедем, — произнес он в трубку и осторожно опустил ее на рычаг. — Ничего страшного, Гордеюшка, не случилось. Просто Лапа убежал из дома без разрешения. С детьми это бывает. Едем!

— Подожди, подожди! — Гордей Васильевич даже попытался усадить друга. — Во-первых, тебе необходим покой...

— Во-первых, в-третьих, в-десятых, в-сотых, в-тысяч-

ных, в-миллионных, у меня одна забота — Лапа! И не делай из меня этакого немощного старца! Вот Лапа, этот старенький, маленький негодник... Идем, идем!

По улицам они почти бежали. Гордей Васильевич все время повторял:

— Осторожней, Иванушка... осторожней...

— Отстань, Гордеюшка... отстань.

Роман, растерянный, даже напуганный, сообщил им, едва открыв дверь:

— Обещал меня накормить яичницей с колбасой, я прилег, задремал, проснулся, а его и след простыл! Только вот сейчас нашел... — Он протянул листок бумаги.

На нем торопливым почерком было написано:

Дорогой сынуля!
Я ушел бегать. Неинтересно сидеть дома.
Твой папуля.

— Папа ушел бегать... — задумчиво произнес Гордей Васильевич.

— Дорогие товарищи! — Роман в волнении прижал руки к груди. — Что же такое происходит?!

— Происходит редчайший биолого-психолого-педагогический эксперимент, — ответил Иван Варфоломеевич. — Наше дело — ждать, переживать, а дело ребенка — бегать!.. Скоро все, вернее, почти все прояснится, — уже серьезно продолжал он. — Если Илларион Венедиктович не сумеет подчинить себе Лапу, то еще неизвестно, какие фокусы выкинет мальчишка. Но — будем надеяться!

— На что? — с отчаянием спросил Роман.

— На благополучный исход научного эксперимента, — отчеканил Гордей Васильевич. — Рома, расставляй шахматы и кончай паниковать. Отец у тебя молодец.

Лапа прибежал довольно поздно, усталый, но возбужденный, чумазый, потный, с порога крикнул:

— Есть хочу, мочи нету! С Федькой играли в одной команде! По голу врезали! Завтра игра в десять! Накидаем им, будь здоров!.. Чего на меня уставились?

— Как ты себя чувствуешь? — словно бы мимоходом поинтересовался Иван Варфоломеевич.

— Замечательно! Прекрасно! Удивительно! Бесподобно! — и Лапа набросился на холодную яичницу с колбасой. — Вам этого, стариканы, не понять!

— А ну... — Роман подошел к нему с угрожающим видом. — Марш мыть руки... Лапонька!

Позвольте на этом,
уважаемые читатели,
закончить наше повествование —
немножечко юмористическое,
чуть-чуть-чуть сатирическое,
в меру детективное,
некоторым образом фантастическое,
но в основном дидактическое.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 5

Глава под номером ОДИН и под названием «Микроскопический государственный преступник Вовик Краснощеков, или Первые попытки генерал-лейтенанта в отставке Самойлова понять современных мальчишек» 24

Глава под номером ДВА и под названием «Сокровенная мечта профессора Ивана Варфоломеевича Мотылечка, или Пути шпионские неисповедимы» . . . 46

Глава под номером ТРИ и под названием «Личная безответственность, или Начало подготовки к редчайшему биолого-психолого-педагогическому эксперименту» 70

Глава под номером ЧЕТЫРЕ (продолжение главы под номером два) и под названием «Серж становится Сергеем Ивановичем, или «Не шпионь! Не шпионь! Не шпионь!» 94

Глава под номером ПЯТЬ и под названием «Шефчик Робертина, бывший Робка-Пробка, организует банду, или Прибор «Чадомер» дает показания сомнительной точности» 128

Глава под номером ШЕСТЬ и под названием «Воспитание детей — сверхнаиважнейший вопрос современности, или Банда Робертины пытается приступить к преступным действиям» 159

Глава под номером СЕМЬ и под названием «Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство, или Роль случайностей в жизни человека» 193

Глава под номером ВОСЕМЬ и под названием «Первые впечатления от повторного детства, или ЧТО случается, когда Федьке необходимо в «мы» 243

Глава под номером ДЕВЯТЬ и под названием «Судьба эликсира *грандиозус наоборотус* в опасности, или Почему иногда шпионы спят под кроватью» . . 293

Глава под номером ДЕСЯТЬ и под названием «На помощь приходит робот Дорогуша, или Полнейшее крушение коварной девочки Верочки» 326

Глава под номером ОДИННАДЦАТЬ и под названием «Пути шпионские исповедимы, или Превращение Сереженьки в майора Сержа фон Ллойда» . . . 359

Лев Иванович
ДАВЫДЫЧЕВ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ САМОЙЛОВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДЕТСТВО

Для среднего возраста

Зав. редакцией *А. Лукашин*
Редактор *А. Зебзеева*
Рецензент *И. Мотяшов*
Художественный редактор *С. Лузин*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *Л. Крамаренко*

ИБ № 1177

Сдано в набор 08.04.85. Подписано в печать 1.07.85. ЛБ06318. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч. изд. л. 16,331. Тираж 30 000 экз. Заказ № 382. Цена 65 к.

Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Давыдычев Л. И.

Д13 Генерал-лейтенант Самойлов возвращается в детство: Роман для детей, немножечко юмористический, чуть-чуть-чуть сатирический, в меру детективный, некоторым образом фантастический, но в основном дидактический / Худож. В. Аверкиев. — Пермь: Кн. изд-во, 1985. — 378 с.

Используя фантастический факт превращения старичка генерала в мальчика Лапу и детективный сюжет разоблачения иностранного шпиона, писатель в свойственной ему чуть пародийной манере разговаривает с детьми о самовоспитании, о преемственности поколений, о ранней гражданской ответственности.

Д $\frac{48030102-52}{M152(03)-85}$ 53—85 Р2

Дорогие ребята!

Ваши отзывы об этой книге присылайте по адресу: 614600, г. Пермь, ГСП, ул. К. Маркса, 30, Пермское книжное издательство.

65 к.